

Юлия Идлис

ГАРТОРИКС

перенос

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ ШУБИНОЙ

Другая реальность

Юлия Идлис

Гарторикс. Перенос

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Идлис Ю. Б.

Гарторикс. Перенос / Ю. Б. Идлис — «Издательство АСТ»,
2022 — (Другая реальность)

ISBN 978-5-17-149076-8

2241 год. Жизнь человечества выстроена вокруг феномена Переноса: после получения «номера», загадочного биохимического кода, тело человека умирает, а сознание переносится в звероподобное тело на планете Гарторикс. Кому и когда придет номер — неизвестно; отказаться от него — нельзя, можно лишь передать другому. На Гарториксе человеческие сознания могут менять тела и жить вечно — и за билетами в бессмертие идет настоящая охота: в телешоу, где можно выиграть «номер», вся планета выбирает победителей в прямом эфире, могущественный Департамент защиты сознания заменил все спецслужбы мира, преступные картели промышляют продажей номеров на чёрном рынке... Вот только так ли хороша жизнь на Гарториксе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149076-8

© Идлис Ю. Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Эштон	8
Глава 2. Дрейк	15
Глава 3. Гордон	24
Глава 4. Дрейк	31
Глава 5. Эштон	38
Глава 6. Дрейк	44
Глава 7. Эштон	50
Глава 8. Дрейк	57
Глава 9. Мия	65
Глава 10. Эштон	72
Глава 11. Мия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юлия Борисовна Идлис

Гарторикс. Перенос

Моему мужу Диме и моей подруге Олесе – первым читателям этой книги, без которых я не смогла бы ее дописать, а также моим родителям: отцу, научившему меня любить науку, и маме, которая просто всегда в меня верила.

© Идлис Ю.Б.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

These dreams are not mine¹.

Мне приходится повторять это про себя всякий раз, как я закрываю глаза. Иногда я слышу это даже во сне – или говорю. И тогда кто-то вдруг произносит эти слова вслух, пробираясь между розоватых теплых стволов, уходящих к небу.

Белое солнце уже скрылось, но красное еще висит над лесом, бросая длинные багровые тени поперек тропы. В короткий час между дневной жарой и ночным холодом его отсветы ложатся на всё вокруг, и мир кажется залитым теплой живой кровью.

Сквозь гладкую кору хондров проступают узловатые жилы, по которым течет густой алый сок. Если положить ладонь на ствол, можно почувствовать, как жилы пульсируют – доверчиво и незащитно, как ямочка в середине груди между ребрами, куда помещаются только два моих пальца, средний и безымянный. Но у меня нет рук, чтобы это почувствовать.

Я втягиваю воздух; в голову ударяет резкий запах свежей смолы и перьев. Тропа уходит направо, я сворачиваю налево, петляю, чтобы не потерять след. Деревья здесь растут гуще. Сквозь кроны едва пробиваются последние лучи красного солнца, ничего уже толком не освещающая. Но я всё равно нахожу то, что ищу. В багровых сумерках глубокие царапины на хондровых стволах кажутся рваными ранами; алая смола запекается по краям, не давая дереву истечь соком.

Я знаю, что означают эти царапины, хотя вижу их впервые: на закате сюда приходят пастись глоки.

Острые боковые перья вспарывают кору. Мощные синеватые клювы раскрываются, ловя густые теплые капли. Но смола хондра быстро затвердевает, и глокам приходится переходить к новому дереву. Несмотря на размеры – взрослый глок больше и выше меня раза в полтора, – двигаются они бесшумно и быстро. Выследить их можно только по кровавому следу, который они оставляют на хондровых стволах.

Судя по обилию царапин на разной высоте, я иду по следу самца с птенцами. Едва оперившихся глоков выводят пастись самцы – подальше от гнезда, чтобы самка могла набраться сил в безопасности. Боковые перья взрослого самца достигают метра в длину и легко разрезают даже кость; трехгранный клюв пробивает ствол дерева насквозь. Но каждый птенец – это два-три толла нежного мяса и целый мешок разноцветных шелковистых перьев, из которых плетут одеяла, чтобы согреться ночью.

Впереди за деревьями чуть слышен клекот: птенцы еще совсем маленькие и не приучены пить бесшумно, как взрослые. Это значит, самец настороже. Его надо заметить первым, иначе охота закончится быстро и не в мою пользу.

Осторожно обхожу прогалину, на которой пасутся птенцы. Глоки не чувствуют запахов, но отлично слышат малейшие шорохи. Клекот раздается совсем близко, прямо за толстым стволом справа от меня. Запах теплых перьев заполняет меня целиком, заслоняя весь остальной мир. Я делаю шаг вперед – и чувствую, как мое плечо скребет по стволу: шшшш-шшш-ш...

Тело разворачивается само – так резко, что я с трудом удерживаю равновесие. Взрослый самец стоит прямо передо мной, склонив голову набок и подняв длинные боковые перья со стальным отливом. Клекота больше не слышно: птенцы наверняка уже сгрудились под деревом, топорща перья и раскрывая острые трехгранные клювы. Убежать они еще не могут, так что самец будет атаковать.

Fuck.

¹ Это не мои сны (англ.).

Боковые перья со свистом разрезают воздух. Я едва успеваю отскочить, натыкаюсь спиной на дерево, падаю, откатываюсь в сторону – мощная когтистая лапа вспарывает землю, рассекая корни. Вскидываю, путаясь в конечностях; перья самца мелькают прямо перед моими глазами. Отшатываюсь – и опять натыкаюсь на дерево за спиной. Самец не случайно привел свой выводок на эту прогалину: он знает здесь каждый кустик.

Взрослый глок с головы до лап покрыт густыми жесткими перьями, скользкими и упругими, как хорошая броня. Единственное его слабое место – голое, в сизых кожистых складках горло. Чтобы метнуть легкое костяное копье в просвет между пурпурным воротником из перьев и тяжелым бронебойным клювом, нужно одно мгновение – но у меня нет ни копья, ни мгновения.

Тошнотворный свист боковых перьев раздается прямо над ухом – едва успеваю сползти по стволу вниз. В тот же миг над моей головой с сухим треском лопается кора хондра, и густая багровая жижa заливает мне глаза.

Я перестаю видеть почти сразу.

Без зрения и копья против взрослого разъяренного самца у меня практически нет шансов. Мы оба это знаем. Птенцы, пока маленькие, пьют сок хондрового дерева, а вот взрослые особи уже всеядны. Свою добычу они убивают ударом клюва, раскалывая череп, как скорлупу яйца.

Я всё еще не слышу, что глок делает, но могу попытаться представить. От того, насколько точно я угадаю, что происходит сейчас в его маленькой костяной голове, зависит моя жизнь.

В оглушительной багровой тишине, до краев наполненной удушающим запахом перьев, есть только биение моего сердца: один, два, три. Пожалуй, хватит.

Бросаюсь влево. Чувствую, как острая грань клюва скользит по черепу, разрезая мне кожу. Глухой удар – трехгранный клюв входит глубоко в ствол дерева, там, где только что была моя голова. У меня появилось мгновение.

Рывком поднимаю голову – и смыкаю челюсти на складчатом кожистом горле.

Самец дергается всем телом, но я не разжимаю зубов, только уворачиваюсь от когтистых лап, которыми он молотит перед собой. Мой рот наполняется горячей сладковатой кровью, уши – отчаянным хриплым клекотом. Когти глога все-таки пропарывают мне ногу, но он уже слаб, кожистое горло дрожит под моими зубами. Наконец, я слышу хруст – и его тело разом обмякает, становясь неподъемным. Я теряю равновесие, и мы валимся на землю.

Глок не шевелится. Я осторожно разжимаю челюсти. Трუსь мордой о перья, счищаю застывшую смолу, разлепляю веки. Начинаю видеть.

На перепаханной земле передо мной лежит туша роскошного пурпурно-сизого самца. Радужные глаза раскрыты и устремлены туда, где под деревом сбились в дрожащую кучу три едва оперившихся птенца.

Я выпрямляюсь. Открываю пасть. Длинным раздвоенным языком пробую воздух между нами; он сладкий на вкус – такой же, как кровь только что убитого самца.

Припадая на раненую ногу, делаю шаг вперед.

Старший птенец заслоняет собой младших, поднимает боковые перья – но они еще тонкие и шелковистые, как и всё детское оперенье.

Острое счастье охватывает меня. Мой враг повержен. Всё, что у него было, теперь мое. Сейчас я выпью его кровь и уничтожу его потомство.

Но эти сны – не мои. Там, на Земле, мы же не были убийцами. Ни один из нас. Или были?

Глава 1. Эштон

– These dreams are not yours², – врач наклонился к Мие с улыбкой профессионального сочувствия, и умный интерфейс немедленно перевел его слова на паназиатский.

Специалист такого уровня мог бы вести прием на языке, который использует большинство населения, с раздражением подумал Эштон. Тем более за такие деньги.

– Но я понимаю ваше беспокойство, – бросив цепкий взгляд на Эштона, врач перешел на паназиатский. Судя по отсутствию акцента, это и был его родной язык. – В вашем положении многие вещи вызывают дискомфорт. Если вам удобнее вести разговор на языке вашего семейного наследия, мы можем говорить на английском.

Мия растерянно улыбнулась. Эштон кашлянул. Их англоязычное семейное наследие состояло из его прабабушки по отцовской линии: в рамках обучения винтажной синтетической музыке она разобрала со своим младшим внуком, отцом Эштона, песенку 2010-х годов про член, который был так велик, что искажал пространство и время. Этого словарного запаса вряд ли хватит для обсуждения нынешней ситуации, но так записано у них в карте: обеспеченный средний класс, гетерогендерная нуклеарная семья, англоязычное семейное наследие. Историческая связь с национальными микрокультурами – обязательный признак семьи с высоким уровнем образования и дохода.

– Я просто хочу показать, что у вас есть разные опции, – мгновенно сориентировался врач.

Скорость реакции и легкость, с которой он читал их с Мией как пару, вызвала у Эштона острое чувство профессиональной ревности. Мысленно он поставил врачу 95 баллов из 100 за установление контакта с пациентом и снисходительно похлопал его по плечу. Стало немного легче. Но в следующий момент врач обернулся и сверкнул гордой мальчишеской улыбкой – так, будто прочитал и эти мысли Эштона тоже.

Эштон вяло улыбнулся в ответ:

– У нас есть разные опции?

– Кроме одной, – Мия сказала это так резко, что Эштон и врач слегка подпрыгнули.

Врач повернулся к Мие с выражением вежливого удивления. Но она смотрела на мужа: в упор, исподлобья, чужим острым взглядом, который, как лазерная указка, выжигал между ними в воздухе тонкую, почти что видимую дорожку.

Эштон встал, подошел к гинекологическому креслу и заботливо положил ладонь жене на плечо – чтобы не видеть этого взгляда.

– Вряд ли в ближайшие лет десять будет новый референдум по абортам, – с шутливым вздохом произнес он.

Удивление на лице врача сменилось таким же шутливым пониманием.

– Двадцать как минимум, – врач развел руками, как бы извиняясь за несовершенство шести континентов. – Демографическая необходимость, вы же понимаете... Особенно в свете участвовавших Переносов.

– Мне снится, что он задыхается, – упрямо перебила его Мия. – Захлебывается и...

Она снова посмотрела на Эштона – совсем другим взглядом, испуганным, беззащитным, – и замолчала. Они никогда не говорили об этом. С тех пор, как Мия узнала, что беременна, они вообще ни о чем не говорили.

– Ребенок не может утонуть в околоплодных водах, – улыбнулся врач. – Он там дышит. Хотите послушать?

² Это не ваши сны (англ.).

Они ответили разом, синхронно, так что ответы слились в одно слово, состоящее из двух слогов, намертво наложенных друг на друга: «Нет/Да». Эштон знал, чей слог будет его, а чей Мии, еще до того, как это двуглавое слово вырвалось и повисло в стерильной тишине кабинета. Врач взмахнул рукой, как бы отгоняя от себя новорожденного лексического уродца, и доверительно наклонился к Мие.

– Вы не поверите, сколько пар приходят сюда с точно такой же тревогой. И всем я говорю одно и то же...

Мы не «все», с яростью подумал Эштон. Иди ты к чёрту со своим «одним и тем же». Что ты вообще знаешь о нас, о том, через *что* мы прошли, как зачали этого ребенка, несмотря на...

– Хотите узнать предполагаемый пол?

Эштон почувствовал, как плечо Мии под его ладонью окаменело. Она всё так же полулежала в кресле, но теперь всё ее тело было напряжено до предела – даже ресницы, даже прозрачный пух на щеках. В этом состоянии она никак не могла произнести свою часть их двуглавого слова, поэтому Эштон глубоко вздохнул и сказал за двоих:

– Да.

Они встретились на юбилее супружеской пары; ни он, ни она никого из них толком не знали. Эштона притащил приятель, имевший виды на одного из супругов и нуждавшийся в спутнике для отвода глаз. Мию позвал парень, с которым она переписывалась в приложении для сексуально активных одиночек; предполагалось, что они выпьют по бесплатному коктейлю, потрахуются в гостевом туалете и разъедутся по домам.

Так бы и получилось, но оба гостевых туалета были заняты, а в хозяйский стояла очередь из подвыпивших гостей, демонстративно засекавших время всякий раз, как за очередным страждущим закрывалась дверь. Эштон простоял минут двадцать, глядя на кучерявую рыжую макушку с тремя ярко-зелеными прядями, которая приплясывала перед ним в такт музыке. В руках у рыжей макушки, переливаясь через край, раскачивались два разноцветных коктейля.

Когда подошла ее очередь, она оглянулась вокруг, ища кого-то глазами, не нашла, с сомнением задержала взгляд на Эштоне, потом подняла оба коктейльных бокала – и дернула головой в сторону освободившегося туалета. Скрученная в пружину ярко-зеленая прядь упала ей на глаза и зацепилась за ресницы. Эштон так хотел, наконец, отлить, что взял у нее из рук липкий холодный бокал и вошел следом.

– Оптом быстрее! Засекайте, – крикнула макушка и захлопнула эргономичную дверь, задушив возмущенные возгласы очереди.

Голос у нее оказался низкий и прохладный, как стакан воды в летнюю ночь. Как бессмысленный разноцветный коктейль, который плавился у Эштона в руке, пока он смотрел, как она отхлебывает из своего бокала, морщится, ставит его на раковину, а потом легко задирает платье, стягивает трусы и садится на унитаз.

– Прости, я иначе лопну, – сказала она, и Эштон, спохватившись, поспешно отвернулся, расплескав на рубашку половину своего коктейля.

Подняв голову, он обнаружил, что стоит лицом к зеркалу, откуда на него внимательно смотрят смеющиеся глаза.

– А ты упорный, – фыркнула она, шурша скомканным подолом над голыми веснушчатыми коленками. – Как тебя зовут?

Первый год они занимались сексом везде. В парке, на пляже, в аэротакси, в туалетах ресторанов и пневмопоездов, которые несли их в отпуск на другой конец мегалополиса. В гостях у друзей, где хозяева со смехом запирали все туалеты на ключ, чтобы успеть пообщаться с ними. В дизайнерской гостиной у родителей Эштона, куда он привез Мию знакомиться, – за пару недель до свадьбы.

Он хотел ее постоянно: даже когда принимал пациентов у себя в кабинете, даже когда спал. Мия снилась ему каждую ночь – хотя и лежала рядом, закинув на него ноги и руки, голая и горячая, как галька на диком пляже. Во сне она обхватывала губами его член, цепляясь ресницами за волосы у него на животе. Наяву Эштон проводил пальцами по ее бедру – и Мия, не просыпаясь, разворачивалась и вся раскрывалась ему навстречу. Тогда он осторожно нащупывал языком ложбинку у нее под грудью, между ребрами, слушал, как бьется там горячий источник, и чувствовал, что, когда входит в нее, то погружается – прямо туда.

Потом, когда она вышла из клиники после реабилитации, ничего этого в ней больше не было. Она ждала его на ресепшн, мягкая, будто из пластилина. Эштон взял ее за руку и тут же отпустил, испугавшись, что помнет ей пальцы. Ее отросшие волосы были собраны в хвост; выцветшие зеленые пряди едва проступали в них, как водоросли в мутной воде. Эштон поднял ее чемодан и направился к аэротакси, а Мия послушно пошла следом, как сенсорная собачка, реагирующая на движение.

В такси он повернулся к ней – и тут же забыл, что хотел сказать. Ее лицо было совсем близко, но Мия смотрела на него издалека, словно со дна глубокого озера, сквозь толщу воды, которая не давала ей всплыть. Эштон потянулся за ней туда, в глубину, – и почувствовал, что задыхается. Там, где она теперь была, он не мог дышать.

Прошло полгода, прежде чем Мия начала всплывать к нему на поверхность.

В ней всё еще не было ничего из той, прежней жизни, в которой она учила его прыгать в воду прямо с крыши аэротакси, зависшего над озером, отплевываясь, выбираться на мелководье, стаскивать друг с друга липнущую к телу одежду, ложиться на спину и чувствовать, как нежное илистое дно расступается под твоим весом, а потом обнимает и забирает себе без остатка.

Они больше не ездили на озеро и вообще редко выходили из квартиры. Мия почти всё время сидела в гостиной, спиной к панорамному окну. Эштон подходил к ней по расписанию, составленному в клинике, с чаем, едой и лекарствами. Она брала всё это молча, прикрыв глаза и экономя движения, как будто он был головной болью, с которой ничего нельзя было сделать, только переждать. Всё остальное время она смотрела на ровную белую стену между двумя дверями: одна вела в спальню, вторая – в другую комнату. Эштон перекрасил эту стену сам, своими руками, пока она лежала в клинике.

Как только синеватая вечерняя тень заполняла стену целиком, съедая последние отсветы закатного солнца, Мия вставала и шла в спальню. Эштон приходил, когда она уже спала, осторожно ложился рядом и лежал всю ночь, глядя в потолок с тем же упорством, с каким она целый день рассматривала стену.

Где-то через полгода под утро Мия со вздохом перевернулась и, не просыпаясь, подсунула теплую ладонку ему под бок.

Когда пришла весна, они стали выходить на улицу. Эштон водил ее в парк смотреть на многоуровневые лужайки и цветущую сакуру. Они сидели на лавочках, осторожно держась за руки, всё еще не глядя друг на друга, но уже ощущая робкое тепло, которым понемногу наливались их ладони.

Первый секс после знакомства случился у них так стремительно, что Эштон даже не понял, как за ней надо было ухаживать. Теперь он ухаживал за ней по всем правилам – день за днем, медленно, но настойчиво добиваясь первого поцелуя. Он заново открывал для себя Мию – такую, какой не знал раньше и какой она, вероятно, никогда и не была: тихую, нежную, почти целомудренную. Она всё еще смотрела на него как из-под воды – но теперь между ними больше не было холодной удушающей бездны. Мия лежала на мелководье и даже слегка улыбалась ему оттуда.

Через несколько месяцев она вышла на работу в «Калипсо Корп». Родители Эштона были в шоке: они никогда не думали, что Мия способна «заняться делом».

Она накупила строгих костюмов, делавших ее похожей на влажную мечту любого троечника, и собрала волосы на затылке, так что пружины ярко-зеленых прядей кокетливо торчали из небрежного узла. В гостиной появилось ее «рабочее место» – эргономичная капсула со встроенным экраном, умной саунд-системой и подставкой для чашки кофе, которая подвезжала ближе, стоило поднять руку. Когда Мия работала из дома, она почти не отрывалась от экрана, но рабочая капсула всё равно была развернута к панорамному окну с видом на небоскребы: спиной к белой стене между двумя дверями. Впрочем, со временем – Эштон даже не заметил, когда, – белую стену закрыл встроенный шкаф. Костюмы Мии перестали помещаться в гардеробной, а в другую комнату, что так и стояла пустой, она не заходила.

Никто не понимал толком, чем она занималась в «Кэл-Корпе». Должность ее называлась «старший политкорректор». На все расспросы Мия смеясь отвечала, что составляет пары финалистов так, чтобы миллиардная аудитория Лотереи думала, что эти пары созданы на небесах.

Иногда она ездила на планерки в офис – на 38 этаж высоченной спирали, похожей на ДНК из стекла и бетона, которая была частью Шоу-центра «Калипсо». Пневмопоезд останавливался прямо у входа, на уровне 30 этажа, и пустел почти наполовину. Стеклопанельная спираль заполнялась крошечными человечками, снующими вверх-вниз на скоростных лифтах. В каждом из сотен тысяч окон загорались экраны, и к вечеру корпус Амальгама весь светился изнутри, как гигантская праздничная гирлянда.

Первые пару месяцев Эштон приезжал встречать Мию с работы. Он стоял на прозрачной платформе, глядя на уходящие далеко вниз двадцать девять этажей Амальгамы, и старался не слушать обрывки разговоров, которые вели разъезжавшиеся по домам сотрудники корпорации. «Там нужен кто-то с редким заболеванием, желателен одинокий». – «Есть транс с частичным отказом почек, но он в отношениях...» – «Детей нет? Жаль, можно было бы организовать суд за опеку. Хотя – перекинь его мне, посмотрю, что можно сделать...» Эштон понятия не имел, почему Мия решила работать здесь, и не хотел об этом думать. Вместо этого он оглядывал переполненный перрон и улыбался, увидев знакомые ярко-зеленые пряди. Мия никогда не замечала его в толпе пассажиров и всегда проходила мимо – прямо к дверям пневмопоезда. Как будто не верила, что и в этот раз он снова приедет за ней.

Через некоторое время Мия получила бонус – два билета на финал Лотереи. С тех пор как Эштон уехал от родителей поступать в университет, он никогда не смотрел финалы, считая всю эту суету с трансляциями эмоциональным сублиматом для бедных. Нет, конечно, он всё равно зацеплял их краем глаза – везде, где были экраны, рано или поздно появлялась Арена с каскадом лож, набитых нарядными зрителями, похожими на конфеты в ярких обертках. Но он никогда не смотрел финал от начала и до конца – до момента, когда одному из кандидатов доставался номер.

Корпус Селеста, где располагалась студия, был окружен многотысячной толпой тех, у кого не было денег на билет. Для них финал транслировался прямо на зеркальную поверхность шарообразного здания. Эштон и Мия прошли внутрь по специальному коридору для сотрудников «Кэл-Корпа» и оказались в ложе высоко над Аrenoй. Здесь был небольшой бар и люди в вечерних нарядах. Многие приветливо здоровались с Мией, бросая быстрый оценивающий взгляд на Эштона. На лицах большинства проступало отчетливое сожаление, что у него нет синтетической ноги или какого-нибудь врожденного уродства. Но Мия была здесь как рыба в воде, и Эштон перестал обращать внимание на кого бы то ни было еще. Длинное чешуйчатое платье обнимало ее от щиколоток до ключиц, тонкие серебряные бретельки перекрещивались на голой спине, открывая ямочку на пояснице. Под студийными софитами платье сверкало и переливалось; в тени чешуйки становились полупрозрачными и зеркальными, так что

Мия превращалась в голые веснушчатые плечи и распахнутые глаза, плывущие по воздуху меж пиджаков и коктейльных бокалов.

Какой-то пиджак с малиновыми вихрами над высоким лбом помахал ей рукой, и Мия подошла к нему, ошпарив Эштона быстрой улыбкой. Судя по всему, они куда-то ушли из ложи, – и следующие полчаса Эштон не мог найти ее в толпе, как ни оглядывался вокруг. На Арене два кандидата рассказывали зрителям всю свою жизнь, выворачивая наружу кишки эдипова комплекса и суицидальных мыслей, но Эштон даже не смотрел в их сторону. Он крутил головой, пытаясь разглядеть веснушки на голых плечах, и пропустил момент, когда во всей студии погас свет и над Ареной прогремел торжественный голос Калипсо Скай:

– По итогам онлайн-голосования... номер с правом Переноса через восемь дней... получает...

Многотысячный зал ахнул и замер в ожидании. Под самым куполом Арены раздался оглушительный хлопок, и сверху посыпалось сверкающее в луче софита конфетти – прямо на голову рыдающего от счастья очкарика в сенсорном инвалидном модуле. Его оппонент – высокий темнокожий мужчина в фиолетовом парике – остался в тени, но Эштон всё равно разглядел, как он оседает на руки двух сотрудников Лотереи, странно переломившись в поясице, и те аккуратно и быстро уносят его с Арены, не забывая на всякий случай улыбаться в дронокамеры.

В этот момент Мия обняла Эштона сзади, встала на цыпочки и прошептала ему прямо в ухо:

– А я знала, что так получится.

Она была горячая и голая, несмотря на платье, – такая же, как в первый год их знакомства. Эштон сразу вспотел, словно стоял, прислонившись к нагревательному элементу. Мия смотрела на него как раньше – смеющимися глазами, распахнутыми для него так, что всю ее было видно до дна, как горное озеро под ярким солнцем. Так, будто она ничего не боялась.

Мия была под греем. Пиджак, оказавшийся начальником ее отдела, угостил и ее, и еще пару сотрудников, которые отлично поработали над финалом.

Эштон провел рукой по голой спине, обжигая пальцы, зарылся губами в волосы над ухом и хрипло сказал:

– Пойдем.

Они шли быстро, почти бежали. Мия вела его запутанными коридорами без единого окна – такое странно было представить, глядя на стеклянный шар Селесты снаружи. Наконец, спотыкаясь и сдавленно хихикая, они спустились по решетчатой лестнице вниз, Мия толкнула тяжелую металлическую дверь, и они оказались в серверной.

В глухом гуле серверов любой звук тонул, как в вате. В кромешной тьме мерцали зеленые и красные огоньки, так что на мгновение Эштону показалось, что они снова в космосе, на экскурсии в модуле прошлого века, где, глядя на звёзды и планеты, окружавшие их со всех сторон, сверху и снизу, так легко было представить себя центром Вселенной.

На смутно различимом столе у стены всё еще переливались серебристые разводы – остатки грёя. Эштон просунул руку под перекрещивающиеся бретельки и скользнул по спине вниз, нащупывая под платьем тонкую полоску трусов. Мия выгнулась ему навстречу; одна из бретелек лопнула и упала с плеча. Эштон почувствовал, как Мия напряглась у него в руках, и замер. Она смотрела на него, запрокинув голову. Он всё еще мог разглядеть ее всю до дна, но теперь в ее взгляде отчетливо проступал страх.

– У нас нет... – прошептала Мия так тихо, что он скорее почувствовал, чем услышал.

Гормональный чип ей вынули в клинике, и с тех пор они по старинке пользовались сенсорными презервативами (в те редкие моменты, когда у них вообще что-нибудь получалось).

– Всё будет хорошо. – Эштон прижал ее к себе. Запах ее волос ударил ему в голову, заслоняя весь остальной мир. – Я обо всём позабочусь.

И она доверилась ему – целиком, без остатка, впервые после выхода из клиники. Он так и сказал: «Я обо всём позабочусь», – и Мия решила, что он имел в виду ее. Что Эштон позаботится о ней.

– Это мальчик, – врач повернулся к Эштону и впервые за весь прием улыбнулся сначала ему, а потом Мие. – Конечно, современные методы хромосомного анализа позволяют определить только предполагаемый биологический пол...

Врач еще что-то говорил об участии родителей в формировании гендера и о том, как важно давать ребенку самостоятельно исследовать весь доступный ему гендерный спектр, но Эштон уже не слушал. Острое чувство счастья захлестнуло его с головой, как в тот первый раз на озере, когда они с Мией вылезли на крышу старенького аэротакси и встали рядом на самом краю, крепко держась за руки.

Эштон взглянул на нее – и в первый момент ему показалось, что Мия куда-то вышла, а ее место в гинекологическом кресле заняла незнакомая женщина. Она смотрела на него, но с тем же успехом могла бы смотреть в потолок или на пол. Эштону пришлось прикоснуться к ней, чтобы убедиться, что она живая.

– Я вижу, вы передали мужу право принимать за вас решения, связанные с вашим здоровьем...

Голос врача доносился издали, словно то, о чем он говорил, имело отношение к совершенно другим людям. Мия всё так же смотрела на Эштона, не шевелясь и никак не показывая, что она хоть что-нибудь слышит. Каменя под этим взглядом, он заставил себя повернуться к врачу.

– Это еще тогда, в клинике... они просили подписать формы...

– Да-да, у них это стандартная процедура, – врач смахнул пару окошек у себя на экране и профессионально улыбнулся обоим. – Поскольку я не вижу аннулирующего документа...

– Мы как-то... не думали с тех пор об этом, – неловко сказал Эштон.

– ...то формально окончательные решения по поводу родов принимаете вы. – Врач вежливо посмотрел на него, игнорируя краску, заливавшую лицо и шею Эштона. – Конечно, рождение ребенка – это совместный опыт, но закон требует, чтобы на консультации я обращался в первую очередь к тому из вас, на ком лежит юридическая ответственность. Надеюсь, это не помешает нашему разговору.

Врач замолчал в ожидании. Эштон тупо смотрел, не зная, что сказать.

– Мне бы очень помогло, если бы вы произносили ответы на мои вопросы вслух, – уточнил врач. – Система всё записывает...

– Да. Нет. Конечно, – спохватился Эштон и на всякий случай сказал погромче: – Не помешает.

Они поговорили с врачом о родах. Эштон послушно отметил все нужные галочки во всех необходимых документах. Он даже выбрал настенный фон в родильной палате – «свежая трава под ярким солнцем»: Мия всегда любила ходить босиком по траве. Врач еще раз поздравил обоих, и они оказались на улице.

Мия так и не проронила ни слова. В такси она сразу отвернулась к окну. Эштон сел рядом. По ее лицу, отражавшемуся в оконном стекле, плыли равнодушные облака – он специально заказал дорогое аэротакси, с доступом на верхний уровень, чтобы ее не укачало. Эштон попытался поймать ее взгляд в отражении, но Мия смотрела вдаль – туда, где не было ни аэротакси, ни Эштона, ни даже ее самой.

Так же молча они вышли из такси возле дома. Прозрачная капсула пневмолифта с антиультрафиолетовой тонировкой бесшумно оторвалась от земли и понесла их вверх, на 54 этаж. Эштону заложило уши; чем выше они поднимались, тем сильнее его вдавливало в стеклянный

пол, словно он погружался на дно океана, а не поднимался на высоту 243 метров над уровнем моря.

– Всё будет хорошо, – умоляюще произнес он.

Мия обернулась. Ее глаза на мгновение стали прозрачными – и он провалился в ледяной океан ужаса между ее перепутанных ресниц.

– Он дышит там, внутри, – сказала она. – Дышит в воде.

Пневмолифт задрожал и замер. Мия достала карту-ключ, открыла дверь и вошла в квартиру. Эштон сделал шаг, чтобы войти следом. Тогда она, не оборачиваясь, добавила:

– Если он родится, то больше не сможет так делать.

Эштон застыл на пороге. Мия скинула туфли и скрылась в гостиной. Через минуту он услышал, как в глубине квартиры зашумела вода.

Глава 2. Дрейк

На верхнем танцполе было битком, но Рогана еще не было. Вместо него на диване сидели две длинноногие девицы в полупрозрачных платьях, похожие на экзотических насекомых. Увидев Дрейка, одна помахала ему рукой и улыбнулась. Роган не разрешал своим мотылькам общаться с посетителями, но в его отсутствие и те, и другие делали вид, что в этом нет ничего особенного.

Дрейк потолкался среди горячих скользких тел, пробился к бару и взял водки со льдом. В другое время он бы подождал здесь, у бара, тем более что Йенна, как всегда, плеснула ему от души, с запасом. Но сегодня был особенный день, и у Дрейка было мало времени. Он сделал большой глоток и направился к дивану.

Мотыльки заворуженно следили за его приближением. В их огромных глянцевых глазах шевелился многорукий танцпол, перерезанный острыми лучами прожекторов. Дрейк на мгновение остановился, любуясь своим отражением в четырех одинаковых зрачках, потом пододвинул ногой кресло, сел и аккуратно поставил стакан на зеркальный стол. Теперь уже скоро.

Он терпеть не мог сидеть спиной к многолюдным помещениям с несколькими входами, но сейчас зрачки мотыльков давали ему неплохой обзор. Дрейк как будто смотрел в камеры наружного наблюдения, но всё равно почувствовал Рогана раньше, чем тот появился у него за спиной во всех четырех зрачках сразу.

– Хочешь на мое место? – Роган хлопнул Дрейка по плечу, и тот дернулся, сделав вид, что не ожидал его появления.

– Я тебя ждал, – сказал он, оправдываясь.

– Да? – Роган поднял брови с искренним удивлением. – А я думал, ты и так неплохо проводишь время.

Мотыльки нервно затрепетали. Дрейк протестующе замотал головой. Роган захохотал и плюхнулся на диван не глядя. Если бы мотыльки не разлетелись врозь, он приземлился бы прямо к ним на колени.

Дрейк взял стакан и сделал глоток. Роган внимательно смотрел на него сощуренным глазом; второй, широко открытый, как всегда, был направлен куда-то в сторону. Дрейк не любил этот прищур и предпочитал не попадаться под него, но сегодня у него не было выбора.

– Каждому нужно расслабиться... после работы, – осторожно сказал он.

– Если работа закончена, – Роган пожал плечами, – то почему бы и нет.

Они помолчали, глядя друг на друга. Дрейк чувствовал, как сощуренный глаз Рогана прожигает дырку у него в черепе, добираясь до самого мозга.

– Закончена, – сказал он и сделал нарочито медленный глоток. Руки у него совсем не дрожали.

Роган улыбнулся.

– Мотылек, принеси мне водки с сиропом, – произнес он, всё еще глядя на Дрейка.

Одна из девиц вспорхнула и растворилась в толпе танцующих. Роган достал из кармана пачку одноразовых сигарет с нагревательным элементом и маленькую круглую шкатулку из черного металла. Отвинтив крышку, он поставил шкатулку на середину стола.

Внутри переливался легкий серебристый порошок. Даже при его работе Дрейку редко приходилось видеть грэй такой чистоты и качества – это было сразу понятно по широкому спектру свечения.

– Вчера привезли, – ухмыльнулся Роган. – На улице такого нет.

«А где есть?»

Дрейк сделал несколько больших глотков и закашлялся, чтобы не задать Рогану этот вопрос. Его работа закончилась.

Роган одобрительно хмыкнул, насыпая грэй в сигарету. Забив, он смахнул со стола серебристую пыль – кредов на сто, если не больше, – и сжал пальцами пластиковый фильтр. Нагревательный элемент вспыхнул, над столом поплыл знакомый горьковатый запах.

Дрейк против воли наклонился вперед. Вдыхать частицы жженого грэя вот так, без фильтрации, чертовски вредно для легких, но сейчас ему было всё равно.

Роган затянулся, выпустил облако серебристого дыма и улыбнулся, глядя на Дрейка.

– Знаешь, почему они мотыльки? – спросил он.

Дрейк пожал плечами. Это было последнее, что его сейчас интересовало.

– Потому что летят на огонь. – Роган опустил руку с сигаретой меж худых ног мотылька и прижал нагревательный элемент к внутренней стороне бедра.

Дрейк дернулся – на этот раз рефлексивно: тошнотворное шипение пробрало его до костей. Запах паленой кожи смешался с горьким дымом грэя. Девушка скорчилась на диване, зажав рот руками, чтобы не издать ни звука. Пушистые ресницы в разноцветных стразах мелко дрожали над побелевшими пальцами.

Когда Роган наконец поднял руку, она судорожно всхлипнула и захлопала глазами, глядя на сверкающий огнями потолок. Дрейк обнаружил, что сжимает в кулаке стакан, и поспешно допил остатки, чтобы это не было похоже на угрозу.

– Хочешь? – Роган протянул ему через стол сигарету.

Дрейк осторожно взял, чувствуя жар внутри даже сквозь пластик корпуса. Роган положил руку на спину девушки и толкнул ее вперед, к столу.

– Угощаю.

Дрейк замер с сигаретой в руке. В распахнутых глазах девушки он увидел свой собственный взгляд – такой же отчаянный, как у нее. Сколько ей было – семнадцать? Восемнадцать? Она могла бы быть его дочерью, если бы они с Лиз в свое время не решили сосредоточиться на работе.

Девушка приподнялась и села на стол, протянув Дрейку беззащитные голые ноги. На внутренней стороне бедра быстро, прямо на глазах, затягивался багровый след от ожога: всем своим мотылькам Роган оплачивал баснословно дорогую пересадку генно-модифицированной кожи с ускоренной регенерацией.

Чувствуя на себе его внимательный взгляд, Дрейк взял девушку под коленку и подтащил к себе. Она была натуральной блондинкой, почти альбином. Сквозь прозрачную кожу на руках и ногах просвечивали синеватые вены. Светлый пух на бедрах стоял дыбом.

Сигарета тлела в пальцах у Дрейка, окутывая обоих горьковатым дымом. В ней еще оставалось больше половины – затяжки на четыре, если не экономить. Девушке предстоял веселый вечер.

Всё так же держа ее под коленку, Дрейк поднес сигарету к губам – и затянулся изо всех сил.

Горький дым ошпарил горло и легкие. Перед глазами поплыло, в ушах зазвенело. В груди нарастало жжение, словно туда сунули горсть раскаленных углей, но Дрейк продолжал тянуть в себя воздух пополам с дымом, глядя на дрожащий перед носом огонек нагревательного элемента.

Через несколько секунд, показавшихся вечностью, огонек мигнул и погас. В следующее мгновение Дрейк сложился пополам, выкашливая легкие себе под ноги.

В голове стоял звон, сквозь который едва пробивались оглушительные басы с танцпола. Немного придя в себя, Дрейк с усилием разогнулся и поднял руку с потухшей сигаретой.

– Кажется... всё, – пробормотал он, едва ворочая языком.

– У меня еще много, – ухмыльнулся Роган, вытряхивая новую сигарету из почти полной пачки.

Дрейк сглотнул, чтобы справиться с подступившей тошнотой.

– Давай, – кивнул он, с трудом фокусируясь на струйке серебристого порошка, исчезающей в белом пластиковом корпусе.

Нагревательный элемент вспыхнул, резанув по глазам неожиданно ярким светом. Роган выпустил дым из ноздрей и протянул сигарету Дрейку. Собрав все силы, тот наклонился туда, где в радужных всплесках реальности мерцал небольшой огонек.

Роган расхохотался и откинулся на спинку дивана, затянувшись снова.

– Всегда знал, что хороший грэй тебе дороже телки, – сказал Роган, впервые за вечер глядя на Дрейка другим, широко открытым, глазом. – Может, ты евнух?

Дрейк помотал головой, пытаясь вытрясти из глаз пляшущие лучи прожекторов.

– Я торчок, – с трудом произнес он. – Ты же знаешь.

Роган удовлетворенно кивнул и щелкнул пальцами. Девушка моментально вскочила со стола и забилась в угол дивана, обняв колени.

– Водка с сиропом, – неожиданно прошелестела вторая девушка, проступая сквозь плывущий огнями воздух.

Роган качнул головой, и перед носом у Дрейка появился высокий бокал, переливающийся чем-то сиренево-розовым. Он отхлебнул через силу. Рот наполнился приторной шипящей сладостью, но от алкоголя с глюкозой в голове слегка прояснилось.

– Пойдем, – сказал Роган. – Надо поговорить.

В служебных коридорах клуба было тихо, как в криохранилище. Дрейк шел за Роганом на трясущихся ногах, то и дело хватаясь за стены. Его всё еще мутило, но красочные галлюцинации от передозировки грэем основательно поблекли.

Жаль.

Завернув за угол, Дрейк остановился: дуло лазерного пистолета смотрело ему между глаз. Двое парней общарили его карманы, ремень и даже швы на одежде. У него при себе ничего не было: с оружием в клубы Рогана мог войти только идиот или самоубийца.

Наконец Дрейка отпустили, и он с облегчением привалился к стене: по всему телу разливалась ватная слабость.

– Я знаю, зачем ты здесь. – Роган смотрел на него сквозь клубы серебристого дыма.

– Разве я когда-нибудь это скрывал? – удивился Дрейк.

– Я имею в виду, зачем ты здесь *на самом деле*.

«Ни черта ты не знаешь, даже не догадываешься».

Дрейк едва не сказал это вслух – у него начинался нормальный приход от грэя. Вернее, не нормальный, а грандиозный.

Мир остался прежним, только теперь в нем не было страха. В принципе, как явления. Во всем теле Дрейка не было ничего, способного ощутить страх, – ни за себя, ни за свою жизнь, ни даже за Лиз. Вместо этого всё его существо наполнял азарт, как в детстве, когда мысль о возможной смерти – чьей бы то ни было – даже не приходит в голову.

Деятели вроде Рогана часто использовали грэй как сыворотку правды, чтобы раскалывать копов на задании. Поэтому Дрейк сказал правду.

– Я здесь за этим, – он кивнул на сигарету Рогана.

– Ты же не куришь, а дышишь, – рассмеялся тот.

– Ты знаешь, о чем я, – Дрейк посмотрел на него в упор. – Мне нужен такой стафф.

– Да? – спокойно сказал Роган. – А кто тебе сказал, что мне его привезли?

Дрейк всей кожей почувствовал, как парень с лазерным пистолетом передвинул указательный палец на кнопку спуска. Но сейчас это даже добавляло ему азарта.

– На работе услышал.

Роган посмотрел на него с интересом.

– От кого?

– Если я скажу, мне там больше никто ничего не расскажет.

Роган улыбнулся. Дрейк смотрел прямо в его прищуренный глаз – и почти что видел, как внутри тяжелого черепа мысли сменяют одна другую, как цифры на колесе рулетки. Что важнее – информация, которую Дрейк сможет продать ему когда-нибудь потом, или сиюминутная безопасность нового, судя по всему, канала?

Дрейк ставил на информацию. Роган был средним звеном в длинной цепочке сбыта, уходящей на самый верх, к элитным потребителям. Даже полторы тысячи за грамм были для них плевым делом – но только если грэй был действительно чистым.

Эти люди были готовы переплачивать втрое за качество товара – и уж конечно, платили за надежность поставок. Значит, безопасность канала обеспечивали гораздо более серьезные персонажи, чем Роган. Пара ушастых полицейских из Департамента защиты сознания не представляли для них угрозы.

Роган дернул головой, и парень справа бросил Дрейку туго набитый пакетик из эластичного пластика. От чистых спектральных переливов серебристого порошка у Дрейка перехватило дыхание. Роган был его планом «Б» – на случай, когда быстро вымутить хорошего грэя не удавалось. Откуда же у него такой стафф?

– Сколько?

Дрейк взвесил пакетик в руке. Тут было не меньше пяти граммов. Ему бы хватило на месяц, если не больше.

– Считаю, что это подарок, – Роган широко улыбнулся, и его прищуренный глаз превратился в щель.

Дрейк понял, что оказался прав: безопасность канала поставок обеспечивает не Роган. Тема с неожиданным подарком на семь тысяч кредитов ему совсем не понравилась.

– Сколько? – повторил Дрейк чуть более настойчиво.

Роган пожал плечами.

– Деньги – это мусор, – сказал он. – Но ты можешь подарить мне кое-что в ответ.

– Фунт мяса?

Роган усмехнулся. По данным Департамента, в университете он изучал древнюю евразийскую литературу.

– Всего лишь подпись.

Парень слева протянул Дрейку электронный бланк с продолговатым углублением для отпечатка пальца. Это был бланк передачи полученного номера в пользу анонимного бенефициара. Такие подписывали в Центре Сновидений те, кто получил номер, но хотел, вопреки всему, остаться доживать свою жизнь на Земле. Только этот бланк был пустой – на нем не было ни имени Дрейка, ни идентификатора его номера.

– Если ты получишь номер, система свяжет его идентификатор с твоим отпечатком, – Роган, как всегда, ответил на невысказанный вопрос Дрейка. – Бланк дозаполнится автоматически. Ты даже ничего не почувствуешь.

– А если я... откажусь?

Парень с лазерным пистолетом направил дуло Дрейку в пах.

– Чтобы получить номер, твой мозг должен быть живым, – сказал Роган. – Больше ничего не понадобится.

Вот откуда у него был такой стафф. В Департаменте ходили слухи о продаже левых номеров за грэй – номеров, которые никогда потом не всплывали в Лотерее. По ним на Гарторикс отправлялись те, кому на Земле светила смертная казнь с конфискацией. Эти люди легко могли заплатить двести тысяч за билет на финал; сколько же они были готовы отдать за личное бессмертие?

Дрейк боролся с собой. Для него, как и для всех в Департаменте, эти номера были городской легендой. Никто никогда не видел, как работает цепочка, и не мог с уверенностью сказать, что она вообще существует, – до этого самого момента.

Он поднял голову и посмотрел на Рогана. Что ты сделаешь с моим гипотетическим бесмертием, которое я продам тебе за дозу? А я продам, мы оба это знаем; и даже не из страха остаться без члена, рук и ног (сейчас я всё равно не способен ощутить страх), – а потому, что уже давно не могу долго обходиться без дозы. И это мы с тобой тоже прекрасно знаем.

– Думай быстрее, Томми, – сказал Роган. – У парня рука устает.

Работа закончилась. Томми Вальтер, полицейский из Департамента, которого когда-то перекупили, посадив на дешевый грэй, завтра должен исчезнуть. Дрейк обещал Лиз, что после увольнения ляжет в рехаб. Что больше никуда не уйдет. И вообще не будет надолго выходить из дома – разве что в супермаркет, за стейками и ее любимым мороженым. Клубника с шоколадной крошкой – вроде бы так?

Но сегодня, сейчас Дрейк пришел за еще одной ночью без страха. Всего одной, последней.

Указательный палец лег в углубление. Электронный бланк мелодично тренькнул, регистрируя отпечаток.

Один из парней забрал бланк, другой толкнул Дрейка в спину. Тяжелая дверь со скрежетом распахнулась и захлопнулась, выплюнув его во влажную вонючую ночь на задворках клуба. Всё еще сжимая в руке пухлый пластиковый пакетик, Дрейк прислонился к шершавой стене, и его вывернуло наизнанку.

До мотеля он добрался только часа через два. Над обшарпанным двухэтажным зданием переплетались линии многоуровневой эстакады: здесь был транспортный узел, связывающий два мегалополиса. Мотель стоял на границе между ними, так что полиция обоих городов предпочитала не соваться сюда лишний раз, не без основания считая мотель чужой юрисдикцией.

Дрейк снимал угловую комнату на втором этаже. Картонная дверь выходила на общую галерею, а небольшое зарешеченное окно – на ржавую пожарную лестницу за углом. Решетку Дрейк давно подпилит, так что в случае чего ее можно было выбить легким ударом.

В номерах грохот эстакады был слышен не меньше, чем снаружи. Ночью было потише, но для того, чтобы поговорить, всё равно приходилось кричать. Дрейка это устраивало: разговаривать он старался как можно меньше. Раньше Томми Вальтер снимал комнату над магазином электронных приборов; по ночам там становилось так тихо, что слышно было, как по крыше соседнего здания ходит голубь. От каждого случайного звука Дрейк просыпался раз по двадцать за ночь, сжимая пистолет под подушкой, а потом плюнул и переехал сюда, в мотель.

Поцарапанный чемодан подпирал грязноватую столешницу: одна из четырех ножек стола была давно отломана. Чемодан Дрейк не стал трогать: в комнате всё должно было остаться так, будто Томми собирался вернуться сюда наутро, но не смог. Может, его убили, а может, он передознулся грэем и спрыгнул с десятого уровня эстакады, чтобы испытать чувство полета, – что только не приходит в голову людям, когда они ничего не боятся.

Грэй недаром называли «наркотиком смелых». Действующее вещество GRX-18 оставляло сознание ясным, блокируя в то же время ощущения тревоги и страха. Человек под грэем не боялся ничего; он мог признаться жене в измене, выпрыгнуть из окна или затеять драку с десятком крепких парней в баре – просто потому, что давно хотел это попробовать. Сам по себе грэй был довольно безвредным, особенно в виде холодного пара, но из тех, кто плотно садился на него, почти никто не жил дольше пяти-шести лет. Все они пополняли статистику несчастных случаев и убийств.

Дрейк сел на продавленную кровать и просунул руку между пластиковой спинкой и стеной. Нащупав решетку вентиляционного отверстия, державшуюся на одном шурупе, он сдвинул ее вниз и зацепил пальцами сверток в углублении. Его тоже придется оставить: те, кто

будет обыскивать комнату через пару недель, должны убедиться, что у Томми Вальтера была заначка, а значит, он и не думал сливаться.

Внутри было четыре пакетика с греем – весьма сносным, хоть и не чета тому, что Дрейк достал сейчас из кармана, – и полупрозрачная серебристая трубочка с масляной насадкой для парообразования. В Департаменте ему сразу сказали: что бы ни было, никогда не кури эту херь, пересадка легких в стандартную страховку не входит. Все копы сидят на ингаляторах.

Дрейк развинтил трубку, раскрыл пакетик, полученный от Рогана, и насыпал грёя в насадку.

На экране, вделанном в стену напротив кровати, светилась Арена, окруженная ложами для гостей. Финалы Лотереи транслировались круглосуточно: «Кэл-Корп» получал процент с каждой занятой комнаты во всех мотелях мира. Экран пересекала извилистая трещина: видимо, кто-то пытался таким образом отключить изображение. Но выключить Лотерею нельзя – можно только убрать звук. Впрочем, за грохотом эстакады и так не было слышно ни слова.

Дрейк вдохнул из трубки горького холодного пара и откинулся на спинку кровати, глядя, как высокий темнокожий мужик в фиолетовом парике что-то говорит в сияющую пустоту под куполом, прижимая руки к груди и страдальчески кривя рот. Внизу экрана мелькали цифры онлайн-голосования: соперник только что обошел его, и разрыв медленно, но верно увеличивался. Перед финалом всех кандидатов проверяют на допинг – Дрейк знал это, потому что проверки осуществлялись силами Департамента. Зрителям всего мира нужны только искренние эмоции, не заполированные греем: отчаяние, стыд, страх... Люди любят видеть чужой страх, когда не могут ощутить свой собственный.

По данным Департамента, на грёе сидела по меньшей мере половина взрослого населения планеты. С момента его изобретения в 2090-х эти цифры только росли, несмотря на все усилия по контролю за сбытом и производством, – хотя контролировать надо было не распространение наркотика, а страх, фоновую экзистенциальную тревогу, в которой пребывал каждый житель Земли с того момента, как ученые объявили об открытии Переноса.

Мозг человека заканчивает формироваться примерно к 25 годам. После этого он в любой момент может принять «космический нейросигнал» – то есть получить номер для переноса сознания на Гарторикс. На Земле от человека остается только пустая оболочка в криохранилище. Лет пятьдесят назад была надежда, что перенесенные сознания можно будет вернуть в законсервированные тела, и все, кто когда-либо совершил Перенос, воскреснут. Но теперь криохранилища – это просто модная замена кладбищам.

Ученым так и не удалось определить алгоритм, по которому сознания абсолютно здоровых людей разного возраста получали или не получали свои номера. Это не было болезнью: большинство болезней давно научились лечить, пересаживая синтетические органы и продлевая жизнь пациента практически до бесконечности. Калипсо Скай, поп-звезда, почти сто пятьдесят лет назад основавшая корпорацию имени себя для перераспределения номеров через Лотерею, была живым памятником тому, на что способна современная медицина при безграничных финансовых возможностях.

Перенос мог случиться с каждым; это было обстоятельство непреодолимой силы и стандартный пункт в любом договоре. При получении номера нижеподписавшийся обязан в течение четырнадцати календарных дней закончить дела и передать все свои активы и обязательства доверенным лицам, потому что на пятнадцатый его не станет.

Вместе с тем Перенос не был смертью. Научившись принимать и даже записывать мыслеобразы от сознаний с Гарторикса, люди получили доказательство того, что там, за гранью, что-то продолжается. Потребовались многолетняя пиар-кампания в масштабах планеты, проведен-

ная силами «Калипсо Корп» и Центра Сновидений, чтобы убедить человечество, что это «что-то» было жизнью.

Исследования, посвященные бытованию человеческих сознаний на Гарториксе, изначально были частью пиар-кампании, но со временем превратились в самостоятельную область научного знания. Оказалось, что после Переноса сознание на Гарториксе получало возможность произвольно менять тела, а значит, фактически жить вечно. На Земле от этого открытия, в сущности, ничего не менялось: любой человек старше 25 лет мог получить номер и уйти навсегда. Наука о Гарториксе утверждала, что в этом нет ничего страшного, – но наука была уделом избранных интеллектуалов. Для всех остальных существовал грэй.

Шоу на экране подошло к концу: мужик в фиолетовом парике извивался в руках улыбчивых ассистентов и что-то надсадно кричал, пока его уносили с Арены. Дрейк сделал глубокий вдох и почувствовал, как под действием паров грэя сжатый до хруста кулак у него между ребер медленно разжимается. Серебристая трубка выпала из расслабленных пальцев. Он прикрыл глаза и смог наконец подумать о Лиз.

Она ждала его дома. В их доме – о котором он боялся даже думать, когда был на задании, так что со временем стал его забывать. К тому же Лиз постоянно делала какие-то перестановки, перекрашивала стены, покупала новую мебель, так что, возвращаясь, он всякий раз путался в комнатах и открывал не те двери. Дом встречал его как чужого – весь, за исключением Лиз.

Ее мягкие глаза цвета сумерек были единственным, что никогда не менялось. Они всегда смотрели на Дрейка с надеждой, особенно в первые дни после его возвращения, но в глубине их таилась легкая укоризна. И чем дольше Дрейк был дома, тем яснее видел, как эта укоризна проступает сквозь надежду, – словно кит-убийца, всплывающий к поверхности за добычей. Дрейк никогда не оставался надолго, чтобы не встретиться с ним лицом к лицу.

Самому себе Дрейк объяснял частые отлучки словами Ванхортона, своего начальника, когда тот отправлял недавно женившегося молодого сотрудника Департамента на внедрение в транспортный картель, осуществлявший связь между сетью наркоторговцев и некой подпольной лабораторией. «Никто не защитит твою семью от этого дерьма, кроме тебя самого». Именно этим Дрейк и занимался с тех пор – защищал семью.

Лабораторию он вычислил месяца за три – благодаря одному из своих контактов, которого пришлось потом убрать, чтобы продолжать работу под прикрытием. После разгрома лаборатории и транспортного картеля он вернулся к Лиз – и ничего ей не рассказал, потому что некоторые вещи лучше никогда не произносить вслух. Тогда-то на дне ее глаз и поселилась тихая укоризна; а может, Дрейк придумал это себе, чтобы в следующий раз было проще уходить на внедрение.

...На треснутом экране мелькали слезящиеся глаза и перекошенные рты кандидатов: между трансляциями финалов, как всегда, крутили повторы лучших моментов. Дрейк подобрал с покрывала остывшую трубку, снял насадку и аккуратно пересыпал остатки грэя обратно в пакетик. Там оставалось еще много – больше, чем он рассчитывал. Дрейк туго свернул пакетик, снял ботинок и засунул пакетик под стельку. Он твердо решил защищать Лиз от этого мира – еще тогда, в первый раз, когда вернулся к ней, насквозь пропахший своей и чужой смертью. Именно поэтому он ничего не сказал ей тогда – и завтра тоже ничего не скажет.

Спальное западное побережье встретило его неожиданно ярким солнцем и свежим морским ветром. Пневмопоезд сделал крутой вираж над скалами и нырнул в долину, застроенную эргономичными умными домами. Дрейк посмотрел на электронное табло над дверями вагона: десять минут пятого. Лиз наверняка еще на фитнесе. Он успеет принять душ, переодеться и спрятать пакетик где-нибудь на заднем дворе.

Выйдя на станции, Дрейк взял гироскутер и сделал круг-другой по району – больше для проформы, чем для безопасности. Тихие солнечные улицы были пусты; из окна мансарды высунулся толстый кот, где-то залаяла собака. Оставив гироскутер на парковке за пару кварталов, Дрейк подошел к своему дому.

В этот раз Лиз перекрасила его снаружи. Фасад цвета яичной скорлупы светился на солнце так, что Дрейку пришлось даже прищуриться. Робот-газонокосильщик копошился возле открытой террасы, ровняя слегка заросшую лужайку. Лиз не любила ухаживать за газоном, почему-то считая это «мужским занятием». В отсутствие Дрейка все «мужские занятия» в доме выполняли роботы.

Дрейк подошел к террасе, присел на корточки, запустил руку под настил и нашарил магнитный держатель. Нажав на кнопку, он отключил магнит и достал карту-ключ. Они с Лиз придумали этот тайник, когда Дрейк в первый раз уходил на задание – чтобы не пришлось брать с собой ключ от дома, о котором никто не должен был знать. Тогда это был еще *его* ключ; после третьего или четвертого раза он превратился просто в запасной ключ для службы эксплуатации.

Внутри было прохладно и тихо. Дрейк втянул в себя пыльный воздух – и даже не заметил, как у него в руке оказался пистолет.

Дом всегда встречал его незнакомыми запахами, но раньше над ароматами непривычной еды, новой одежды и чужой мебели стелился едва уловимый запах лаванды и морской соли – любимые духи Лиз. А сейчас этого запаха не было – словно Лиз никогда здесь не жила.

Бесшумно ступая по новеньким доскам пола, Дрейк вошел в гостиную.

С первого взгляда всё было на своих местах, но он давно привык не полагаться на первый взгляд. Что-то было не так в этом дизайнерском интерьере с аккуратно свернутыми пледами на креслах и подушками в гамаке. Дрейк обвел глазами гостиную, прошел вдоль стены – так, чтобы его не было видно в большие окна, выходившие на задний двор, – и оказался за кухонным островом. На мойке рядом с раковиной стояла уродливая голубая кружка, которая в их семье всегда была «кружкой Ванхортон».

Лиз терпеть не могла начальника Дрейка. Когда он пришел к ним перед первым внедрением Дрейка, она достала откуда-то из коробок с барахлом, приготовленным на благотворительность, кружку с потеками краски и фаянса по ободку, налила кофе и отодвинула от себя, словно это было отвратительное вредоносное насекомое. Ванхортон сделал глоток – и с тех пор Лиз тщательно следила, чтобы его руки не касались никакой другой посуды в их доме. Перед уходом Ванхортон всегда мыл за собой эту кружку, а Лиз перемывала ее в посудомойке и убирала поглубже в шкаф – до следующего раза.

Но сейчас кружка стояла рядом с раковиной. Дрейк почувствовал, как по спине ползет холодок, всегда предупреждавший его об опасности.

В доме по-прежнему было тихо. Дрейк вышел из гостиной в коридор и направился в кабинет Лиз.

У окна стоял ее мольберт с электронным листом для чертежа. На полочке под ним были аккуратно сложены четыре разных стила. Дрейк подошел к мольберту и прикоснулся пальцами к матовой поверхности. Электронный лист ожил, осветив неоконченный чертеж. Дрейк вздрогнул и отдернул руку.

Через весь лист прямо по тонким линиям изящного загородного дома с круговой террасой шла жирная кривая черта, похожая на шрам от охотничьего ножа.

Томми Вальтер не был женат, и никто не знал, откуда он родом, – за это Дрейк мог поручиться. Посмотрев на то, что делают с человеческим телом в попытке выдавить нужную информацию, он с самого начала решил работать в одиночку. Никто не знал про Лиз; никто не знал, где они живут, – кроме Ванхортон.

Не чувствуя под собой ног, Дрейк вышел из кабинета и направился по коридору в спальню, зная, что там увидит.

Сколько прошло времени? Дрейк вспомнил робота-газонокосильщика перед домом.

Его заряда хватает месяца на три; вряд ли у тех, кто забрал Лиз, было столько терпения. Ему бы уже сообщили – если они добрались до нее, то прекрасно знали, кто он и как с ним связаться.

Коридор упирался в закрытую дверь спальни. Лиз никогда не закрывала эту дверь.

Она вообще никогда не закрывала двери – говорила, что за годы их брака привыкла быть дома одна. Кем бы они ни были, им нужна была не Лиз, а информация. Знает ли он достаточно, чтобы купить ей жизнь?

Холодная ручка двери легла в ладонь, как рукоять пистолета. Кого он может продать за Лиз? Весь свой отдел. Спецоперации Департамента, которые шли через него и его коллег. Рогана с его левыми номерами – если это конкуренты Рогана. Ванхортон – если только он не заодно с ними.

Дрейк аккуратно нажал на ручку. Дверь щелкнула и медленно отворилась.

В спальне было темно и тихо. Французские окна, выходящие в сад, были зашторены. Дрейк замер на пороге, почти ожидая выстрела из-за плотных штор. Потом сделал несколько осторожных шагов.

На покрывале в центре аккуратно застеленной кровати лежала тонкая черная пластина – коммуникатор Дрейка. Перед внедрением он всегда выключал его и отдавал Лиз. Это был один из их ритуалов «на удачу».

Дрейк выдохнул сквозь стиснутые зубы, протянул руку и положил указательный палец в углубление. Коммуникатор ожил, и над кроватью появилось голографическое изображение ухоженной молодой женщины с гладкой прической.

Женщина улыбнулась, совсем чуть-чуть промахнувшись мимо Дрейка, и сказала:

– Меня зовут Джейн Банхофф. – Дрейк машинально поднял пистолет и прицелился между ее идеально ровных бровей. Женщина, не моргнув, продолжила: – Это автоматическое сообщение из Центра Сновидений Юго-Западного округа. Ваша супруга, Элизабет Барри, назначила вас единоличным адресатом ее мыслеобразов в связи с получением номера и Переносом, осуществленным 24 июня. Вам необходимо явиться в Центр Сновидений по месту жительства, чтобы подписать согласие на запись, хранение и получение мыслеобразов. Центр Сновидений Юго-Западного округа работает круглосуточно. Наш адрес...

Сквозь полупрозрачный лоб говорящей женщины Дрейк видел шторы на окнах, ведущих в сад. Шторы не шевелились, но он всё равно в два прыжка пересек спальню и резким движением отдернул тяжелую пыльную ткань.

Солнечный свет ослепил его. Дрейк зажмурился; горячая багровая пелена обожгла веки, просачиваясь между ресниц.

В саду никого не было.

Глава 3. Гордон

– Нет, – сказал Гордон с раздражением, – это совсем не похоже на сон.

Журналистка поморщилась от его тона, но он был уже в том возрасте, когда человек может позволить себе не обращать внимания на эмоции собеседников.

– Когда вы спите, ваш мозг занимается перераспределением полезных веществ с помощью глимфатической системы. А при Переносе... – Гордон поднял голову и увидел, что в выпуклых глазах журналистки отражается суматранская орхидея, посаженная Софией, а больше не отражается ничего. Он вздохнул и закончил: – При Переносе в мозгу происходят совершенно другие процессы.

Журналистка подалась вперед и по-ученически наклонила толстую шею.

– Какие?

– Можно сказать, что человеческий мозг – как орган, состоящий из живых клеток, – умирает.

– Навсегда?

Гордон закатил глаза.

– Гипотеза обратного Переноса была дважды опровергнута в начале века, – терпеливо сказал он. – Один раз – под руководством вашего покорного.

Видимо, все-таки недостаточно терпеливо – потому что на веранде немедленно появилась Линди. Она принесла теплый клетчатый плед, которого он не просил, наклонилась, укрывая его худые старческие колени, и укоризненно прошептала над самым ухом:

– Пап...

– Спасибо, милая, – сконфуженно пробормотал Гордон и повернулся к журналистке. – В этом нет ничего страшного. Наш мозг всю жизнь так или иначе занят умиранием. В моем возрасте это особенно наглядно: мы с вами только начали разговаривать, а я уже не помню, как вас зовут.

– Эмбер, – прошелестела она чуть слышно, и лоб у нее пошел красными пятнами. – Эмбер Джиу.

– Что вы знаете о Переносе, Эмбер?

– То же, что и все, – журналистка растерянно пожала плечами. – На Гарториксе человек может жить вечно.

– А на Земле он при этом – что?

Эмбер молчала, глядя на него своими выпуклыми глазами, полными бледно-розовых цветков суматранской орхидеи. Интересно, сколько они вообще живут, вдруг подумал Гордон. Прошло уже тридцать шесть лет, а она всё еще цветет каждое лето.

– На Земле наш с вами человек умирает, – назидательно произнес он.

Изысканные очертания орхидеи слегка расплылись: выпуклые глаза журналистки наполнились слезами. Этого еще не хватало, с тоской подумал Гордон. Линди меня убьет. Или просто расскажет Микке за ужином, и тот снова заберет близнецов, когда уедет.

– Пока мы бодрствуем, в мозгу происходит множество разных процессов, – нехотя пояснил он. – Все они очень энергозатратны, поэтому мозг устает и нуждается в отдыхе; это называется «сон». Если мы возьмем среднюю продолжительность жизни взрослого человеческого мозга – которая, как вы можете видеть на моем примере, за последние пятьдесят лет увеличилась просто до неприличия, – уберем из нее промежутки сна и запустим всё остальное на ускоренной перемотке, чтобы уложиться примерно в две недели, мы получим то, что происходит с мозгом после получения номера.

– То есть... это... – неуверенно произнесла Эмбер.

Гордон вздохнул.

– Получив номер – сложный биохимический код-сигнал, причины и механизмы возникновения которого по сей день до конца не изучены, – мозг как бы начинает жить на полную катушку. И в течение двух недель полностью разрушается. В этом и была суть открытия, которое сделало Перенос возможным.

Эмбер осторожно кивнула, не сводя настороженных глаз с Гордона.

– Представьте, что мы разгоняем мозг в центрифуге, – медленно и отдельно произнес Гордон. – От него отделяется нечто. За неимением лучшего слова мы называем это «сознанием». Именно оно становится объектом и агентом Переноса.

– Это как... душа? – немного оживилась Эмбер.

– Скорее, опыт, – Гордон пожал плечами. – Я слишком давно живу, чтобы верить в человеческую душу.

Розовый лоб Эмбер наморщился. Она открыла рот, потом закрыла, уткнулась в коммуникатор, перелистнула пару окошек и снова подняла глаза на Гордона.

– Давайте поговорим о семье.

– Давайте, – живо согласился он. – У вас кто-то есть, Эмбер?

– Господин Фессало... – выдохнула она почти умоляюще.

– Вы же хотите, чтобы я рассказал вам довольно личные вещи о своей жизни. По-моему, будет честно, если вы мне расскажете о своей.

Эмбер молча смотрела на него, как кролик на удава. Гордон услышал, как во дворе у Мерчилансов через два дома от них с тихим шелестом включился автополив лужайки.

– У меня есть близкий человек, – наконец произнесла Эмбер.

– Как его зовут?

– Кайра, – выдавила она и против воли слегка улыbnулась.

Гордон почувствовал, как в груди у него потеплело. Его лицевые мышцы рефлекторно повторили эту невольную полуулыбку – даже раньше, чем в голове возникло слово «София».

– Эта ваша Кайра – она ведь женщина? – ворчливо спросил он.

– Да, но какое это имеет отношение...

– Тогда она ваша жена, – перебил ее Гордон. – А вы – ее жена. Имейте смелость называть вещи своими именами.

– То есть *вашими* именами.

Эмбер приосанилась в кресле и впервые взглянула на него с некоторым вызовом. Поразительно, как легко это новое поколение ведется на старые как мир провокации.

– Имена важны, – мягко сказал Гордон. – Они помогают понять, что мы чувствуем, и поделиться этим с другими. Если мы с вами всё будем называть по-разному, то никогда не сможем договориться.

– Но почему вы считаете, что мои имена... неправильные? – запальчиво спросила Эмбер.

– Потому что они вам не помогают, – пожал плечами Гордон. – Знаете, в XX веке был такой физик, Эрвин Шрёдингер. У него был мысленный эксперимент...

– В университете я изучала историю евразийской науки, – Эмбер обиженно нахмурилась.

– Очень хорошо, – усмехнулся он. – Моя правнучка Грета считает, что Шрёдингер проводил бесчеловечные эксперименты над животными.

Эмбер вежливо улыbnулась. Неизвестно, что им там сейчас рассказывают, в этих цифровых университетах, подумал Гордон.

– Если запереть кота в стальной камере, – сказал он, – вместе с адской машиной, которая, будучи предоставлена самой себе, либо убьет его, либо нет, то для нас – тех, кто стоит снаружи, – этот кот будет одновременно и жив, и мертв. Если у нас нет возможности открыть камеру и посмотреть, что там внутри, всё, что нам остается, это имена, которые мы даем происходящему. Мы можем решить, что кот жив, и остаться сидеть рядом с камерой, а можем решить, что его больше там нет, и пойти заниматься другими вещами.

– Но... ведь... – начала было Эмбер и тут же замолчала, снова уткнувшись в коммуникатор.

Гордон почему-то вспомнил, как в юности Микка упрямо называл все эти новомодные гаджеты «экзомозгом», утверждая, что они так же неотделимы от него, как руки, ноги и голова, а Линди сердито говорила, что синтетические руки и ноги не так уж и дорого стоят по сравнению с ее материнскими нервами. С возрастом она стала всё больше походить на Софию – даже не конкретными чертами лица, а быстрыми порхающими движениями и манерой смотреть как будто на всех членов своей семьи сразу, сколько бы их ни собиралось за большим чайным столом.

Вот и сейчас, накрывая к чаю в гостиной, Линди одновременно следила за тем, как Микка с мужем протирают чашки и блюда, Сара читает в бабушкином зеленом кресле, перекинув ноги через вытертый подлокотник, а здесь, на веранде, уже второй час идет это бессмысленное интервью.

В саду близнецы опять пытались загнать кролика Греты на старую яблоню. Микка поднял голову и что-то крикнул им в окно. Его муж захохотал, сверкая синтетическими зубами, и едва не уронил чашку, так что Линди, насупившись, забрала у него полотенце и бросила на колени к Саре. Та приподняла бровь и, не отрываясь от чтения, слегка пошевелила ногами, чтобы полотенце сползло на пол.

– Как вы относитесь к Лотерее?

Голос Эмбер заставил Гордона вздрогнуть. Он перевел взгляд на сидящую перед ним полную молодую женщину с синими волосами и в который раз спросил себя, зачем он продолжает с ней разговаривать. Ответа у него по-прежнему не было, поэтому он вежливо улыбнулся и сказал:

– Я хорошо понимаю желание молодых людей жить вечно.

– Но вы сами... вы не хотите участвовать?

– Я считаю, что каждый должен получить в этой жизни свое. Я свое уже получил.

– Но ваш мозг... ваши знания... Вы что, не хотите их сохранить?

За стеклянными дверями гостиной муж Микки резал большой пухлый пирог из коробки: в этот раз они привезли с черникой, потому что вишню раскупают еще с утра, а они смогли выехать только после второго завтрака. Из сада через открытое окно, отряхнув поцарапанные колени, вошла Грета. Ее мать оторвалась наконец от своей электронной книги, подошла к столу и стащила кусок пирога прямо из-под ножа. Линди расставляла по столу пузатые чашки, и Гордон точно знал, что в этот момент она машинально считает про себя: «Один, два, три, четыре...».

– За пределами нашей планеты, – рассеянно сказал он, – мои знания совершенно бесполезны.

– Но ведь это неправда. – Эмбер наклонилась вперед, и суматранская орхидея в ее глазах возмущенно затрепетала. – То, что вы знаете, делает вас уникальным. Это и есть вы.

Гордон усмехнулся. Он знал, что она это скажет. Все они всегда говорили именно это.

– Когда мы расшифровали последний сегмент кода, из которого состоят номера, мне было двадцать восемь – меньше, чем Саре сейчас. Чуть позже мне удалось усовершенствовать технологию записи и адресации мыслеобразов. Вся эта суeta с Лотереей шла уже полным ходом, но, к примеру, мои родители еще помнили времена, когда внезапные обмороки, головокружения и галлюцинации, сопровождающие двухнедельный распад мозга при гиперстимуляции, считались просто симптомами какого-то нового смертельного заболевания. Они дожили до современных протоколов и глобализации Переноса, но не успели этим воспользоваться: аппаратов тогда было всего шесть, по одному на каждый континент. Можете представить себе эту очередь – и что в ней творилось.

Гордон сделал паузу. Эмбер слушала, затаив дыхание, – совсем как Линди, когда ей было десять.

– С тех пор прошло много времени. Многие – не только я – совершили массу открытий в области Переноса и сделали блестящие научные карьеры. Но мы до сих пор не знаем, как и почему появились и появляются номера, какова их природа, – и куда перемещается сознание, отделенное от своего носителя. Есть разные гипотезы, но все они скорее из области философии, чем точных наук.

– Но ведь... Гарторикс... – Эмбер растерянно посмотрела на Гордона, словно пытаясь понять, издевается он или действительно выжил из ума.

– То, что мы видим в доходящих до нас мыслеобразах, заставляет предположить, что Гарторикс – это обитаемая планета за пределами нашей галактики. За пределами – потому что за сто с лишним лет никакие усилия планетарной космической программы не позволили нам ее обнаружить, – Гордон развел руками и улыбнулся. – Так что это наш личный выбор – назвать это место Гарториксом и считать, что оно существует. Примерно как решить, что кот в стальной камере все-таки жив.

За стеклянными дверями Линди уже раскладывала куски пирога по блюдам. Пора было идти пить чай.

– А если вы получите номер? – спросила Эмбер, когда он оперся руками на подлокотники, чтобы подняться.

– Мне девяносто восемь лет, – усмехнулся Гордон. – Вероятность этого события, и сама по себе ничтожная, уменьшается с каждым часом.

– Но если все-таки получите? – не унималась она.

– Передам его в Лотерею, – проворчал он. – Чтобы такие, как вы, не говорили, что я отнимаю у них будущее.

Он приподнялся и осторожно перенес вес на ноги, проверяя, не стрельнет ли опять в колене. И в этот момент Эмбер набрала в грудь воздуха и выпалила:

– Ваша супруга, София Фессало – она ведь на Гарториксе?

Гордон с кряхтением опустился обратно в кресло. Все они рано или поздно спрашивали об этом. Каждый раз, вот уже тридцать шесть лет.

– Она здесь, – Гордон постучал себя по виску узловатым пальцем. – Так же, как и ваша Кайра.

– Она жива, – упрямо сказала Эмбер. – Она существует.

Маленький желтый дрон с жужжанием ударился о стекло веранды и шлепнулся вниз, в траву. Из кустов высунулась круглая голова с торчащими во все стороны угольно-черными кудрями; следом показалась вторая точно такая же. Арчи – или это был Гленн? – показал брату язык и пополз на четвереньках, шаря по траве в поисках упавшего дрона.

Гордон перевел взгляд на журналистку.

– Зачем вам это интервью, Эмбер? Вы же ни черта не понимаете в теории Переноса.

Под его взглядом она съежилась, обеими руками вцепившись в коммуникатор.

– Я... вот как раз и хочу разобраться...

– Кто у вас болен?

Эмбер молчала. Из выпуклых глаз на Гордона, не шевелясь, глядела бледно-розовая суматранская орхидея. София посадила ее, вернувшись с обследования, – после второго обморока, когда и так уже всё было ясно.

– Кайра, – скорее сказал, чем спросил он.

Эмбер беспомощно всхлипнула. Гордон знал всё, что она скажет дальше, – всё, что она пыталась сказать ему эти два часа. Диагноз поставили недавно; это одно из редких и потому недостаточно изученных генетических заболеваний, которые проявляются только во взрослом возрасте и от которых не существует лечения, потому что они затрагивают головной мозг –

единственный орган, который человечество так и не научилось синтезировать и пересаживать. Кайре предлагают податься на Лотерею прямо сейчас, пока она еще в состоянии вести относительно полноценную жизнь, чтобы увеличить шансы на получение номера. Но она отказывается – потому что не хочет жить где-то на другом конце Вселенной без своей толстой глупой жены с синими волосами, которая не побоялась выставить себя круглой идиоткой, заявившись к выдающемуся ученому, чтобы спросить, как он жил все эти тридцать шесть лет – и можно ли назвать это жизнью.

– Софии было шестьдесят два, когда она получила номер, – Гордон произнес эти слова ровным голосом, удивившись тому, как буднично они стали звучать. – Она пересаживала бегонию – и уронила горшок с землей. Такого с ней никогда не случалось.

На гладкую черную поверхность коммуникатора шлепнулась крупная слеза. Эмбер испуганно заморгала и перевернула коммуникатор экраном вниз, украдкой вытирая щеку.

– Тогда мы еще многого не знали про Перенос. Обследования проводились не сразу, почти ни у кого не оставалось двух полных недель, как сейчас. Мы боялись не успеть, поэтому София легла в криокамеру за неделю до расчетного времени Переноса – на всякий случай. Микке как раз исполнилось шесть, и никто не мог объяснить, почему бабушка не пришла к нему на день рождения.

– Это было ваше решение? – хрипло спросила Эмбер. Гордон усмехнулся.

– Если бы вы знали Софию, вы бы поняли всю абсурдность такого вопроса. Все решения она всегда принимала сама. Но я приложил немало усилий, чтобы убедить ее в том, что именно это ее решение было верным.

Он замолчал, глядя, как Гленн – или это был Арчи? – кривляясь, прыгает по траве, а брат скачет рядом, пытаясь отобрать у него маленький желтый дрон с двумя сломанными пропеллерами.

– Она... сомневалась?

– Нет, – сказал Гордон. – Сомневался я. Но тогда, тридцать шесть лет назад, мне всё же казалось, что я ее этим... спасаю.

– А сейчас?

Гордон глубоко вздохнул.

– Сейчас я полагаю, что смерть – важная часть жизни, – медленно сказал он. – Из нашего предыдущего разговора вы могли бы уже это понять.

– Чьей жизни? – с неожиданной злостью произнесла Эмбер.

Лицо у нее горело, веки опухли. К толстой влажной щеке прилипла жиденькая синяя прядь. Гордон подумал, что никогда в жизни не видел ничего более прекрасного.

– У вашей Кайры есть еще несколько хороших лет, которые она может провести здесь, с вами, – сказал он. – Неужели это совсем ничего не стоит?

– Полтора, – Эмбер всхлипнула и откашлялась. – Полтора года – это на терапии, которая сама по себе...

Она покачала головой и замолчала, тщательно разглаживая пальцами веселенькую обложку своего коммуникатора.

– Мы всё время говорим об этом, – тихо сказала Эмбер. – Только об этом, вообще больше ни о чем. Я даже забыла, что бывают другие темы для разговора. И я... я всё понимаю: это ее жизнь, ее тело, только она решает, но... Ведь я же тоже... Я же...

Губы у нее задрожали, но она взяла себя в руки, подняла голову и посмотрела Гордону прямо в глаза.

– Скажите, вы ведь рады, что она – там?

Гордон молчал. Сломанный дрон полетел в кусты. Арчи (или Гленн) подставил брату подножку, и оба покатались по траве, пинаясь круглыми загорелыми коленками.

– Вы же получаете от нее мыслеобразы? – настойчиво спросила Эмбер.

– Каждые полтора месяца, – кивнул Гордон.

Через неделю как раз надо было ехать в Центр Сновидений за следующей порцией.

– Вы же рады?

Голос прозвучал так требовательно, что Гордон оторвался от созерцания близнецов и повернулся к Эмбер. Она вся подалась вперед, так что теперь вместо суматранской орхидеи в выпуклых глазах отражался его собственный лысый череп, покрытый пятнами старческой гречки.

– У вас есть дети? – тихо спросил Гордон больше у своего отражения, чем у нее.

Эмбер моргнула. Умудренный опытом 98-летний старик в ее глазах задрожал и беспомощно повис на ресницах.

– Мы... не успели, – одними губами произнесла она, уткнулась лицом в пухлые ладошки и сдавленно зарыдала.

За стеклянными дверями гостиной повисла мертвая тишина. Все обернулись в сторону веранды – даже Грета, застывшая с широко раскрытыми глазами и огромным куском пирога за щекой. Эмбер по-детски давилась слезами, явно не в силах остановиться. Гордон наклонился вперед и осторожно похлопал ее по коленке.

– Ну что вы, ну... – растерянно произнес он. – Вы же еще...

Гордон успел прикусить язык, но Эмбер, конечно же, поняла, что он собирался сказать, потому что немедленно зарыдала в голос.

Мечтая провалиться сквозь землю, Гордон с трудом выбрался из своего кресла. Он никогда не умел утешать детей; этим всегда занималась София. Прямо перед ним захлебывалась слезами незнакомая ему женщина; ее растрепавшийся синий затылок подпрыгивал, точно поплавок на волнах при штормовом ветре. Гордон смотрел на него, не зная, что делать дальше, и чувствовал, как крепкий дощатый пол уходит у него из-под ног.

В гостиной Микка поднялся со стула и направился в сторону стеклянных дверей на веранду. Но Линди, которая всегда видела не то, что происходит, а то, что должно произойти, быстро шагнула к нему и поймала сына за локоть. В следующий момент Гордон поднял руку и осторожно положил ладонь на лохматый синий затылок – так, словно хотел успокоить волны, которые его трепали.

Эмбер замерла. Гордон стоял над ней и гладил ее по голове – медленно и осторожно, как Линди, Микку и Сару в детстве, как Грету, когда умер ее первый кролик, как близнецов, когда они прибежали к нему, горько шмыгая носами, потому что теперь уже точно поссорились навсегда. Как, сидя в новеньком зеленом кресле, София гладила свой беременный живот, думая, что Гордон на нее не смотрит.

Он не заметил, когда Эмбер перестала всхлипывать. Она вытерла щеки, смущенно кашлянула и подняла на него глаза – такие же чистые и нежные, как свежее весеннее небо.

– Ужас как неудобно, – пробормотала она. – Простите.

Гордон замахал на нее руками. Эмбер прерывисто вздохнула, перевернула коммуникатор экраном вверх и охнула.

– Господи, сколько времени!.. Меня уже ждут... дома. Я пойду.

Гордон кивнул, глядя, как она беспомощно вертит головой в поисках выхода.

– Хотите... – сказал он, сам не зная зачем, – хотите я вам кое-что подарю?

Эмбер взглянула на него с удивлением. Гордон повернулся и быстро зашаркал в угол, где из большой кадки с автополивом торчала суматранская орхидея почти с него ростом.

– Я понимаю, вы заняты, – сказал он, запуская руку в самую середину куста. – Молодежь всегда очень занята, и зачем вам тратить время на садоводство, – он ухватился за один из отростков и потянул вниз. – Но тут ничего не надо делать, просто поставить в воду и подождать...

Толстый зеленый стебель гнулся во все стороны, не ломаясь. Гордон понятия не имел, можно ли вообще оторвать его голыми руками: София срезала черенки быстрым, почти незаметным движением садовых ножниц.

– Они цветут всё лето, – бормотал Гордон, дергая стебель туда-сюда и чувствуя себя идиотом. – Поливать можно редко, только следите, чтобы не было сквозняков...

Теперь он уже крутил несчастный отросток что есть силы. Орхидея раскачивалась из стороны в сторону, осыпая его дождем бледно-розовых цветов. Эмбер молча стояла, не решаясь подойти и помочь – то ли Гордону, то ли растению.

Наконец измочаленный стебель сдался. Гордон вытащил из середины куста небольшой отросток с тремя крупными цветами на тонкой ветке и сунул Эмбер. Она неловко прижала его к груди, не сводя с Гордона чистых весенних глаз.

– Они очень долго живут, – пробормотал он куда-то в сторону. – Этот малыш переживет и меня, и вас...

«И даже их», – хотел сказать Гордон, глядя, как близнецы с сосредоточенным сопением мутуют друг друга в траве, но что-то попало ему в горло, и он только сухо откашлялся.

Глава 4. Дрейк

Центр Сновидений Юго-Западного округа находился в двух шагах от станции.

Прямо с перрона прозрачный пешеходный тоннель вел к полукруглому комплексу, похожему на ванильное безе. По обеим сторонам тоннеля стояли кадки с синтетическими пальмами; одинаковые листья трепетали под искусственным бризом комфортной температуры. Иногда между кадками вспыхивали белоснежные улыбки голограмм, которые на разные голоса восхищались природой Гарторикса и уверяли всех, кто проходил мимо, что после получения номера они будут жить вечно.

Поначалу Дрейк всматривался в голографические лица, ожидая увидеть среди них идеальные брови и гладкую прическу Джейн Банхофф, но скоро понял, что это не реальные клиенты или сотрудники глобальной программы Переноса, а мимические 3D-модели. В Центре Сновидений серьезно относились к защите личных данных – и к миллиардным судебным издержкам, в которые выливалась любая утечка.

Джейн Банхофф ждала его в просторном холле, и она определенно была человеком – как минимум ниже пояса. Бёдра у нее были широкие и тяжелые, как у штангиста, а крепкие ноги в удобных туфлях, казалось, росли прямо из мраморного пола.

Увидев Дрейка, она улыбнулась и наклонила гладкую круглую голову, поймав на макушку солнечный зайчик, – секундой раньше, чем система распознавания лиц сопоставила Дрейка с образом из базы данных, и бесполой цифровой голос гостеприимно произнес, отражаясь от светлых стен:

– Добро пожаловать в Центр Сновидений, господин Холуэлл.

Дрейк быстро посмотрел по сторонам, но никто из посетителей в холле даже не обернулся.

– Не волнуйтесь, – сказала Джейн Банхофф. – Акустическая система настроена так, что, кроме вас, этого никто не слышит.

– Откуда вы знаете, что я услышал? – буркнул Дрейк. – Может, это был голос Создателя, который приказал мне убить вашу кошку.

– У меня нет кошки, – без тени улыбки сказала она. – Создатель должен бы знать такие вещи.

Дрейк криво усмехнулся. Джейн Банхофф развернулась и пошла к дверям, ведущим в правое крыло огромного комплекса.

В тишине коридоров, залитых искусственным светом, каждый шаг отдавался гулким утробным эхом, словно снизу в мраморный пол бился кто-то очень большой и тяжелый. Полупрозрачные двери бесшумно распахивались перед ними и с тихим чавканьем смыкались позади. Очень скоро Дрейку стало казаться, что его жует и глотает гигантское существо со множеством челюстей.

Наконец они добрались до круглого кабинета без окон. Джейн Банхофф коснулась стены, и потолок налился ровным дневным светом. Джейн показала Дрейку на кресло, а сама села за стол и сразу же превратилась в голографическую женщину с идеальными бровями и гладкой прической, которую Дрейк увидел над кроватью у себя в спальне.

– С момента Переноса вашей супруги прошло... – Джейн Банхофф прищурилась и смахнула окно на большом плоском экране, – тридцать четыре дня. За это время нам поступило два мыслеобраза, но, поскольку мы не имеем права хранить их без эксплицитного согласия адресата, они были удалены. – Она оторвалась от экрана и взглянула на Дрейка. – Мне очень жаль.

Дрейк молчал. Джейн Банхофф выждала пару секунд и доверительно наклонилась к нему через стол.

– Не расстраивайтесь, – сказала она с профессиональной мягкостью в голосе. – От клиентов, получивших номера напрямую, не от третьих лиц и не через Лотерею, мыслеобразы начинают поступать почти сразу, и их может быть довольно много. Я уверена, что уже очень скоро вы сможете увидеть свою супругу.

– Она у вас в криохранилище, – сказал Дрейк. – По правилам я могу увидеть ее в любой момент.

– Ваша супруга на Гарториксе, – улыбнулась Джейн Банхофф. – Давайте я расскажу вам, как следует воспринимать то, что вы можете наблюдать в мыслеобразах.

Она пробежалась пальцами по экрану, и над столом возникла полупрозрачная фигура с пепельно-серой кожей, непропорционально длинными конечностями и четырьмя длинными загнутыми рогами. Существо было неопределенного пола и смотрело в пространство желтыми змеиными глазами с вертикальной щелью вместо зрачка.

– Мы еще не знаем всех облиций, которые принимают клиенты на Гарториксе, но у тех, кто осуществляет Перенос по собственному номеру, этот образ один из самых частотных.

Джейн Банхофф коснулась экрана, и на месте рогатого существа возникла фиолетовая шипастая ящерица.

– Это еще один частотный образ, – сказала она. – Многие адресаты отмечают его у своих близких.

– Это что, чей-то дедушка?

Джейн Банхофф посмотрела на Дрейка поверх разъяренной голографической рептилии.

– Это 3D-модель, – сказала она, как и раньше, без тени улыбки. – Мы не имеем права демонстрировать записанные мыслеобразы кому бы то ни было без эксплицитного согласия их адресатов.

Дрейк помолчал, глядя в распахнутую багровую пасть с несколькими рядами острых синеватых зубов.

– Я хочу увидеть ее, – наконец произнес он.

– Сперва нужно заполнить несколько стандартных форм, – улыбнулась Джейн Банхофф, и шипастая ящерица растворилась в воздухе. – Согласие на запись и хранение мыслеобразов; согласие на получение. И всем адресатам мы рекомендуем консультацию психолога. Она входит в базовый пакет услуг.

Дрейк посмотрел на три электронных бланка с углублениями для отпечатка пальца, которые лежали перед ним на столе, – точно такие же, как тот, что он подписал в клубе у Рогана. Только на этих бланках стояло его настоящее имя – и идентификатор номера, который получила Лиз, пока на другом конце континента он боролся с производителями и продавцами синтетического бесстрашия, ежегодно убивающего, по разным оценкам, от тридцати пяти до сорока миллионов человек.

– Вы не поняли, – сказал он. – Я хочу увидеть ее в криохранилище.

Джейн Банхофф подняла на него спокойные глаза.

– Я провожу вас, как только мы закончим со всеми формальностями, – сказала она, и Дрейк тут же вспомнил подземное существо, которое отчаянно билось в мраморный пол, пока они шли по коридору.

– Я хочу ее увидеть, – сказал он самому себе, протягивая руку за бланками.

Криохранилище находилось на нижнем этаже левого крыла. В огромном мраморном зале было прохладно и сумрачно. Потолок светился меланхоличным сероватым светом. Вдоль стен в несколько уровней шли ряды стеклянных дверей. Среди них попадались абсолютно черные, но большинство были прозрачными. Сквозь стекло были видны пустые комнатки, напоминавшие мертвые соты.

Джейн Банхофф подошла к одной из прозрачных дверей, достала из конверта новенькую карту-ключ с логотипом Центра Сновидений и приложила ее к электронному замку.

– Это ваш персональный пропуск. Вы можете прийти сюда в любой момент, мы работаем круглосуточно, – сказала она, протягивая карту-ключ Дрейку. – Если заблудитесь, наша кастомизированная аудиосистема подскажет вам дорогу.

Прозрачная дверь поднялась, пропуская их внутрь, и так же бесшумно опустилась. Потолок в тесной комнатке засветился приглушенным дневным светом. Дрейк оглянулся на дверь и увидел, что в огромный зал криохранилища вошла семья с маленьким ребенком.

– Они нас не видят, – сказала Джейн Банхофф. – Если в комнате кто-то есть, снаружи дверь автоматически становится непрозрачной.

Напротив входа в стену был вделан черный экран. По такому же Томми Вальтер смотрел у себя в мотеле финалы Лотереи, только этот был новый, без трещин, и почему-то повернутый вертикально.

– Вы раньше не посещали криохранилище?

Голос Джейн Банхофф у него за спиной прозвучал неожиданно мягко. Дрейк покачал головой, глядя на свое отражение в черном экране. Все его немногочисленные родственники умерли до того, как криохранилища подешевели и стали доступны тем, кто сидел на базовом социальном пособии.

– Кладете палец сюда, – Джейн Банхофф показала на углубление в стене. – Система узнаёт вас по отпечатку и поднимет нужную вам капсулу.

Дрейк протянул руку и положил указательный палец в углубление. Раздался мелодичный звук, комната чуть заметно завибрировала. Черный экран начал светлеть и немного погодя стал совершенно белым.

– Капсула уже здесь, – сказала Джейн Банхофф. – Когда будете готовы, просто коснитесь экрана.

Дрейк стоял, опустив руки. Молочная белизна экрана резала ему глаза.

– Я оставляю вас наедине, – подождав, сказала Джейн Банхофф. – Чтобы закончить сеанс, нужно еще раз прикоснуться к экрану.

Дрейк не услышал, как за его спиной поднялась и опустилась дверь, но догадался по слабому ветерку, дохнувшему в шею. Он слегка переступил ногами, как прыгун, стоящий на самом краю трамплина, и осторожно поднес пальцы к экрану.

Плотная молочная пелена рассеялась, и сквозь нее проступила Лиз.

Ее было видно по грудь – как будто она стояла в проеме небольшого окна, как в самый первый раз, когда она увидела его из кухни и выбежала на улицу, даже не успев вытереть руки. Тогда в ее глазах еще не было укоризны – только радость оттого, что он вернулся живым.

Теперь глаза были плотно закрыты, и Дрейк не знал, что в них – радость, укоризна или что-то другое, чего он никогда не видел и что она чувствовала только тогда, когда оставалась одна. У нее была незнакомая короткая стрижка: Лиз меняла прически и цвет волос так же часто, как интерьеры в их доме, и всегда – в его отсутствие.

– Посмотри на меня.

Дрейк так и не понял, подумал он это или произнес вслух. Ничего не изменилось: Лиз всё так же стояла перед ним в незнакомой светлой одежде, спокойно закрыв глаза.

Дрейк вспомнил, как через пару недель после его первого возвращения они пошли погулять – едва лишь он смог выходить из дома без пистолета. Лиз взяла его за руку, словно он был щенком, которого надо было держать на поводке, чтобы он по глупости не выбежал на дорогу и не попал под чей-нибудь гироскутер. Они обошли квартал, не встретив никого из соседей, сделали круг по пустому осеннему парку, вернулись домой – и только тогда расцепили руки. Лиз пошла в ванную, а Дрейк быстро набрал в коммуникаторе сообщение для Ванхортон. Он

просил отправить его на внедрение – да, опять, пожалуйста, как можно скорее. Потому что тогда он сможет стать Томми Вальтером, а Томми Вальтер сможет раздобыть себе грэя.

Томми Вальтеру жилось беззаботно. Он мог двое суток не есть и не пить, лежа в грязи под эстакадой, чтобы засечь курьера лаборатории на маршруте. Он мог спрыгнуть из окна чердака на крышу чужого аэротакси за пару мгновений до того, как шумовая граната разнесет чердак вдребезги вместе с тремя крепкими парнями, сосредоточенно вырезающими из двери замок. Он мог отдать свое будущее Рогану за пакетик грэя – просто потому, что никакого будущего у него никогда и не было.

После третьего или четвертого внедрения Дрейк впервые принес грэй домой.

Немного, всего полторы дозы, просто чтобы показать Лиз, с чем он имеет дело. Они надышались вдвоем под какую-то ее любимую медитативную музыку, вытащив шезлонги в сад и глядя на звёзды. В какой-то момент она повернулась к нему и сказала: «Я хочу ребенка». Он привстал на локте. Она слегка раскрыла бедра, и он скользнул ладонью внутрь, чувствуя ее раскаленную кожу: под грэем температура тела увеличивается на несколько градусов. Она потянула его к себе, и Дрейк перелег к ней на шезлонг. Обжигая пальцы, он погрузился в ее влажную глубину, Лиз резко выдохнула и прошептала: «Я хочу ребенка, чтобы, если тебя убьют, у меня хоть что-то осталось». – «Тш-шш-ш, – он провел влажным пальцем по ее горячим губам и улыбнулся. – Меня не убьют...»

– Видишь, – хрипло сказал он, вздрогнув от собственного голоса, – меня не убили.

Лиз молча стояла перед ним в проеме небольшого окна. Прозрачный экран не отражал света, и потому казалось, что между ними ничего нет – кроме ее тонких опущенных век.

– Видишь? – настойчиво повторил Дрейк.

Но она всё еще не видела. Тогда он поднял руку, чтобы провести пальцем по ее губам, чтобы она вспомнила, как хорошо им было вдвоем в шезлонге, как не хотелось уходить из-под звезд, даже когда действие грэя закончилось и стало прохладно, как ни один из них ничего не боялся... Пальцы Дрейка уперлись в твердую ледяную поверхность – и Лиз, так и не открыв глаза, медленно растворилась в густой молочной пелене. Экран стремительно почернел, и Дрейк увидел, что оттуда на него пристально смотрит Томми Вальтер.

– Непростое зрелище, да? Особенно в первый раз, – сочувственно улыбнулась Джейн Банхофф, когда Дрейк вышел из комнаты. – Но в мыслеобразах всё иначе, вот увидите. Там они живые и двигаются... Иногда даже говорят. Хотя и выглядят... необычно. – Джейн Банхофф доверительно понизила голос. – И потом, мыслеобразы – это прекрасная возможность узнать, как выглядит ваша жена на Гарториксе. Если вы сами получите номер, вам будет гораздо легче ее там найти...

– Я не получу номер, – сказал Дрейк, развернулся и быстро зашагал к выходу.

По четвергам, если была хорошая погода, Ванхортон обедал на лавочке под сосной: четвертый уровень городского парка примыкал к этажу, на котором был его кабинет. Дрейк увидел Ванхортон еще от входа, но по привычке выждал минут пятнадцать, прежде чем подойти.

Как раз к полудню серое здание Департамента подбирало свою обширную тень, и в парке становилось тепло и солнечно. По гравийным дорожкам с тихим шорохом ползли две-три радиоуправляемые коляски, за которыми, уткнувшись в коммуникаторы, лениво плелись родители. На лужайке, возле питьевого фонтанчика, расстелив кислотного цвета коврик, загорал молодой парень в очках виртуальной реальности. Рядом на коврике поменьше тощий ушастый кот сосредоточенно вылизывал себе яйца.

Ванхортон держал на коленях пластиковый контейнер с паровыми овощами и зеленоватой протертой дрянью. Тут же на лавочке стояла прозрачная термокружка с бурым протеиновым коктейлем. Это называлось «жена приучила меня к здоровому питанию». Дрейк никогда

не понимал, почему Ванхортон даже после развода продолжает изо дня в день запихивать в себя еду, от одного вида которой у ребят из отдела начинались желудочные спазмы.

– Всё тихо? – спросил Ванхортон, ковыряя вилкой толстую разваренную морковь.

– Парень в очках «на десять часов», – сказал Дрейк, присаживаясь на другой конец лавочки.

– Это Ши Вонг из шестого отдела, – Ванхортон отломил кусочек моркови и обмакнул его в зеленую дрянь. – Он второй месяц в декрете.

– Шестой отдел весь работает под прикрытием, – удивился Дрейк. – Формально он даже не знает, где находится это здание.

– У него тройня, – Ванхортон отправил кусочек моркови в рот и, поморщившись, проглотил не жуя. – Жена решила отстреляться сразу. Раз в пару недель к нему приезжает мать, тогда он берет кота и идет в парк. Это помогает ему сохранить рассудок.

– Странный выбор парка для человека, не связанного с Департаментом.

– Ну ты же сюда пришел, – Ванхортон бросил на Дрейка быстрый взгляд, разминая вилкой оплывшую желтоватую репу.

– Я не в декрете, – пожал плечами Дрейк.

Ванхортон вздохнул и опустил вилку.

– Это был я, – сказал он. – Я запретил выходить с тобой на связь до завершения операции.

Дрейк усмехнулся. Ушастый кот Ши Вонга закончил с яйцами и занялся левой задней лапой.

– Интересно, сколько подпольных лабораторий мы накрываем в год? Например, наш отдел. Я знаю, это закрытая информация, но хотя бы примерно.

– Дело не в лаборатории, – сказал Ванхортон.

– А в чем?

– В том, что я не теряю сотрудников.

Ванхортон повернулся и впервые посмотрел на Дрейка в упор. Его огромное моржеобразное тело колыхалось, как налитый водой резиновый шар, но глаза смотрели прямо и жестко.

– Меня не убили, – медленно произнес Дрейк.

– Именно. – Ванхортон подцепил вилкой половину размятой репы и отправил ее в рот. – Лиз бы мне этого не простила.

Дрейк поднял брови.

– Вы что, обсудили это с ней?

– Мы говорили об этом, когда я заходил, – Ванхортон дожевдал репу и запил бурым коктейлем. – За неделю до Переноса. Она со мной полностью согласилась.

У Дрейка потемнело в глазах. Он сцепил руки на коленях и сжал пальцы до хруста, чтобы не двинуть Ванхортону с разворота в челюсть.

– Вы умеете быть убедительным, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Может, вы даже смогли бы убедить ее передать свой номер в Лотерею. Если бы захотели.

Ванхортон молча помотал головой, преследуя по всему контейнеру скользкий вилок брюссельской капусты.

– Почему?

– Она не знала, вернешься ты или нет.

– Но я всегда возвращался!

Ванхортону удалось наконец загнать капусту в угол.

– Ты же не за этим сюда пришел, – пробормотал он, с хрустом разжевывая вилок. – Я всё равно не скажу про нее ничего, чего ты сам не знаешь. Давай, что там у тебя?

Дрейк втянул в себя воздух, наполненный запахом горячего гравия, сосновой смолы и пареной репы. Это были запахи мирной жизни – запахи, которые ничего не значили, кроме самих себя.

– Роган, – сказал он наконец.

– Нет.

Дрейк посмотрел на Ванхортон. Тот отложил полупустой контейнер и медленно пил из термокружки, морщась после каждого глотка.

– Почему?

– Сам знаешь, – Ванхортон пожал плечами. – Это написано у тебя в отчете. Роган – ценный источник сведений по трафику в Северо-Восточном округе. Не будет его – не будет ниточек, ведущих к лабораториям.

– Он занялся более серьезными вещами, чем лаборатории, – сказал Дрейк.

Тощий ушастый кот задумчиво грыз собственный хвост, придерживая передними лапами. Ши Вонг потянулся на коврике и снял очки виртуальной реальности. Глаза у него оказались большие и невинные, как у тигренка.

– Этого не было в твоём отчете, – сказал Ванхортон.

– Не было, – согласился Дрейк. – Поэтому я здесь.

– Правильно, – Ванхортон задумчиво пожевал губами. – Знаешь, что теперь надо сделать?

Дрейк отвернулся и нарочито лениво взглянул на Ши Вонга. По спине полз знакомый холодок – как всегда перед получением инструкций.

– Ничего.

Дрейк решил, что ослышался. Ванхортон невозмутимо глотал свой коктейль, глядя, как Ши Вонг достает из-под коврика одежду и начинает собираться.

– Вы в своем уме? – на всякий случай уточнил Дрейк.

– Я-то – да, – усмехнулся Ванхортон. – А вот тебе явно нужен отпуск. В нашем деле нет ничего серьезней лабораторий.

– Отправьте меня обратно, – упрямо сказал Дрейк. – Я докажу вам, что есть.

Ванхортон вздохнул.

– Знаешь, кто такой Томми Вальтер? – задумчиво спросил он.

Дрейк вздрогнул. Никто никогда в Департаменте не произносил конспиративные имена сотрудников вслух. Даже во внутренних документах они всегда сокращались до безличных инициалов.

– Это мой сын, – Ванхортон подержал возле губ коктейль, но передумал и поставил обратно на лавочку. – Томас Вальтер Ванхортон. Его выкинули из окна пневмопоезда между Альгамбой и Рио-Гранде, когда они с няней возвращались из аквапарка.

Воздух застрял у Дрейка в легких, как после мощной затяжки греем.

Ванхортон достал из кармана салфетку и аккуратно вытер пальцы и подбородок.

– Я в то время руководил отделом в другом округе. Сотрудница на внедрении раскопала ниточку, ведущую прямиком в «Кэл-Корп». Но семьи тех, кто работает под прикрытием, уже тогда очень хорошо скрывали, – он скомкал салфетку и бросил в утилизатор. – А я был на виду. И мой ребенок – тоже.

Ши Вонг натянул яркое пижонское трико, скатал оба коврика и засунул вместе с очками в чехол. Дрейк с трудом выдохнул и откашлялся.

– Что... было дальше? – хрипло спросил он.

– Я отменил задание, – Ванхортон пожал плечами. – Вытащил оттуда сотрудницу. Операция заняла неделю, но в итоге все остались живы.

– А информация?

Ванхортон посмотрел на Дрейка и медленно покачал головой.

– Никто не защитит твою семью от этого дерьма, кроме тебя самого, – тихо произнес он.

– У меня больше нет семьи, – зачем-то сказал Дрейк.

Ванхортон развел руками:

– Ну, если ты так считаешь...

Ши Вонг пристегнул к коту поводок, забросил чехол на плечо и легкой походкой хорошо отдохнувшего человека направился к выходу. Ванхортон скользнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся.

– Роган забрал у меня кое-что, – тихо сказал Дрейк, глядя на свои руки. – Кое-что важное. Ванхортон закрутил крышечку термокружки и со щелчком закрыл контейнер.

– Я не отправлю на внедрение сотрудника, который только что потерял жену, – просто сказал он.

– Почему? – спросил Дрейк для того лишь, чтобы не заканчивать разговор на этом.

– Потому что от тебя зависит не только твоя жизнь, Холуэлл.

Ванхортон с трудом поднялся, кряхтя и помогая себе руками. У него слабые больные ноги, некстати вспомнил Дрейк. Тогда почему он ходит обедать именно сюда, на дальнюю лавочку?

– Что случилось с этой сотрудницей? – негромко спросил Дрейк.

Ванхортон на мгновение остановился, колыхнувшись всем телом.

– Ничего плохого, – буркнул он через плечо. – За исключением того, что раз в две недели она вынуждена сидеть с тройней, пока этот охламон загорает здесь со своим котом.

Проскрипев по гравию ко входу в здание, Ванхортон приложил пропуск и вошел внутрь. Дрейк остался сидеть на лавочке, запрокинув голову и прикрыв глаза.

Послеполуденное солнце плавилось на его лице и шее, стекая каплями пота в расстегнутый ворот рубашки. Серое здание Департамента возвышалось за спиной, не давая тени. Жара становилась невыносимой.

Дрейк выпрямился и достал из кармана коммуникатор. Станция была в двух шагах от нижнего уровня. Ближайший пневмопоезд на Восточное побережье отходил через семнадцать минут.

Глава 5. Эштон

Перед тем как войти в приемную, Эштон всегда мысленно считал до пяти, на каждый счет расслабляя лицевые мышцы. Но сегодня это давалось ему с трудом.

«Один», – подумал он, выходя из лифта на 49 этаже офисной высотки, и слегка пошевелил затекшими плечами.

После того как они с Мией узнали предполагаемый пол будущего ребенка, Эштон перебрался на кушетку в гостиной. Это получилось как-то само собой. В первую ночь Мия просто ушла в спальню, закрыв дверь. Минут сорок Эштон простоял под дверью, слушая шорох одежды и одеяла, не в силах взяться за ручку. Когда в спальне наступила тишина, он пошел спать на кушетку. Утром он обнаружил, что накрыт пледом.

Мия проснулась раньше и уже собиралась на пневмопоезд. Уходя на работу, Эштон свернул и убрал плед, но вечером плед снова лежал на кушетке. Через неделю Эштон забрал из спальни свою подушку: по утрам у него стала болеть шея.

«...два», – ему пришлось потереть веки пальцами, чтобы хоть немного расслабить глаза.

За всю историю человечества никому еще не удалось выспаться на кушетке, с раздражением подумал Эштон, идя по коридору между прозрачными дверями, ведущими в чужие приемные. Когда они с Мией покупали мебель для гостиной, никто не подумал, что она должна обеспечивать ортопедическую поддержку для всего тела. Единственное, что их интересовало, – это прочность. Изящную дизайнерскую софу, подаренную его родителями на свадьбу, они сломали дней через десять.

«Три...»

Нет, сегодня определенно ничего не получалось. Эштон ускорил шаг, проходя мимо приемной Дарин. За прозрачной дверью, как обычно, бесились дети: Дарин работала с двухлетками, расширяя доступный им гендерный спектр, потому что это было залогом полноценной жизни и, главное, карьеры.

Следующая дверь вела в приемную Леннарта, который лечил эндогенную депрессию и тревожное расстройство у взрослых. Встречая Дарин в коридоре, он неизменно спрашивал у нее, как поживают его будущие клиенты, а та в ответ интересовалась, подготовил ли он свою практику к передаче на случай получения номера. На всём этаже Леннарт был единственным, кто принципиально отказывался это делать. Он утверждал, что это противоречит установке «живи в моменте», которую они продают клиентам Центра психологической поддержки и реабилитации по восемьсот, а то и по девятьсот кредитов за час – дороже, чем грамм уличного грэя.

«Четыре...»

Эштон свернул за угол и остановился перед дверью со старомодной металлической табличкой «Д-р Э. Герингер, психотерапевт». Кабинет – как и практика – достался ему от отца, крупного ученого, занимавшегося системным анализом тревожности в дисфункциональных группах. Эштон часто думал, что знаменитый психолог Элизеус Герингер выбрал имя для своего единственного сына специально, чтобы не менять табличку на двери кабинета.

Внутри уже кто-то был. Эштон поморщился, взглянув на часы: до первого приема оставалось еще целых двадцать минут. Так рано приходят только новички или те, у кого за выходные что-то случилось. Ни то, ни другое не воодушевляло, но торчать в коридоре было глупо, так что Эштон выдохнул: «Пять», – улыбнулся и открыл дверь.

У входа в кабинет сидела очень красивая девушка с угольночерной кожей и прозрачными глазами цвета воды в неглубокой ванне. Операции по изменению пигментации радужки были дорогими, но пользовались популярностью у приверженцев идеи глобальной культурной апроприации. Движение называлось «Одна планета – одна культура» и настаивало на том, что

каноны красоты, принятые в микрокультурах генетических меньшинств, принадлежат всему человечеству.

Эштон вздохнул. Он не любил работать с активистами. Активисты носили на себе чужие травмы как щит, старательно заслоняя ими свои собственные.

– Прием начнется в десять, – сказал Эштон, вставляя карту-ключ в регистратор на стойке ресепшн. – Можете пока подождать здесь.

– У нас с вами будет всего одна встреча, – спокойно сказала девушка. – Не хотелось бы провести здесь больше времени, чем необходимо.

С этими словами она встала, открыла дверь кабинета и прошла внутрь. Эштону ничего не оставалось, как последовать за ней.

Когда он вошел, она уже устроилась на диване перед пустым креслом. В успокаивающем полумраке кабинета ее странные водянистые глаза светились белым – так, словно у нее вообще не было радужки. Эштон поежился и сел за стол – не столько для того, чтобы просмотреть ее историю болезни, сколько чтобы не оказаться под прицелом белого взгляда.

– Обычно мы определяем необходимое количество сессий совместно с клиентом, – сказал Эштон, выводя на экран информацию о пациенте «AD082835-1000». – Для этого нужно сперва обозначить проблему...

– Никакой проблемы нет, – сказала девушка всё так же спокойно. – Вы аккредитованный психолог Центра Сновидений. Я обещала жене, что проконсультируюсь по поводу Переноса.

Ее диагноз даже не имел названия – только медицинский код из нескольких цифр и букв, индикатор поломки в определенном наборе генов. Эштон взглянул на девушку поверх экрана и заметил, что она крепко держит себя за левую руку – так, словно сама себя привела и усадила на диван.

– Расскажите, как вы узнали о своем диагнозе, Кайра, – мягко сказал он. – Вы же не против, чтобы я к вам так обращался?

– Так же, как все узнают о получении номера, – улыбнулась Кайра. – Мы ехали на гироскутере. Я отключилась и пролетела полтора уровня вниз. В больнице мне нарастили сломанную кость и отправили на обследование в Центр Сновидений.

– И там выяснилось, что ваш обморок не был связан с получением номера?

– Вы не представляете, сколько народу мечтает, чтобы это оказалась обычная опухоль мозга, – усмехнулась Кайра. – Все хотят жить вечно, но к внезапному наступлению бессмертия никто не готов.

– Вам объяснили ваш прогноз?

– Полтора года, – кивнула Кайра. – При условии, что я начну терапию. Сейчас уже меньше – это всё было два месяца назад.

Эштон осторожно откашлялся.

– Вы сказали, что хотите проконсультироваться насчет Переноса...

– Мне рекомендовали подаваться на Лотерею, – Кайра пожала плечами. – Мой случай как раз подходит, шансы очень хорошие. Я отказалась.

– Почему?

Кайра впервые сделала паузу, прежде чем ответить. Прозрачные глаза мягко сверкнули из-под опущенных ресниц.

– Шестнадцать месяцев – это всё равно больше, чем две недели, – негромко сказала она.

Эштон помолчал немного, потом прикоснулся к экрану, закрывая все окна с анамнезом, поднялся и пересел в кресло. Белый взгляд Кайры испуганной бабочкой заметался по корешкам коллекционных бумажных книг на полках и наконец остановился на нем.

– Все хотят жить вечно, – произнес он. – Вы сами это сказали.

– Да? – спросила Кайра. – И вы?

Эштон невольно представил себе вечность, проведенную на кушетке, и отсутствующий взгляд, которым Мия скользила по нему каждое утро, как будто он был привычной, но необязательной частью домашнего интерьера. Нет, он определенно не хотел жить вечно. Он только хотел пережить оставшиеся до родов тридцать пять недель, чтобы всё наконец-то стало как раньше. Как восемь лет назад.

– Почему вам важно, что я об этом думаю? – спросил он вслух.

– Мне не важно, – Кайра слегка улыбнулась. – Я всего лишь поддерживаю разговор.

– Вы считаете, мне нужно в этом помочь?

– А вы как думаете? – Кайра фыркнула и тут же сделала серьезное лицо. – Простите. Я понимаю, вы просто делаете свою работу.

Эштон вздохнул. Эту часть своей работы он никогда не любил, но сейчас она была явно необходима.

– У вас очень закрытая поза, Кайра, – сказал он, наклоняясь вперед, чтобы ей стало совсем уж неловко. – Вам некомфортно?

– Почему? – с вызовом спросила она и расцепила руки, положив обе ладони на диван. Левая кисть ходила ходуном, то и дело ударяя по бедру.

– Это побочка от терапии, – нехотя произнесла Кайра, поймав его взгляд. – Но так я хотя бы чувствую, что эта рука у меня есть.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

– Вы не спросите, что я по этому поводу чувствую? – она подняла брови, и глаза у нее вспыхнули, как два фонаря.

– Нет, если вы не захотите мне об этом рассказать, – спокойно сказал Эштон.

– То есть мы будем говорить только о том, о чем я захочу? – недоверчиво рассмеялась она.

– Нам обоим так будет гораздо проще.

Кайра опустила голову и положила левую руку на колени, слегка поглаживая спазматически подрагивающие пальцы, как будто это было маленькое домашнее животное, которое нужно было успокоить.

– У вас есть дети? – тихо спросила она.

Эштон кивнул раньше, чем успел сформулировать очередной отражающий вопрос. Раньше, чем вообще понял, что шевельнулся. Он вдруг подумал, что за три года никто ни разу не спросил его об этом – как будто ответ был написан у него на лбу.

– Мы с женой ждем ребенка, – сказал Эштон, запнувшись на слове «ребенок». – Он должен родиться в феврале.

Кайра вздохнула.

– Знаете, мы познакомились в университете. Эмбер была единственной, кто решился сказать вслух, что у меня красивые глаза, – она усмехнулась. – Мы как-то сразу решили, что будем жить для себя. Наша свадьба была под водой, в аквалангах – мы обе любим дайвинг. Половина друзей и родственников не смогли даже опуститься на ту глубину, где мы обменялись кольцами.

Она слегка улыбнулась внутрь себя – так же, как почти девять лет назад улыбалась Мия. Эштон вышел тогда утром на кухню и увидел ее сидящей над остывающей чашкой кофе, словно она вдруг забыла, что с ней делать. Он подошел налить себе кофе, Мия подняла голову и улыбнулась – но не ему, а вглубь своего живота, и Эштон сразу всё понял.

– Теоретически ни она, ни я не были против детей, – голос Кайры вернул его в полумрак кабинета. – Но и до диагноза они как-то... не вписывались. Понимаете?

Прозрачные глаза смотрели на него с надеждой. Эштон кивнул.

– А теперь у нас это... растение, – Кайра недовольно поджала губы. – Жена притащила его откуда-то с работы и запрещает мне выключать свет в гостиной, потому что оно, видите ли, плохо растет в темноте.

Эштон напряг скулы, чтобы ненароком не улыбнуться.

– Вы чувствуете, что ее внимание впервые принадлежит не только вам?

– Нет, – серьезно сказала Кайра. – Я по-прежнему в центре ее внимания. Но теперь я думаю: что, если тогда, после университета, она просто со мной... согласилась?

Эштон вспомнил страх на дне распахнутых глаз Мии и свою фразу, сказанную прямо в перепутанные волосы: «Всё будет хорошо».

– Даже если так, ваша жена – взрослый человек, и это ее выбор, – сказал он.

Кайра покачала головой.

– В любви не бывает никакого выбора, – сказала она. – Ты просто любишь – и всё.

Ее взгляд, как прожектор, скользнул по столу, по стоящей возле экрана голографической рамке, где Эштон с Мией лежали на песчаном мелководье, запутавшись в ее мокром платье, задыхаясь и хохоча. Это был их четвертый или пятый раз на озере – тот, после которого он увидел ее на кухне улыбающейся внутрь себя.

Даже родив, Мия не перестала так улыбаться. Эта улыбка была как жест, будто она осторожно нащупывала в себе то место, где был Ави, – хотя сам Ави преспокойно спал в детской, или бегал за белками в парке, или выдавливал зубную пасту в туфли, если Мия неосторожно оставляла их в прихожей, придя с прогулки.

– Вы не замените вашей жене ребенка, которого у нее нет, – сказал он и негромко откашлялся. – Даже если откажетесь от своей жизни.

Кайра крепко взяла себя за руку и подняла на него прозрачные глаза.

– Если меня не будет, она сможет завести ребенка с кем-то другим.

– Поэтому вы отказались от Лотереи? – спросил Эштон. – Чтобы... дать ей шанс?

– На Гарториксе люди живут вечно, – просто сказала она. – Я не хочу, чтобы моя жена была привязана ко мне навсегда.

– Но именно это вы и пообещали ей, когда женились.

– «Пока смерть не разлучит нас», – улыбнулась Кайра. – Я всегда читаю всё, что написано мелким шрифтом.

Эштон поднял брови.

– Но ведь для вас это так и будет, – сказал он. – Никакой обратной связи с теми, кто совершил Перенос, не существует. Скорее всего, они даже не знают, что происходит здесь, на Земле.

– Как же тогда они отправляют нам свои мыслеобразы?

– Судя по всему, это происходит автоматически, – Эштон пожал плечами. – Всё равно как если бы вы ей снились.

Кайра усмехнулась.

– Если я буду всё время ей сниться, она никогда не сможет спокойно жить дальше.

Эштон молча смотрел на ее руки, державшиеся друг за друга. У него за спиной, хохоча, задыхалась на мелководье голографическая Мия.

– Она и так не сможет, – тихо сказал он.

За три года Ави так и не приснился ему – ни разу. Наяву Эштон всё время видел его – в парке, возле дома, на заднем сиденье семейного аэротакси, проплывавшего мимо во встречной пробке. Но стоило закрыть глаза, как всё исчезало, и Эштон оказывался один на один с пустотой. Он почти перестал спать, чтобы не проваливаться туда, где не было Ави – а значит, не было вообще ничего.

Первое время по совету психолога они пытались представить, что Ави на Гарториксе. Эштон думал, что Ави понравилось бы быть фиолетовой ящерицей или обезьяной с ярко-зеленой шерстью. По утрам Ави ползал по кровати, рычал и скалил зубы, а они с Мией должны были угадывать, кто он сегодня. Мия упорно называла безобидных животных вроде поросенка или тушканчика, но Ави возмущенно тряс головой, утверждая, что он как минимум «тигл», а

то и ужасный «с'он». У слона были острые бивни, и Ави никак не мог поверить, что животное, обладающее таким грозным оружием, не использует его по назначению.

Даже лазерные трафареты, с помощью которых они отмечали его рост, назывались «Зоопарк». Сперва на стене гостиной появился хомяк; следующим был кот, за ним – собака. Слон был самым последним в наборе из двадцати трафаретов – и самым большим. Они с Мией втайне надеялись, что к тому моменту, как придется рисовать слона, Ави уже поступит в колледж и его будут интересовать совсем другие вещи. Но он умудрился отыскать набор в родительской спальне и выпросил себе слона на пятый день рождения. Настойчивости ему было не занимать.

Когда они вернулись из криохранилища, этот слон посмотрел на них со стены белыми пустыми глазами, и с Мией случилась истерика. Эштон всю ночь держал ее в объятиях, словно боясь, что она рассыплется, стоит только ее отпустить, а утром позвонил в Центр психологической поддержки и реабилитации.

Придя домой после первой сессии с психологом, Мия села на пол перед слоном и просидела так до утра, иногда прикасаясь к опущенным бивням. Эштон чувствовал, что она разговаривает с ним – а может, с тем местом внутри себя, где раньше был Ави, а теперь было неизвестно что, – и старался не шуметь, проходя по непривычно пустой квартире. Он думал, что Мие с Ави надо многое обсудить, и не хотел вмешиваться в их разговор.

Через пару недель, накануне очередной сессии с психологом, Эштон пришел домой и обнаружил Мию на полу без сознания. У нее была крайняя степень истощения: начав говорить со слоном на стене, она перестала пить и есть, пачкая посуду и регулярно выбрасывая продукты из холодильника, чтобы этого никто не заметил. Когда ее увезли в клинику, Эштон окончательно осознал, что Ави не на Гарториксе. Дети не получают номеров, даже если их родители готовы умереть за такую возможность. Ави больше вообще нигде не было.

– ...Откуда вы знаете?

Эштон поднял голову и обнаружил, что Кайра смотрит на него широко открытыми испуганными глазами. Левая рука билась у нее на коленях, как одинокая рыбина, выброшенная случайной волной на берег. Медленно, словно во сне, он потянулся вперед и осторожно взял в ладони холодное подрагивающее тельце.

– Не решайте за нее, – пробормотал Эштон, пытаясь удержать рыбину, не дать ей вывернуться и вытечь у него из пальцев. – Она вас за это возненавидит. Вы сами, вы – для себя – неужели вы хотите перестать быть?

Кайра молчала. Эштон скорее почувствовал, чем увидел, как она медленно покачала головой, глядя на свою руку в его ладонях.

– Тогда подавайтесь на Лотерею, – сказал он. – У вас хорошие шансы.

– Разве... разве вы можете мне что-то советовать? – прошептала Кайра, поднимая на него глаза, полные отчаяния и надежды.

– Нет, – Эштон разжал пальцы и осторожно выпустил спасенную рыбину в воду. – Но у нас же всего одна встреча.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Кайра взяла себя за руку и слегка улыбнулась внутрь себя.

– Я пойду, – тихо сказала она, поднимаясь. – А то ближе к вечеру там уже будет большая очередь...

После ее ухода Эштон впервые за долгое время расшторил окна и вышел на крошечный балкон, нависавший над изогнутой линией эстакады. Новые кабинеты коллег выходили окнами на залив или во внутренний дворик с синтетическими деревьями. Эштон давно хотел переехать, но никак не находил момента поговорить об этом с руководительницей – может, потому,

что этот индустриальный вид был такой же частью его наследства, как и металлическая табличка на двери. Наследства, за которое он должен был отвечать.

До следующего приема оставалось больше получаса. Эштон вдохнул полной грудью, чувствуя, как вместе с влажным запахом близкого океана легкие наполняются деловитым шумом рабочего дня. Ощущение только что спасенной жизни накрыло его; он вдруг понял, почему за тридцать лет практики отец так ни разу и не поинтересовался, на какую сторону выходит окно у него в кабинете. По сравнению с этим ощущением никакой вид не имел значения.

В кармане мягко завибрировал коммуникатор. Эштон сунул руку в карман и нащупал пальцем углубление – включать голографическую связь было лень. Бодрый женский голос произнес, перекрывая шум делового квартала:

– Господин Эштон Герингер? Северо-Западная клиника Колфилд. Вы указаны как лицо, принимающее решения относительно состояния здоровья вашей супруги, Мии Дювали. Сегодня утром ее госпитализировали с головокружением и общей спутанностью сознания. Мы направляем ее на обследование в Центр Сновидений по месту жительства. Вы даете согласие на проведение обследования?..

Голос женщины потонул в нарастающем гуле. Крошечный балкон заходил ходуном, и Эштон обеими руками ухватился за перила, чтобы не упасть. Далеко внизу по изогнутой линии эстакады с запада на восток скользила серебристая капсула пневмопоезда.

Глава 6. Дрейк

Предоплаченный месяц кончился всего пару дней назад, а в номере уже кто-то побывал. Обшарпанный чемодан, подпиравший столешницу, был слегка сдвинут, но рюкзак под кроватью – цел. Внутри, под скомканной грязной одеждой, лежал запасной лазерный пистолет и идентификатор на чужое имя – снять с него кредиты можно было только по отпечатку пальца хозяина, так что тем, кто обыскивал номер, содержимое рюкзака было совершенно без надобности.

Дрейк сунул пистолет в карман и окинул тесную комнату быстрым взглядом.

Действовали здесь аккуратно. Даже постель была застелена заново – но при этом так же небрежно, как раньше.

Ржавые винты, на которых держалась оконная решетка, были покрыты толстым слоем уличной пыли – те, кто приходил сюда, вошли через дверь, и у них явно был свой ключ. Дрейк опустился на колени и заглянул под кровать. К царапинам на полу добавились две свежие: гости тоже были в курсе, как работает вентиляция в номерах на втором этаже. Вернее – что не работает.

Отодвинув кровать, Дрейк просунул руку между пластиковой спинкой и стеной и нащупал решетку, державшуюся на одном шурупе. Внутри было пусто. Ну что ж, Томми Вальтеру давно пора перейти с серебряной трубки-ингалятора на сигареты. Тем более после возвращения из рехаба.

По легенде, которую Дрейк придумал, пока пневмопоезд нес его между стеклянными небоскребами делового района Альгамбы, Томми Вальтер был в отпуске. В том отделе, где он числился на Восточном побережье, никто не знал его в лицо – формально, по документам, он работал под глубоким прикрытием. Достаточно было отправить туда анонимное заключение о проведенном лечении из какой-нибудь частной клиники, специализирующейся на реабилитации грэй-зависимых, и его двухнедельное отсутствие ни у кого не вызовет вопросов. Если подумать, то же самое заключение можно было отправить и Ванхортону – тогда и на Западном побережье Дрейка какое-то время никто не будет искать.

Полицейские Департамента лечились анонимно. Это было одним из условий, прописанных в информированном согласии на работу: даже сам Департамент не должен был знать, кто из его сотрудников сидит на грее – и кто пытается с него слезть. Клиники присылали анонимные заключения в соответствующие отделы, а начальство следило только за тем, чтобы количество этих заключений соответствовало числу сотрудников, которые не выходят на связь. Это условие делало возможным работу под прикрытием на другом побережье – и оно же позволяло убирать чересчур любопытных полицейских так, чтобы их никто никогда не хватился.

Оставался еще вопрос денег. Как только в отделе получали заключение из клиники, полевые счета сотрудников, не вышедших на связь, временно замораживались. Дрейк надеялся решить эту проблему продажей четырех пакетиков грэя, что хранились у него в номере, но кто-то решил иначе.

Придвинув кровать обратно к стене, он вышел в коридор и направился к пожарной лестнице.

В грохоте эстакады тонули любые звуки. Не особо осторожничая, Дрейк быстро сбегал вниз по ржавым железным ступенькам и оказался на парковке. Возле старого раздолбанного гироскутера курили двое. Тощий парень с длинными белесыми волосами был ночным менеджером мотеля, дежуривший неделя через неделю. Рядом с ним стояла невысокая крепкая девушка со сложными цветными татуировками на гладко выбритой голове.

Дрейк подошел поближе. Парень – кажется, его звали Конни – сосал дешевую пластиковую сигарету, девушка держала в неожиданно тонких пальцах полупрозрачную серебряную трубку. Дрейк внутренне усмехнулся.

– Угостишь? – спросил он, кивнув на сигарету.

– С чего это? – Конни смерил его удивленным взглядом.

– Я твой клиент, – улыбнулся Дрейк и сделал многозначительную паузу.

Конни озадаченно нахмурился; девушка молча выдохнула аккуратную струйку пара.

– Комната двести пять «Б», – уточнил Дрейк. Длинное лицо Конни расплылось в наглой улыбке.

– Ты же съехал, – сказал он и крепко затянулся.

Дрейк покачал головой. Конни выдохнул струю мутного горького дыма прямо ему в лицо.

– Значит, съедешь, – он пожал плечами. – У тебя задолженность.

– Я ее погасил, – спокойно сказал Дрейк. – Заплатил за месяц или около того.

– Когда? – удивился Конни.

Дрейк улыбнулся.

– Это ты мне скажи, – произнес он, опуская руку в карман. – Когда вы ко мне заходили – дня три назад?

Конни растерянно захлопал белесыми ресницами. Девушка вдохнула из трубки, подержала пар во рту и медленно выдохнула его в затянутое смогом ночное небо.

– Угости его, Конни, – наконец сказала она. – Не видишь – он из Департамента.

Конни поперхнулся дымом, чуть не выронив изо рта сигарету. Поспешно похлопав себя по карманам, он достал мятую полупустую пачку и протянул ее Дрейку.

– Мы же не знали, почему ты вдруг исчез, – нервно произнес он. – Начальство разрешает нам брать с неплательщиков натурой.

Дрейк усмехнулся, не глядя на сигареты.

– Курите вы говно, – сказал он. – Это значит, что мой грэй вы загнали.

– И? – девушка подняла одну бровь и небрежно перехватила серебряную трубку – так, чтобы при желании ею можно было ударить, как ножом. Огнеупорный сплав пластика с серебром был достаточно прочным – именно поэтому полицейские под прикрытием так любили эти трубки. В соседнем отделе работал сотрудник, которому такой трубкой однажды выкололи глаз.

– Мне нужен ваш канал, – лениво произнес Дрейк, чувствуя холодок, ползущий по позвоночнику. – Я тоже хочу кое-что продать.

– Да пошел ты! – надтреснутый голос Конни потонул в гуле проезжающего над их головами пневмопоезда, и он плюнул Дрейку под ноги. – Даже моя бабушка не ведется на это полицейское разводилово. Хочешь нас оформить – вперед, на задержание у нас даже на двоих не наберется...

– Заткнись, Конни, – спокойно сказала девушка, и Конни тут же заткнулся.

С минуту девушка задумчиво смотрела на Дрейка, вертя в тонких пальцах серебряную трубку с заточенным концом.

– Канал приватный, – наконец сказала она. – Чужой товар там никого не интересует.

– Даже такой?

Очень медленно и аккуратно Дрейк вытащил руку из кармана и раскрыл ладонь.

Вещество в пухлом пакетике сверкало и переливалось сквозь мутный пластик. Дрейк приоткрыл пакетик и протянул девушке. В глазах отразилось спектральное свечение чистого серебра, и она в унисон с Конни сдавленно охнула.

– Если у тебя такой стафф, то и канал должен быть свой, – хрипло сказала она. – Зачем тебе мы?

– Мой канал – это и есть то, что я хочу продать, – глядя ей в глаза, ответил Дрейк.

План, который он придумал, пока Томми Вальтер возвращался на Восточное побережье, был замечательно прост. Если Департамент не хотел заниматься Роганом, полагая, что информация, которой тот обладает, важнее, чем пожизненный срок для не слишком важной фигуры континентального наркотрафика, нужно найти кого-то другого, кто мог бы Роганом заняться. Например, оптовые торговцы или даже транспортные картели. Вряд ли они обрадуются, когда узнают, что кто-то уже давно продает и покупает стафф прямо у них под носом.

Для начала слух о том, что кто-то барыжит сверхчистым грэем, надо было запустить на улицу. Дрейк думал воспользоваться отработанными контактами Томми Вальтера, но так было даже лучше. Отработанные контакты знали о его делах с Роганом и могли при случае всё тому рассказать, а эти ребята, судя по всему, о Рогане даже не слышали.

Трин – так звали бритоголовую девушку – держала с десятков курьеров, которых использовали кустарные лаборатории и торговцы. Тот грэй, что они с Конни забрали из номера Томми Вальтера, Трин продала как пробную поставку одной из лабораторий, положив прибыль в карман целиком, без лабораторной «комиссии». Но качество этого грэя оказалось непривычно высоким: обычно курьеры Трин развозили уличный грэй, смешанный с толченым стеклом или ртутью для блеска. Торговцы заволновались, подозревая, что кто-то выводит на рынок новый товар по заниженным ценам, чтобы монополизировать улицы Северо-Восточного округа. Дрейк и представить себе не мог более подходящего времени для осуществления своего плана.

Через несколько дней Трин назначила ему встречу в тату-салоне.

Крошечное помещение с отдельным входом находилось в фундаменте одного из индустриальных небоскребов на самой окраине мегалополиса. Внутри было темно; ультрафиолетовые лампы выхватывали мертвенно-бледные части тел, нарисованные на черных стенах и покрытые флуоресцентными узорами.

Клиенты должны были оставлять одежду и вещи у входа; взамен им выдавали тонкие одноразовые комбинезоны из фиберпластика. Дрейк шел босиком по темному коридору без окон, то и дело попадая под невидимые сквозняки искусственной вентиляции и чувствуя, как прохладный фиберпластик липнет к обнаженной коже.

Только он знает, откуда взялся сверхчистый грэй. Пусть даже Трин и ее коллеги решат выбить из него имена и явки – никто из канала, который он «продает», не станет разговаривать с чужаками. Если Трин и компания это понимали, Дрейк был здесь в полной безопасности.

Дойдя до конца коридора, он очутился перед дверью с шестью наложенными друг на друга треугольниками, нарисованными серебристой краской. Это был фирменный знак Трин – она набивала его на каждой своей татуировке вместо подписи.

За дверью обнаружилась тесная комната без единого окна; посередине стояло освещенное прожектором высокотехнологичное медицинское кресло; при желании его легко можно было превратить в пыточное. Рядом стояла Трин; больше в комнате никого не было.

– Ложись, – сказала она, и Дрейк улегся на спину, глядя на острые иглы аппарата, зависшие над лицом. Чуть выше на потолке светились шесть серебристых треугольников, создавая геометрически безупречный узор, который можно было разглядывать бесконечно.

Трин нажала кнопку на пульте, и поперек тела Дрейка натянулись ленты фиксаторов.

– Трин – наша лучшая художница, – произнес ленивый мужской голос где-то сзади. – Она так быстро орудует этими иглами, что клиенты даже пикнуть не успевают.

– Верю, – сказал Дрейк. – Трин вообще быстро соображает.

– Не умничай, Томми, – просипел другой голос. – Говори, зачем пришел.

– Кому говорить? – Дрейк демонстративно поднял брови – это было единственное, чем он мог пошевелить. – Откуда я знаю, что вы не торчки с пафосными голосами, которых Трин наняла, чтобы развести меня на информацию?

Голоса замолчали. Дрейк лежал, глядя, как отсветы шести треугольников играют на тонких остриях металлических игл. Наконец сзади послышался шорох, а потом тихий треск нагревательного элемента. Трин взяла у кого-то из рук сигарету с грэем и поднесла к губам Дрейка.

– Есть только один способ это проверить, правда? – мягко сказал бесполоый голос из темноты. – Всё рассказать.

– Или нет, – Дрейк попытался пожать плечами и затынулся. В сигарете был его грэй – тот, который он отсыпал Трин в качестве образца, чтобы она организовала встречу.

– Как ты думаешь, что произойдет в этом случае? – бесполоый голос отчетливо улыбнулся.

– Если вы торчки, то сейчас эти иглы выколют мне глаза, – спокойно сказал Дрейк. – А изуродованное тело через пару дней найдут под какой-нибудь эстакадой.

– А если нет?

– Тогда вы прекрасно знаете, что без меня вам всё равно ничего не получить. И мы просто теряем время.

Обладатель бесполого голоса бархатисто рассмеялся. Сзади послышались мягкие шаги, и над Дрейком, отодвинув Трин в сторону, наклонился грузный мужик с неожиданно тонкими извилистыми губами.

– Ты чего добиваешься? – угрожающе просипел он.

– Встречи с картелем, – краем глаза Дрейк видел, как Трин докуривает его сигарету и пальцы у нее слегка дрожат. – Вы устраиваете мне встречу, а я сдаю вам точку, где будет ближайшая поставка.

– Зачем тебе это?

– За деньги, – Дрейк опять попытался пожать плечами. – Я посредник, который устал быть посредником – и решил заработать самостоятельно.

– А если ты коп? – произнес из-за спины ленивый мужской голос.

Дрейк улыбнулся.

– Есть только один способ узнать, правда? – сказал он. – Ничего не делать. И смотреть, как вас вместе с вашим картелем технично имеют в жопу и выбрасывают на свалку, потому что ваш говенный товар никому не нужен даже задаром.

В комнате снова воцарилась тишина.

– То, что ты предлагаешь, – это война, – наконец произнес бесполоый голос. – Чтобы начать войну, мне нужно нечто большее, чем болтовня посредника и доза хорошего грэя.

– Как насчет грэя, которого никто из вас даже не нюхал? – буркнул Дрейк. – Или вы с кем угодно готовы встретиться, чтобы покурить на халяву?

Трин метнула настороженный взгляд в темноту, и Дрейк понял, что перебрал. После первой затяжки знакомый азарт ударил ему в голову, но почему-то не принес ни радости, ни успокоения. Страх больше не было – зато Дрейк отчетливо ощущал боль, которую раньше заслонял страх. Боль выливалась из него с каждым выдохом, но не становилась меньше – наоборот, чем глубже он дышал, тем яснее и беспощадней она нарастала.

– Что тебе нужно? – спросил Дрейк у темноты.

«Что тебе нужно, чтобы всё это наконец прекратилось».

– Доказательства, – бархатный бесполоый голос прозвучал так близко, что Дрейку показалось, будто он слышит его у себя в голове. – Если кто-то и правда решил подмять под себя рынок целого округа, найти этому подтверждение будет нетрудно.

«Никакие слова ничего не значат, – говорил Ванхортон, принимая в отдел молодого выпускника Академии со всеми высшими баллами в аттестате. – Доказать можно только то, что сделано. И то не всегда». Пятнадцать лет в Департаменте Дрейк только этим и занимался: доказывал то, что сделано.

– Как вас найти? – спросил он вслух, понимая, что разговор на этом закончен.

– Мы сами тебя найдем, – прошелестела темнота за спиной.

В комнате ничего не изменилось, но Дрейк почувствовал, что они с Трин остались наедине. Нащупав его руку, она вложила в нее что-то тонкое и гибкое, с острыми краями.

– Не приходи сюда больше, – прошептала она, наклоняясь над изголовьем кресла. – Надо поговорить – просто отдай это Конни, – и растворилась в темноте.

Ленты фиксаторов ослабли и с мягким шелестом втянулись в бортики кресла. Дрейк осторожно пошевелил затекшими ногами и поднес к свету предмет, который сунула ему в руку Трин. На квадратном куске черного пластика переливался геометрически безупречный узор из шести наложенных друг на друга треугольников.

Встретиться с Роганом не составило большого труда. Придя в клуб, Дрейк нашел за баром Йенну и заказал себе «как обычно». Она улыбнулась – добродушно и по привычке немного мимо него – и бросила пару кубиков льда в высокий стакан.

– Пусть он найдет меня, дело есть, – шепнул Дрейк, пока она заливала лед водкой, и вышел из клуба. Денег, чтобы заплатить за выпивку, у него всё равно сейчас не было.

Сразу за углом его скрутили. Получив несколько ударов по почкам, Дрейк оказался на заднем сиденье блестящего аэромобиля, зависшего на уровне десятого этажа: дронокамеры окрестных офисов обычно не опускались ниже пятнадцатого. По бокам от него сидели двое здоровых парней; справа под рёбра упиралось что-то холодное и жесткое.

На диване напротив в окружении неизменных мотыльков сидел Роган. Судя по стальному блеску прищуренного глаза, он был в бешенстве.

– Если решил умереть, Томми, – сказал Роган, когда Дрейк слегка отдышался, – спрыгнуть с эстакады – гораздо более приятный и легкий способ.

– Ты всё равно меня не убьешь, – буркнул Дрейк – и сразу же получил локтем в солнечное сплетение от парня слева.

Несколько минут ушло на то, чтобы заново научиться дышать.

– Не убьешь, – с трудом повторил Дрейк и быстро добавил: – Тебе же нужен мой номер. Роган дернул мизинцем, и парень слева застыл с поднятым локтем.

– С чего ты решил, что я его не получил?

Дрейк хрипло выдохнул пару раз, проверяя, целы ли рёбра. Полупрозрачные лепестки на коротких платьях мотыльков затрепетали от его дыхания.

– Ну я же всё еще жив, – наконец сказал он и поднял голову.

В салоне повисла тишина. Все смотрели на Рогана – даже мотыльки. Дрейк подумал, что они уже не были так похожи, как раньше. Одинаковыми у них были только платья – несколько слоев бесцветной полупрозрачной ткани, сквозь которую просвечивали аккуратные темные соски.

Хохот Рогана раздался так неожиданно, что парень справа дернулся вместе со стволом, упирившимся Дрейку под рёбра, и Дрейк порадовался, что у бойца хватило ума не снимать оружие с предохранителя. Он был прав насчет номера: Томми Вальтер был нужен Рогану живым.

– Что же ты будешь делать, Томми? – отсмеявшись, спросил Роган. – Станцуешь мне?

– Спою, – серьезно сказал Дрейк. – Кто-то на улице знает про твой новый канал.

– И? – прищуренный глаз с интересом уставился на Дрейка.

– Картелям это не нравится. Они считают, что ты ни с кем не делишься новым стаффом, потому что хочешь захватить рынок.

Роган поднял брови, но от этого его прищуренный глаз только еще больше сузился.

– Интересно, – протянул он. – И кто же навел их на эту мысль?

– Тот, кто под тебя копает, – Дрейк слегка пожал плечами. – Больше мне ничего не известно.

– Откуда я знаю, что это не ты?

Дрейк заставил себя посмотреть ему в глаза.

– Если бы это был я, разве я стал бы тебя предупреждать?

– Конечно, – Роган усмехнулся. – Если бы тебе было от меня что-то нужно.

– Да? – спросил Дрейк, чувствуя, как по спине ползет холодок. – И что бы я мог получить за такую информацию?

Ствол, упертый ему под рёбра, передвинулся повыше.

– Не зарывайся, Томми, – спокойно сказал Роган. – Люди получают номера и на искусственной вентиляции легких.

– Мне ничего не нужно, – сказал Дрейк. – Только твоя благодарность.

Роган внимательно посмотрел на него и вздохнул.

– Это всё слова, Томми, – лениво протянул он. – Слова не стоят благодарности.

Никакие слова ничего не значат, подумал Дрейк. Вы сами меня этому научили. Сами дали мне уравнение, на решение которого я потратил пятнадцать лет и множество жизней, включая свою собственную. Но теперь я знаю ответ – он заключается в самой постановке вопроса. Если доказать можно только то, что сделано, – значит, можно сделать и доказать.

– Во внутреннем кармане слева, – произнес он вслух, глядя на Рогана.

Тот кивнул. Парень слева распахнул на Дрейке куртку и, покопавшись под сердцем, вытащил квадратный кусок черного пластика. Роган повертел его в пальцах; на обратной стороне сверкнули шесть серебристых треугольников, наложенных друг на друга.

– Это что? – спросил он, рассматривая геометрически безупречный узор.

– Доказательства, – неожиданно севшим голосом сказал Дрейк.

Он едва успел сгруппироваться, когда парень слева взял его за шиворот и открыл дверь. От удара о землю из легких вышибло весь воздух. Некоторое время Дрейк лежал на влажном после дождя искусственном покрытии, разевая рот, как рыба, которую вынули из аквариума и швырнули на разделочный стол. Потом над головой послышался гул, и его обдало горячим ветром – аэромобиль опустился неподалеку. Гладкая черная дверь бесшумно поднялась, и показались длинные тонкие ноги в полупрозрачных шпильках. Придерживая руками рвущееся во все стороны платье, мотылек направилась к Дрейку, утопая каблуками в искусственном покрытии.

– Это благодарность, – прошелестела она, блеснув стразами на пушистых ресницах.

Дрейк взял у нее из рук туго набитый пластиковый пакетик. На это количество сверхчистого грэя можно было прожить пару месяцев – если, конечно, он сможет надежно залечь на дно, пока всё не уляжется.

– Уходи от него, – пробормотал он, пряча пакетик в карман. – При первой возможности. Мотылек медленно покачала головой.

– Он всё равно не сможет тебя защитить, даже если захочет, – сказал Дрейк, с удивлением услышав собственную просительную интонацию. – Уходи.

В свете прожектора трепещущее под ветром платье было сияющим облаком, не скрывавшим ни единой косточки в хрупком, почти детском тельце.

– Не могу, – сказала она, беспомощно пожав плечами. – Он меня любит.

Мотылек повернулась и пошла к аэромобилю. Дрейк смотрел, как она вязнет на каждом шагу, до тех пор, пока от света прожекторов у него не заслезились глаза. Только тогда он осторожно вздохнул и отвернулся, чувствуя боль под ребрами.

Глава 7. Эштон

– Результаты обследования всё еще обрабатываются, – ассистентка сочувственно улыбнулась, показав ровные белые зубы. – Вас пригласят, как только аналитический отдел пришлет свое заключение. Может быть, кофе?

Рыжая макушка Мии шевельнулась у него на плече, и Эштон едва заметно покачал головой, чтобы ее не потревожить. Ассистентка вернулась за стойку и скрылась за большим плоским экраном. Она подходила к ним с одной и той же сочувственной белозубой улыбкой каждые десять минут: по регламенту Центра Сновидений персонал не должен оставлять без присмотра клиентов, которые ждут результатов первичного обследования.

Когда Эштон добрался до Центра Сновидений, Мия уже ждала его в приемной.

Она была совершенно прозрачной – настолько, что цвет ее кожи сливался со стеной, и вся она казалась просто россыпью медных веснушек и несколькими мазками рыжей с зеленым краски, небрежно положенной прямо поверх штукатурки.

Глаза у нее были закрыты: ассистентка сказала, что при сильном головокружении так легче справиться с тошнотой. Вместо обычной офисной одежды на ней была легкая пижама того же нейтрального цвета, что и стены в приемной. Одежду делали специально для Центра Сновидений из особого материала, поглощавшего весь спектр аппаратного излучения в момент Переноса.

Он подошел и сел рядом. Мия, не открывая глаз, нащупала его плечо щекой и замерла, положив руки ему на колени. Даже сквозь одежду Эштон чувствовал жар ее щеки и ладоней – но не остального тела, как будто дурацкая пижама поглощала не только аппаратное излучение, но и саму Мию, ее тепло и дыхание.

– Качает, как на крыше, – со вздохом пробормотала она, и Эштон невольно улыбнулся.

Они приехали на озеро, как только Ави исполнился год и он перестал плакать в аэрокреслах. В прогнозе был сильный ветер и дождь, но это был единственный день перед длинными выходными, когда у Эштона почти не было пациентов. На выходные они должны были поехать к его родителям, и Мия сказала, что перед этим им надо надышаться свободой и радостью. Она так и сказала – «надышаться свободой и радостью», как будто они собирались провести длинные выходные в тюрьме, и Эштон впервые по-настоящему разозлился на нее – тем сильнее, что в глубине души был с нею совершенно согласен.

Выбравшись из модного района жилых небоскребов, старенькое аэротакси нырнуло в низкие облака и поползло на северо-западную окраину мегалополиса, иногда обливаясь мелким занудным дождем. Мия держалась за аэрокресло, в котором посапывал Ави, и упорно молчала, глядя на серую хмарь за окном. Эштон, насупившись, листал бессмысленные окошки в коммуникаторе и с каждой минутой всё сильнее жалел, что вообще согласился ехать.

Когда они добрались наконец до озера, дождя уже не было. Среди рваных облаков то и дело вспыхивало солнце, освещая смятую ветром поверхность воды, похожую на жатый шелк. Зависшее высоко над водой аэротакси ощутимо раскачивалось при каждом порыве ветра. Даже из окна смотреть на всё это было холодно, но ни один из них уже не был готов отступить. Мия скинула обувь, открыла люк и, цепляясь платьем за края круглого отверстия, полезла на крышу. Эштон медленно расшнуровал ботинки и аккуратно поставил на пол, слушая, как по крыше аэромобиля стучат голые Миины пятки, и почти надеясь, что ей надоест его ждать и она спрыгнет в воду сама.

Он все-таки вылез наверх. Мия сидела на краю крыши, обняв колени и уткнувшись в них подбородком. Ветер надувал ей платье, хлопая им, как парусом; испугавшись, что ее

сейчас сдует в воду, Эштон быстро шагнул к ней, ловя непослушную ткань руками. Тогда Мия обернулась к нему – впервые с тех пор, как они вышли из дома, – и сказала:

– Как-то страшно.

Ветер бросил ей в глаза горсть ее же рыжих кудрей, и она зажмурилась, наморщив нос в беззащитной детской улыбке. Эштон опустил рядом и обнял ее, крепко прижав к себе вместе с хлопающим на ветру платьем. Она потерлась щекой о его плечо, отплевываясь от прилипших волос.

– Мы же не обязаны прыгать, – сказал Эштон. – Можем просто посидеть здесь, а потом уехать.

Он почувствовал, как Мия покачала головой у него на плече.

– Ты не понимаешь, – сказала она. – Мы должны.

– Кому? – с профессиональным занудством спросил Эштон.

– Дурак, – сказала Мия, пихнув его локтем в бок. – Себе, кому же еще.

Порыв ветра накренил аэротакси, и они крепче прижались друг к другу. Вся поверхность озера под ними была покрыта мелкими острыми волнами, как мутноватым битым стеклом.

– Раньше я ничего не боялась, – тихо сказала Мия. – А теперь...

Она слегка повернула голову, и Эштон сразу понял – верней, почувствовал, – что она смотрит сквозь крышу аэромобиля вниз, в салон, туда, где в своем эргономичном кресле по-прежнему спал Ави.

Он нащупал под платьем тонкую щиколотку и тихонько сжал. Мия вздохнула.

– Неужели теперь всё изменится?

Она выпрямилась и посмотрела на Эштона. В ее перепутанных ресницах блеснуло солнце, а глаза были точно такого же цвета, как беспокойное озеро под ними. Прижав ее к себе, Эштон почувствовал, как это озеро бьется ему прямо в солнечное сплетение.

– Всё будет хорошо, – сказал он, и Мия улыбнулась ему в рубашку. – Просто держись за меня, и всё.

– Ты меня непустишь? – спросила она, подняв на него глаза, в которых было видно и ее, и аэротакси, и озеро до самого дна.

– Никогда в жизни, – ответил он.

И они прыгнули.

– Заключение готово, – ассистентка улыбнулась ровными белыми зубами и показала на дверь у себя за спиной. – Вы можете пройти в кабинет.

...Потом они еще много раз приезжали на озеро – вдвоем или вместе с Ави. Он рано научился плавать и всё время просился прыгнуть вместе с ними, изматывая их обоих гундежом, который начинался на выходе из дома и не прекращался, пока они вытрясали песок из мокрых волос и загружались в аэротакси, чтобы ехать обратно. В конце концов Эштону пришлось пообещать, что, когда Ави исполнится пять, они прыгнут с ним вместе.

– Только не с такой высоты, – строго сказала Мия. – Иначе можно сильно удариться о воду. Аэротакси опустится пониже, и вы спрыгнете вместе с папой, хорошо?

Весь следующий год Ави ходил за ней, выясняя, что значит «пониже». В какой-то момент, потеряв терпение, Мия рявкнула, что это вдвое меньше, чем десять метров, а если она еще хоть раз услышит что-нибудь в этом духе, то они вообще никуда не поедут, пока Ави не исполнится восемнадцать и он не получит право ездить в аэротакси без родителей.

После этого вопросы прекратились. Мия всегда умела сказать последнее слово в спорах с сыном – в отличие от Эштона, который на всё соглашался, доводя ее этим до исступления. Мия считала, что Ави капризный и избалованный, но Эштон понимал, что он просто никогда не забывал ни одного обещания – ни своего, ни чужого. Поэтому, когда ему исполнилось пять и

они снова приехали на озеро, Ави тщательно проследил, чтобы альтиметр в аэротакси показал точно пять метров, вылез на крышу и встал рядом с Эштоном, крепко держа его за руку.

– Вашу супругу можно поздравить, – бодро произнес розовощекий толстяк в нейтральном комбинезоне. – Она получила номер.

Эштон уставился на него, не очень понимая смысла слов. Ему даже показалось, что толстяк перешел с паназиатского на язык незнакомой национальной микрокультуры, но умный интерфейс кабинета молчал, не выдавая перевода.

Толстяк погладил себя по блестящей лысине и продолжил:

– Хорошо, что вы пришли сразу, по первым симптомам. Иногда к нам приходят, когда до Переноса остается дней пять-шесть и никаких особых альтернатив уже нет. А у вас еще четырнадцать дней, – он бросил быстрый взгляд на электронные часы-календарь над дверью кабинета. – Вернее, тринадцать с половиной.

Толстяк обращался исключительно к Эштону. С тех пор как Эштон подписал документы, необходимые для принудительного лечения в клинике реабилитации суицидальных состояний, Мия как будто стала его биологическим продолжением, лишенным права самостоятельного голоса. Эштон много раз хотел заказать аннулирующий документ, но для этого надо было снова приехать в клинику на обследование, а Мия – это он знал совершенно точно – не хотела и не могла туда возвращаться.

Теперь она сидела рядом, не издавая ни звука. Эштон повернулся к ней, ожидая провалиться в бездну ужаса между перепутанными ресницами, но глаза у нее по-прежнему были закрыты.

– Сейчас вашей супруге сделают укол стабилизатора, – сказал толстяк, прикасаясь пальцами к экрану, – и мы сможем обсудить все варианты. Но прежде всего я хочу, чтобы вы понимали: получение номера – это не приговор. Наоборот, это уникальный шанс получить ментальное и даже биологическое бессмертие.

Одна из боковых стен бесшумно разъехалась, пропустив невысокую девушку в нейтральном комбинезоне с герметичным пластиковым кейсом в руках. Подойдя к Мие, она ловким движением вскрыла кейс, вытащила медицинский пистолет и заправила в него одну из четырнадцати ампул с серебристым раствором, похожим на лак для ногтей.

– Это стабилизатор сознания, – сказала она, придерживая левой рукой затылок Мии, но обращаясь при этом к Эштону. – Он помогает снять симптоматику при получении номера. Укол действует в течение суток.

Девушка наклонила голову Мии, приподняла ей волосы и уперла медицинский пистолет в ложбинку у основания черепа.

– Колоть надо вот сюда, лучше в одно и то же время.

Она нажала на кнопку, вынула из пистолета пустую ампулу и аккуратно упаковала вместе с пистолетом обратно в кейс.

– Эффект будет почти сразу, – сказала девушка, отдавая кейс Эштону. – Никаких противопоказаний нет. Ваша жена сможет жить полноценной жизнью до самого Переноса.

– А ребенок? – вдруг спросил Эштон. – Мы ждем ребенка.

Толстяк и девушка быстро переглянулись. Толстяк доверительно наклонился к Эштону.

– Перенос, как вы понимаете, осуществляется индивидуально. Если ваша супруга использует номер, ее беременность придется прервать.

Эштон взглянул на Мию, словно боясь, что она тоже это услышит. Мия сидела с закрытыми глазами и мягко улыбалась внутрь себя.

– Это исключено, – Эштон повернулся к толстяку, чтобы не видеть эту ее улыбку. – Ребенка надо сохранить в любом случае.

– На таком небольшом сроке перенос в искусственную матку не осуществляется, – толстяк развел руками. – Слишком низкий процент выживаемости плода. Но вы можете рассмотреть и другие возможности.

– Какие? – жадно спросил Эштон.

– Вы можете передать полученный номер кому-то другому, – толстяк задумчиво пожевал губами. – Конечно, это будет означать, что ваша супруга навсегда лишится возможности попасть на Гарторикс: как вы знаете, номер можно получить только один раз в течение жизни...

– Что для этого нужно? – перебил его Эштон.

Толстяк кашлянул и впервые взглянул не на него, а на Мию, которая по-прежнему ни на что не обращала внимания.

– Ваша жена будет вынуждена отказаться от вечной жизни, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы это понимали.

Эштон посмотрел на Мию. Ее ресницы слегка подрагивали, словно там, под опущенными веками, было что-то, что она очень хотела рассмотреть. Что-то гораздо более важное, чем то, что они с толстяком обсуждали снаружи. Эштон взял ее за руку и почувствовал, что она опять пластилиновая. Он грубо смял ее пальцы в горсти, но Мия так и не открыла глаз и даже не шевельнулась.

– Если я... если мы все-таки решим, – сбивчиво пробормотал он, всё еще глядя на нее. – Что тогда надо будет...

– Только поймите правильно, – перебил его толстяк. – Далеко не каждый клиент, получив номер, понимает, что готов к Переносу. Все-таки это непростое решение, – он вздохнул. – Обычно в этих случаях мы советуем поискать человека для передачи номера в близком кругу. Престарелые родственники часто соглашаются стать вторичными получателями. Или, может, у вас есть близкие друзья с инвалидностью...

Эштон покачал головой. После того, что случилось на озере, людьми с инвалидностью в их близком кругу были именно они с Мией. Толстяк снова посмотрел на часы-календарь над входом в кабинет и неожиданно улыбнулся.

– До вашего Переноса тринадцать с половиной дней, – сказал он. – Это значит, что есть еще одна опция, которая доступна далеко не всем. Номер вашей супруги можно передать в Лотерею.

Пластилиновые пальцы Мии дернулись в его руке, и Эштон повернулся к ней. Мия открыла глаза и смотрела на толстяка – так, что тот кашлянул и уткнулся в экран.

– К сожалению, это решение надо принимать быстро, – сказал он, смахнув несколько окон. – «Калипсо Корп» регистрирует номера не позднее тридцати шести часов с момента их получения. Только так они могут гарантировать, что номер будет использован. Ну, и победитель должен выиграть номер как минимум за пять дней до Переноса, иначе это незаконно... Я вижу, ваша супруга работает в корпорации, так что вы и сами это прекрасно знаете.

– А если этот номер... никому не достанется?

Они с толстяком посмотрели друг на друга, старательно избегая встречаться глазами с Мией.

– Теоретически в таком случае номер возвращается к его первичному получателю. Но за всю историю Лотереи такого еще ни разу не было, – улыбнулся толстяк. – Жесткие временные рамки как раз и установлены, чтобы этого избежать.

– Когда мы должны принять решение? – спросил Эштон.

Пальцы Мии выскользнули из-под его ладони. Толстяк посмотрел на часы-календарь, беззвучно шевеля губами.

– Не позднее завтрашнего вечера, – сказал он наконец. – Но я бы на вашем месте постарался определиться прямо сейчас, пока ваша супруга здесь. Для безадресной передачи номера необходимо присутствие первичного получателя.

– Формально любое решение всё равно принимаю я, – пробормотал Эштон, ненавидя себя за это.

– Любое медицинское решение, – вежливо уточнил толстяк. – Решение выйти из дома или сесть в аэротакси таковым не является.

Эштон повернулся к Мие. Впервые с того момента, как им сказали предполагаемый пол их будущего ребенка, она смотрела на него совсем как раньше – глазами, распахнутыми до самого дна. Между ее перепутанными ресницами не было ничего, кроме любви и нежности – как в их самое первое утро, когда они проснулись лицом к лицу, одновременно открыли глаза и поняли, что подумали одно и то же.

«Ты ведь не поступишь так со мной, с нами. Ты ведь не позволишь этому произойти».

– Я устала, – тихо сказала Мия, обняв живот. – Давай поговорим об этом дома.

В аэротакси она скинула туфли и свернулась калачиком на сиденье, положив голову ему на колени. Эштон намотал на палец одну из ярко-зеленых прядей, упавших ей на глаза, наклонился и осторожно поцеловал в висок. Мия улыбнулась – теперь уже не внутрь себя, а ему, им обоим, – и погладила его по колену.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, чтобы не заговорить о Лотерее прямо здесь, в аэротакси, пока они еще не доехали до дома.

– Как будто ничего не случилось, – сказала Мия, повернулась и потянулась к нему губами. – Поцелуй меня.

Они едва успели отдышаться и застегнуться, когда аэротакси опустилось на парковку. Мия в последний момент разыскала под передним сиденьем свои туфли и выскочила босиком, победно подняв их над головой. В пневмолифте, умирая от смеха, они попытались поправить друг на друге пиджаки и рубашки, застегнутые не на те пуговицы, но быстро сдались и принялись целоваться, раздевая друг друга заново. Мия долго не могла найти в карманах карту-ключ; тогда Эштон развернул ее спиной к себе и прижал всем телом к двери, задирая узкую перекрученную юбку. Электронный замок тихо щелкнул, идентифицировав ключ где-то в складках мятой одежды, и они ввалились в квартиру, тяжело дыша и хватая друг друга губами.

...Они очнулись, когда небоскребы за панорамным окном в гостиной уже светились ночными огнями. Лежа на пледе, брошенном прямо на пол, Эштон обнимал Мию всем своим телом – так, словно она была его частью. В ее глазах светились неоновые блики соседнего небоскреба, как звёзды, подернутые ползущим по воде туманом.

– Так красиво, – прошептала она, глядя в сияющую ночь за окном. – Никогда не думала, что может быть так красиво.

– Угу, – пробормотал Эштон, зарываясь лицом в спутанные рыжие волосы, пахнущие ее потом и его желанием. Мия вздохнула всем телом – и он скорее догадался, чем услышал, что она сказала.

– Хочется это помнить... всегда.

Волосы у нее на затылке вдруг стали мокрыми, и Эштон с удивлением понял, что у него текут слёзы.

Проснулся он от того, что на кухне взревела кофе-машина. Мия, пританцовывая и что-то напевая себе под нос, накладывала на тарелку дымящиеся вафли. На ней был офисный костюм, ярко-зеленые пряди зазорно торчали из небрежного узла на затылке. Увидев Эштона, она улыбнулась и, поставив вафли на стол, налила ему в кружку горячий кофе.

– Ешь скорей, остынет, – сказала она.

– А ты?

– Пневмопоезд через пятнадцать минут, – Мия помотала головой, быстро споласкивая кофейник. – Я и так уже всё проспала.

Она метнулась в прихожую, порылась там и вернулась на кухню, держа в руках пластиковый кейс. Заправив в пистолет серебристую ампулу, она положила его на стол и встала к Эштону спиной, слегка приподняв непослушные волосы.

– Когда ты вернешься? – спросил он, глядя на блестящую рукоять пистолета, лежащего у края тарелки с подрумяненными вафлями.

Мия обернулась. Эштон смотрел на нее, не делая ни малейшей попытки взять пистолет в руки. Глаза у нее стали жесткими и холодными, как стена в больничной палате.

– Не знаю, – спокойно сказала она. – У меня сегодня много работы.

– Мы должны всё обсудить, – сказал он. – Решение надо принять до вечера.

– Мы уже всё обсудили, – сказала Мия и протянула руку за пистолетом.

Они схватились за него почти одновременно. Эштон накрыл ее ладонь своей; Мия дернула пистолет к себе, но он прижал ее руку к столу, и пистолет не сдвинулся ни на йоту.

– Ты серьезно? – спросила она с таким презрением в голосе, что Эштона передернуло и он медленно разжал пальцы.

Мия нащупала дулом ямку у себя на затылке, нажала на спуск и бросила пистолет с пустой ампулой на стол. Эштон попытался взять ее за руку, но она увернулась и, не глядя на него, вышла из кухни. Несколько мгновений спустя хлопнула входная дверь.

Эштон остался дома. Близким родственникам тех, кто получил номер, по уведомлению из Центра Сновидений давали несколько дополнительных выходных. В обед он попытался связаться с Мией, но бесполой цифровой голос предложил записать сообщение на автоответчик: в офисе Мия почти никогда не отвечала на личные звонки.

Смятый плед всё еще лежал на полу в гостиной. Эштон наклонился, чтобы свернуть и убрать его, но передумал и лег сверху, зарывшись лицом в мягкий ворс, чуть заметно пахнувший их телами. Он чувствовал, как минуты превращаются в часы, а часы медленно сменяют друг друга. Это была привычка, выработанная годами терапевтических сессий, – считать время по внутреннему ощущению. Когда он наконец поднялся на ноги, было без десяти восемь.

Аэромобили, выпущенные в начале века, оснащались динамическим противотоком, который усиливался при приближении к поверхности земли. Это не давало им подниматься до верхних уровней, но придавало стабильности при длительном зависании в воздухе. Именно поэтому, отправляясь на озеро, они всегда выбирали аэротакси старых годов выпуска: вылезти на крышу более новых вертких моделей было не так-то просто.

Родители Эштона подали иск компании-владельцу аэротакси и даже отсудили какую-то компенсацию. После этого в правила пользования, которые никто никогда не читает, был добавлен пункт о том, что пассажирам запрещается прыгать в воду, если транспортное средство находится ниже десяти метров над поверхностью: из-за сильного противотока прямо под днищем аэромобиля в воде образовывалась воронка с так называемой донной тягой. С крыши ее не было видно, поэтому Мия ни о чем не догадывалась и спокойно натирала ноги кремом от загара с ароматом тропической сливы.

Позже, уже в клинике, она призналась, что с тех пор любая еда пахла для нее тропической сливой. Именно поэтому она и перестала есть. Приехав домой, Эштон тщательно обнюхал и на всякий случай выкинул всю косметику, включая злополучный крем от загара – который, как выяснилось, не пах вообще ничем.

...В кармане тихо тренькнул коммуникатор, но это было всего лишь сообщение от Северо-Западной клиники Колфилд. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас проверять счета за обследование Мии, но он всё равно ткнул «Открыть», чтобы не оставаться на дне воронки, которая с каждым часом ожидания затягивала его всё глубже.

Это был не счет. Эштон несколько раз перечитал текст на экране, прежде чем до него дошел смысл сообщения.

«В связи с получением номера и планированием Переноса г-жа Мия Дювали, идентификатор 827-1198-784, записана на процедуру прерывания беременности в Северо-Западной клинике Колфилд. Время приема: 19:30, 19.09.25».

Вместо кнопки «Подтвердить/Отменить» внизу стояла приписка: «Запись подтверждена автоматически по уведомлению из Центра Сновидений Северо-Западного округа».

Получение номера и Перенос – единственная ситуация, когда аборт был не выбором, а необходимостью.

Комната Ави была пуста. После того как Мия легла в клинику, Эштон вынес оттуда всю мебель и перекрасил стены, так что теперь это была просто коробка молочного цвета с окном, затянутым пластиковой пленкой. За три года дверь в эту комнату не открыли ни разу, но в углах всё равно лежала пушистая пыль, похожая на сизые облака из детского мультлика.

Эштон вспомнил, как они с Ави считали облака, лежа на горячей от солнца крыше, пока Мия плескалась внизу. Она должна была вылезти из воды, когда они досчитают до десяти, но десятое облако долго не появлялось, и Ави попытался назначить десятым облаком девятое, утверждая, что за это время оно отрастило себе «малыша», который считается. Свесившись с крыши, Эштон увидел, что Мия покачивается на воде, раскинув руки и блаженно закрыв глаза. Она явно не хотела выходить, поэтому он повернулся к сыну и строго сказал ему, что девятое облако даже с малышом всё равно девятое.

«Девятое с половиной», – буркнул Ави и надулся, а Эштон с наслаждением откинулся назад, слушая плеск волн, в котором угадывались ленивые движения Мии.

...Их затянуло в воронку, как только они с Ави оказались в воде. Эштон даже не успел понять, что произошло, он только почувствовал, как что-то мощное и огромное душит его и выкручивает руки, пытаясь отнять у него ребенка. Лицо сына промелькнуло перед ним и исчезло в мутном водяном вихре; Эштон ударился обо что-то и отчаянно замолотил ногами, не понимая, куда плыть. Всё его тело отчаянно хотело туда, где был воздух и Мия; он не помнил, в какой момент разжал пальцы. Мутная пленка перед глазами лопнула, острый холодный воздух обжег легкие, и он закричал.

Ты меня не отпустишь? Никогда в жизни.

...Окно детской выходило на тихую сторону. Тишина заполняла комнату, как неподвижная вода, поднявшаяся до самого потолка. Эштон почувствовал, что задыхается, и подошел к окну. Сквозь мутную пластиковую пленку что-то неясно светилось. Разорвав ее руками, Эштон увидел прямо перед собой парковочный прожектор, установленный на крыше соседнего здания.

Я хотел вернуться к тебе, подумал он. Я не смог вытащить его, но я знал, что должен вернуться к тебе. Никто никогда не спрашивал, чего мне это стоило, даже ты. Я всегда любил только тебя – и вот ты есть, ты жива и даже почти что счастлива, но – а я-то? А как же я?

Глава 8. Дрейк

Остаться в мотеле было уже нельзя, но он всё равно вернулся. Рёбра еще болели, так что двигаться приходилось медленно и осторожно. Если Роган проглотил наживку, – а в этом Дрейк не сомневался, – на ближайшие пару недель надо исчезнуть с лица земли.

Поднявшись по ржавой пожарной лестнице, Дрейк взялся за решетку на окне и с усилием потянул на себя. Справа под ребрами стрельнуло: решетка выскочила из пазов вместе с рамой и оказалась неожиданно тяжелой. Чертыхнувшись, Дрейк опустил ее на пол и прислонился спиной к стене, восстанавливая дыхание сквозь тупую боль в правом боку. При активации карты-ключа электронный замок на двери отправлял автоматическое сообщение в логи мотеля. Не то чтобы Дрейк верил, что логи кто-нибудь проверяет, но ребята Рогана были довольно-таки дотошными, и он не хотел облегчать им работу.

Внутреннее чувство времени – один из базовых навыков, которые будущие сотрудники Департамента получали еще в Академии. На Восточном побережье Дрейк чувствовал время гораздо лучше – может, потому, что здесь, в отличие от тихого сытого Запада, каждая минута имела значение. Сейчас без пятнадцати два; если всё идет по плану, то Роган минут сорок как побывал в тату-салоне и наверняка нашел Трин. Была ли она достаточно упрямой, чтобы продержаться хотя бы полчаса?

Немного подумав, Дрейк всё же решил не рисковать. Роган был крепко разозлен, когда они расстались; вряд ли он будет вести свою обычную неторопливую игру. Скорее всего, он уже сделал то, что от него ожидалось, – и понял, что совершил непоправимую ошибку. Это значит, что у Дрейка вряд ли больше десяти минут.

Он подтянулся на руках и кувырнулся вперед, в темноту комнаты, чуть не откусив себе от боли язык. С трудом поднявшись, вытащил из-под кровати рюкзак, достал лазерный пистолет, сунул его в карман и рывком отодвинул кровать от стены.

За решеткой вентиляции лежал его коммуникатор. Дрейк так и не решился выбросить его из окна пневмопоезда, пока ехал на восток, хотя Ванхортон у него в голове разочарованно вздыхал и цокал языком на каждой станции. У Дрейка хватило ума не брать коммуникатор на встречу с Роганом, но оставлять его в мотеле было нельзя: там были идентификаторы и звонки, о которых не должны знать на Восточном побережье. Дрейк усмехнулся, представив лицо Рогана, перебирающего сообщения о поломке робота-газонокосильщика и счета за косметический ремонт фасада.

Сдув пыль с экрана, Дрейк хотел было сунуть коммуникатор в рюкзак, но тут вдруг сработала визуальная идентификация, и экран засветился.

Дрейк упал на пол, накрыв коммуникатор ладонью. Из-за грохота эстакады невозможно было понять, изменилось ли что-то за пределами комнаты. Был ли там кто-то, кто мог заметить призрачный огонек, метнувшийся в темном окне?

На всякий случай Дрейк решил, что был. Приглушив подсветку экрана и осторожно раздвинув пальцы, он увидел непрочитанное сообщение из Центра Сновидений Юго-Западного округа: «Получен 1 (один) мыслеобраз Элизабет Барри. Для просмотра мыслеобраза вам следует явиться...»

Дрейк замер, глядя на многоточие, которым всё обрывалось. Он не мог позволить себе думать об этом. Эти мысли были непозволительной роскошью, отнимавшей то небольшое, что у него пока еще оставалось, – время. Смахнув с экрана непрочитанное сообщение, он сунул коммуникатор в рюкзак и поднялся на ноги. Выйти можно было и через дверь – при условии, что снаружи никого нет.

Взявшись за ручку, он тут же почувствовал чье-то присутствие на галерее, но выхода не было: надо было как можно скорее убираться отсюда. Дрейк вытащил из кармана пистолет и рывком распахнул дверь.

Снаружи стоял Конни. Парня трясло; губы у него были совершенно белые и дергались так, словно он безуспешно пытался ухватить ими что-то большое и колющее.

– Они... они... – прошептал Конни.

Вся одежда его была забрызгана бурым, рукав куртки оторван, на виске под грязными белесыми волосами виднелись потеки крови. Дрейк схватил его за шиворот и потащил к пожарной лестнице, чувствуя, как сердце мучительно проваливается в желудок.

От Рогана и его ребят почти невозможно сбежать. Это значит, что Конни отпустили – чтобы проследить, куда он пойдет. Вернее, чтобы убедиться, что он побежал не к кому-то из транспортных картелей, а именно к Томми Вальтеру. Это был единственный способ проверить, правду ли сказала Трин.

Судя по ужасу в глазах Конни, то, что сделали с ней ребята Рогана, чтобы заставить ее говорить, было уже непоправимо. Именно на это Дрейк и рассчитывал: изуродованный труп посредницы лучше любых слов докажет картелям, что Роган начал войну против них. Но Роган и сам догадался, что вляпался, как только Трин произнесла: «Томми Вальтер». И теперь единственный шанс Рогана – сделать так, чтобы никто никогда не нашел участников сегодняшнего ночного веселья.

Над парковкой маячило уже с десятков черных матовых аэромобилей. Если бы не коммуникатор, подумал Дрейк, им достался бы только Конни. Главное – выбраться отсюда живым. Тогда шансов на то, что Роган найдет его раньше, чем картели доберутся до самого Рогана, будет поменьше: все-таки Роган более заметная фигура, чем Томми Вальтер.

Дрейк толкнул Конни к лестнице и показал пистолетом наверх. Эта часть здания особо не освещалась, так что у них будет секунд пять, чтобы влезть на крышу. Дальше надо пробежать почти двести метров по совершенно плоской кровле, утыканной противотуманными прожекторами, чтобы добраться до технического лифта, ведущего на верхний уровень эстакады. Но об этом Дрейк старался пока не думать.

За грохотом эстакады ничего не было слышно, но Дрейк был почти уверен, что ребята Рогана сначала проверят номер. Хорошо бы они задержались – хотя бы на пару минут.

Он повернулся к Конни и увидел выпученные глаза и трясущиеся губы.

– ...не сказала... ты здесь... – сквозь шум эстакады с трудом можно было разобрать слова.

Конечно, Трин не сказала им, что я живу у тебя в мотеле, подумал Дрейк. Иначе Роган занялся бы в первую очередь тобой, а не ею. Кто же знал, что ты, как последний придурок, попрешься сюда, вместо того чтобы попытаться найти кого-нибудь из картеля, с которым она работала.

– На чем ты приехал? – прокричал Дрейк ему прямо в ухо.

Конни удивленно взглянул на него и махнул рукой туда, где к задней стене мотеля примыкал глухой двор, окруженный колючей проволокой и заваленный бытовыми отходами. Дрейк подполз к краю крыши и осторожно приподнял голову. Внизу, между двумя помойными цистернами, стоял старый раздолбанный гироскутер с внешней батареей.

Это был джекпот. Даже если припарковаться именно здесь было единственным, на что за всю свою жизнь у Конни хватило ума, он уже прожил эту жизнь не напрасно.

Вытащив пистолет, Дрейк тщательно прицелился. Большую часть батареи, в которую надо было попасть, закрывал защитный корпус. Обе цистерны были запечатаны – это значит, отходы внутри уже переработаны в легковоспламеняющийся промышленный газ.

– Когда я скажу, беги, – крикнул он, не отрывая глаз от прицела и надеясь, что Конни его услышал. Потом, глубоко вздохнув, задержал дыхание и на медленном плавном выдохе, как учили еще в Академии, нажал на спуск.

От взрыва здание мотеля трянуло так, словно кто-то его приподнял и сразу же уронил на землю. Столб сизого пламени из разорванных цистерн взметнулся над крышей, которую тут же скрыли клубы черного дыма от горящего мусора во дворе.

– Беги! – что есть силы заорал Дрейк, вскочил и бросился к дальнему концу здания, туда, где оно упиралось в стеклопластиковую шахту технического лифта.

Въехав в этот мотель, Дрейк тщательно изучил все входы и выходы и решил, что лифт не представляет особой угрозы: попасть из кабины на крышу и обратно, не привлекая внимания, было практически невозможно. По той же причине он никогда всерьез не рассматривал лифт как возможный путь отступления.

Но сейчас думать об этом было поздно. Дрейк несколько раз подряд выстрелил в короб электронного замка, рукояткой пистолета сшиб оплавленный стеклопластик и сунул руку внутрь, нащупывая нужный провод. Через пару мгновений створки дернулись и разошлись, образовав щель сантиметров в пять. Дрейк схватил одну створку и что есть силы потянул на себя, в другую вцепился задыхающийся Конни.

В несколько рывков они смогли раздвинуть створки достаточно, чтобы протиснуться внутрь. Им опять повезло: лифт стоял внизу, крыша кабины была всего в паре метров под ними. Дрейк спрыгнул на нее, зашипев от боли под ребрами; следом неловко свалился Конни. Вскрыв потолочный люк и свесившись вниз, Дрейк нажал на кнопку и распластался по крыше лифта, жестом велел Конни сделать то же самое. Кабина вздрогнула, осветилась и медленно поползла вверх.

Пламя, охватившее дальний торец мотеля, было видно даже сквозь мутный стеклопластик шахты. Дрейк надеялся, что это отвлечет ребят Рогана от лифта, светящегося, как мишень в детском тире, но, как только они поднялись над клубами черного дыма, раздался первый выстрел.

Стреляли по кабине. Дрейк мельком взглянул на трещины, брызнувшие по стеклопластику. До верхнего уровня эстакады оставалось еще метров тридцать, когда часть кабины оторвалась и со скрежетом ухнула вниз. Крыша подпрыгнула, но удержалась на тросах и некоторое время еще ползла вверх, всё больше перекашиваясь под тяжестью Конни, который съезжал к краю, отчаянно цепляясь руками и ногами за выступы. Остатки кабины проскребли по стене шахты, зарываясь острыми железками в стеклопластик, и застряли, остановив крышу между седьмым и восьмым уровнем.

Оглядев стены шахты, Дрейк выбрал трещину побольше и выпустил из пистолета все оставшиеся заряды. Выбив ногами крупные осколки, он расчистил отверстие и высунулся наружу.

Грохот эстакады оглушил его. Полукруглый металлический борт седьмого уровня плавно изгибался внизу, примерно в метре от искореженной стенки шахты. Вдоль него неслись автомобили, сливаясь в один бесконечный сверкающий поток.

Прыгать на борт седьмого уровня нужно было прямо с крыши лифта: обожженная выстрелами стенка шахты крошилась под ногой, как простое стекло. Дрейк посмотрел через плечо назад. Конни лежал, вцепившись руками в тросы. Губы у него шевелились – то ли он пытался что-то сказать, то ли молился.

Если бы в пистолете оставался хоть один заряд, Дрейк пристрелил бы его прямо сейчас, разом избавившись и от балласта в виде неуклюжего перепуганного парня, и от свидетеля. Но зарядов больше не было, а оставлять здесь живого говорящего Конни было бы верхом легкомыслия. Дрейк прицелился ему в голову и кивнул на отверстие в стенке шахты.

Конни осторожно подполз поближе и вскарабкался на ноги, цепляясь за стенку шахты. Чуть выше его головы появилась еще одна трещина, стрельнула по стенке вверх, и Дрейк почувствовал, как крыша лифта слегка завибрировала под подошвами. Времени больше не было.

Сунув бесполезный пистолет в карман, Дрейк уперся ногами крепче, одной рукой схватил Конни за шиворот, другой – за ремень штанов и что есть силы толкнул парня вперед. Конни мешком приземлился на покатый металлический борт и начал сползать вниз.

Дрейк оттолкнулся и выбросил тело наружу, упал на борт, зацепился рукой за высокий край и едва успел поймать Конни за воротник.

Задохнувшись от боли в ребрах, он потащил безвольное тело на себя. Конни засучил ногами по скользкой поверхности и понемногу забрался наверх, на относительно ровную часть. Дрейк отпустил его и, перевернувшись на бок, попробовал восстановить дыхание.

От грохота эстакады лопалась голова. Здесь, на одном из бортов, меж которыми сквозь воздух один за другим неслись аэромобили, похожие на гладкие сверкающие пули, этот грохот был почти осязаем – настолько, что мешал дышать, как толстое одеяло, прижатое к носу и рту.

Высоко в ночном небе причудливо пересекались еще три уровня – восьмой, девятый и десятый.

Приподнявшись, Дрейк с трудом перегнулся через край борта, чтобы посмотреть вниз.

В этом месте эстакады шестой уровень шел перпендикулярно седьмому, а вот пятый лежал почти вдоль, так что Дрейк видел сразу два потока аэромобилей, один под другим, несущихся в разные стороны.

На верхних уровнях трафик был не такой оживленный, поэтому Дрейк и рассчитывал добраться на лифте до десятого: сквозь него можно было относительно безопасно прыгнуть на крышу грузового транспорта на девятом или даже восьмом уровне и уехать в неизвестном направлении. На средних уровнях потоки аэромобилей были гораздо плотнее, что делало сквозной прыжок неотличимым от самоубийства.

Дрейк повертел головой, ища соседние лифты, на которых можно было бы подняться повыше, и бессильно выматерился: далеко впереди из освещенной кабины технического лифта выбежали шестеро с лазерными пушками. У одного была рация; Дрейк прикинул, сколько времени займет у Рогана подняться сюда на аэромобиле, и понял, что путь к лифтам отрезан.

К несчастью, Конни тоже это понял. Вскочив на ноги, он бросился бежать вдоль борта, скользя и нелепо размахивая руками.

– Стой! – заорал Дрейк, не услышав собственного голоса.

Он рванул следом за Конни по самому краю борта, глядя сквозь огни аэромобилей вниз, на встречный поток пятого уровня. Впереди метрах в пятидесяти пятый уровень делал крутой вираж и уходил направо; решение надо было принимать прямо сейчас.

Дрейк часто думал об этом прыжке – с тех пор как понял, что грэй-зависим. По ночам в мотеле он представлял, как выходит из лифта на десятом уровне эстакады, смотрит вниз – и делает шаг в мерцающую паутину. Вряд ли он долетел бы до земли. Скорее всего, на четвертом-пятом уровне его бы размазало о гладкий корпус тяжелого аэрогруза, как случайное насекомое, – и всё бы закончилось: стыд за свою слабость, чувство вины перед Лиз, горечь от невозможности побыть с нею достаточно долго, чтобы она перестала, наконец, шарить во сне рукой по кровати, словно проверяя, точно ли там есть кто-то еще. И, конечно, страх, который гнал его на следующее задание, в пневмопоезд, идущий на восток, в пропахшую чужим потом комнату в дешевом мотеле, в клубы, набитые полуголым мясом любого пола, под прищуренный взгляд Рогана и таких, как он, к легкому серебристому порошку, – этот страх бы тоже закончился.

Томми Вальтер ничего не боялся, потому что почти всегда был под грэем. Он легко истратил бы любую жизнь – но жизнь Дрейка была вне его власти, потому что она принадлежала Лиз. Пока Лиз ждала Дрейка на Западном побережье, он всегда возвращался к ней, как стрелка компаса к магнитному полюсу.

Но теперь Лиз больше не было, а у Дрейка не осталось сил сопротивляться. Томми Вальтер захватил его целиком. Как только из-за поворота во встречном потоке пятого уровня пока-

залась широкая крыша аэрогруза, Дрейк в несколько прыжков догнал Конни, крепко обхватил его руками и нырнул с борта вниз.

Невидимки, с которыми Дрейк разговаривал в тату-салоне, выполнили свое обещание и вышли на него через несколько дней. Конни, очень кстати оставшийся в живых, рассказал им, как ребята Рогана вырезали на обнаженном теле Трин шесть наложенных друг на друга треугольников, вставив в ее же собственный аппарат вместо иголок алмазные свёрла. Всё это Конни видел через щель в дверном косяке из соседней комнаты, где его самого держали «на сладкое». Когда вопли Трин стали до того громкими, что заглушали всё, Конни выломал решетку в стене и уполз через шахту вентиляции.

Тату-салон сгорел в ту же ночь. Тела Трин так и не нашли, но вместе с пожаром в мотеле это оказалось веским аргументом в пользу Дрейка и Конни. Посовещавшись, представители нескольких конкурирующих транспортных картелей пришли к выводу, что Роган развязал войну, чтобы отжать у них рынок.

Первый из его клубов взорвался через неделю. Трехэтажный танцпол с ошметками обгоревших тел разметало по шести кварталам, но ни одна окрестная дронакамера не зафиксировала ничего подозрительного – ни до, ни после. Полиция округа разводила руками, страховая компания списала взрыв на ошибки в технической эксплуатации здания.

Роган ответил – больше ему ничего не оставалось. С десятков аэрогрузов, принадлежавших неким транспортным компаниям, сгорели вместе со всем содержимым прямо на эстакаде, а один добрался до склада и взорвался внутри, уничтожив всё, что там было, включая несколько тонн товара, зарегистрированного как «стеклянное конфетти». Горький дым еще долго стоял над пожарищем, привлекая торчков из дальних жилых районов.

Через несколько дней в разных концах округа вспыхнули еще два клуба Рогана. Оба здания превратились в пепел за десять минут; ходили слухи о применении запрещенного вещества, вызывающего взрывное горение. Кто-то слил в медиа информацию о связи Рогана с террористической группой, синтезировавшей это вещество несколько лет назад в подпольной лаборатории, и страховые компании немедленно подали в суд, обвинив Рогана в поджоге с целью получения компенсации.

Восточное побережье пылало – и ни полиция, ни Департамент не могли это прекратить. От масштабов происходящего у Дрейка захватывало дух. Он был зачинщиком операции, размах которой не снился даже объединенному Департаменту защиты сознания шести континентов.

Агентурная сеть объединившихся транспортных картелей оказалась такого размера и плотности, что Дрейку иногда казалось, будто на картели работает всё взрослое население Восточного побережья, от Каррары до Сибулайта. Закрытые данные из полиции и Департамента Восточного округа были всего лишь песчинкой в море информации, которая ежедневно поступала к подпольным аналитикам. Вспоминая свое первое задание, Дрейк понимал, что выжить ему тогда удалось по чистой случайности. Он был такой мелкой сошкой, что попросту провалился между лопастями гигантской мясорубки, которая сейчас перемалывала в труху непобедимую империю Рогана. Знал ли Ванхортон, в какое пекло он посылает своих сотрудников? И знал ли об этом вообще кто-нибудь в Департаменте?

Сразу после убийства Трин Роган исчез с радаров. Надо отдать ему должное: мотыльки исчезли вместе с ним. Дрейк выторговал себе право быть среди тех, кто должен взять Рогана живым, когда его найдут, но с каждым днем всё меньше верил в то, что это случится. На месте Рогана он уже давно бы покончил с собой.

Сообщение пришло под утро. С рассветом два десятка бойцов собрались на пустыре кладбища токсичных отходов на окраине Восточного округа. Сквозь низкие облака едва про-

бывались бледные лучи сероватого солнца; висящая в воздухе свинцовая пыль оседала на волосах и ресницах, делая всех равномерно седыми.

Небольшая площадка между тремя огромными стальными цистернами была оцеплена. Автоматическая переработка токсичных отходов проходила в несколько циклов и начиналась в герметичных контейнерах глубоко под землей; в наземные цистерны попадало очищенное сырье, которое шло на вторичное производство.

– Там под землей должно быть три контейнера, – Конни дернул плечом и подхватил сползающий ремень лазерного автомата. – Но по эхолокатору их там четыре.

Дрейк кивнул, глядя, как в центре площадки устанавливают армейский аппарат для моментального бурения. От картелей нельзя было спрятаться даже под землей.

– Сейчас будут вскрывать, – сказал Конни и посмотрел себе под ноги. – Они хотят, чтобы ты вошел туда первым.

Дрейк снова кивнул. Роган был не из тех, кто уходит с вечеринки, не попытавшись прихватить с собой как можно больше народу. Даже если внутри лишнего контейнера уже только труп, это не значит, что, когда его вскроют, трупов не станет больше.

Раздался негромкий хлопок, и над буровым аппаратом взметнулось плотное облачко серой пыли. Один из бойцов махнул Дрейку рукой, одновременно придерживая висящий на плече автомат так, чтобы держать его на прицеле.

Дрейк подошел к аккуратному круглому отверстию в земле. Боец застегнул на нем ремни автоматической лебедки и сунул в руку пульт.

– Захочешь наверх – нажми, – сказал он. – У тебя будет где-то секунда.

– Сколько там человек? – спросил Дрейк, заглядывая в темноту.

– Живой – один, – боец забрал у него пистолет и пристегнул к поясу 3D-камеру. – Давай, пошел.

– Без оружия?

Боец широко улыбнулся.

– Ты – наши глаза и уши, – сказал он. – Оружие тебе ни к чему.

Узкая шахта с неровными стенками уходила вертикально вниз. Внутри было темно, пахло влажной цементной пылью. Дрейк бросил пару светоэлементов, приготовившись отсчитывать секунды до их падения, но глухой стук раздался почти сразу: металлический пол контейнера находился метрах в трех под ним. Оттолкнувшись ногами от стенки шахты, Дрейк спрыгнул вниз.

– Это ты, Томми?

Голос за спиной заставил Дрейка обернуться так резко, что он едва не потерял равновесие.

Возле дальней стены контейнера, на оплетенном проводами возвышении, лежала массивная пластиковая капсула нейтрального цвета. Рядом с ней, привалившись спиной к серой металлической стене и уронив на колени руку с бесшумным лазерным пистолетом, сидела Йенна. Другая рука была поднята над головой: тонкое запястье обхватывал сплошной браслет наручника, пристегнутого к стальной скобе контейнера.

– Я ждала тебя, – Йенна слабо улыбнулась ему, звякнув наручником. – Но боялась, что ты не успеешь. Мне даже пришлось...

Она шевельнула пистолетом, и Дрейк проследил за ее взглядом. В углу контейнера лежала охапка полупрозрачных лепестков, из которых торчали тонкие бледные конечности.

– Где он? – собственный голос показался Дрейку настолько чужим, что он даже обернулся, ожидая увидеть того, кто говорил.

– Здесь, – Йенна пожала плечами. – Или очень далеко отсюда. Зависит от того, что тебе нужно.

Дрейк недоверчиво посмотрел на капсулу.

– Можешь открыть, – мягко сказала Йенна. – И выбрать.

Взявшись за гладкие ручки – они оказались неожиданно теплыми, – Дрейк с усилием поднял крышку капсулы. Внутри в синеватом неоновом свете лежал Роган.

Острые скулы, покрытые серебристой щетиной, слегка блестели. Видеть Рогана вблизи с плотно закрытыми глазами было так непривычно, что Дрейк не удержался и прикоснулся к мертвому лицу, ожидая, что прищуренный глаз откроется и испепелит его на месте. Но кожа Рогана была прохладной и шершавой, как стенка контейнера, на висках и на лбу – круглые датчики; на правой руке такой же сплошной браслет, как у Йенны. Дрейк перевернул руку Рогана запястьем вверх. На внутренней стороне браслета был еще один микроскопический датчик.

– Это пульсометр, – сказала Йенна. – Остановка его пульса запечатала контейнер сразу после Переноса.

Дрейк отпустил Рогана и повернулся к ней. Йенна сжалась в комок, звякнув браслетом об стену.

– Не трогай! – быстро сказала она. – Мой пульсометр связан с системой самоуничтожения контейнера.

– Вы все должны были тут задохнуться, – медленно произнес Дрейк, чувствуя, как волосы у него на руках встают дыбом: Роган сделал из Йенны «кнопку смертника», чтобы не оставить картелям даже своего трупа.

– Это случилось бы гораздо быстрее, – Йенна кивнула, – но я хотела дать тебе время.

– Откуда ты знала, что я приду?

Йенна пожала плечами.

– Я всегда в тебя верила, – сказала она. – В отличие от Рогана. Я говорила ему, что ты слишком опасен для всяких игр. Еще до того, как он купил у тебя номер.

– Он его использовал? – спокойно спросил Дрейк.

Йенна улыбнулась так, словно он только что перевел ей тройные чаевые.

– Так вот почему ты всё это затеял, – произнесла она, глядя на него с восхищением. – У тебя кто-то на Гарториксе?

Дрейк шагнул к Йенне, но ее пистолет уже смотрел ему между глаз. Дрейк замер и слегка развел руки в стороны.

– Откуда у Рогана капсула Переноса? – спросил он, следя за пальцем, лежащим на спуске. – Центр Сновидений засекретил технологию их производства еще в самом начале.

– Разве в такой ситуации не я должна задавать вопросы? – удивилась Йенна.

– Ты в наручниках, – Дрейк медленно и осторожно пожал плечами. – Те, кто в наручниках, обычно отвечают, а не спрашивают.

Она рассмеялась, сверкнув блестящими острыми зубами.

– Все, кто покупает номера, получают капсулу. На всякий случай.

– «Все»? – Дрейк поднял брови.

– Не разочаровывай меня, Томми, – Йенна нахмурилась. – Ты что, понятия не имеешь, во что ввязался?

Дрейк вздрогнул от обжигающего холода, пробежавшего по спине. Рогану было наплевать на свой труп. Он хотел уничтожить единственную улику, которая могла привести на след его заказчиков.

– У него была только одна капсула?

– К сожалению, – улыбнулась Йенна. – Никому из мотыльков Перенос не светил.

– А тебе?

Она посмотрела на него долгим нежным взглядом, и Дрейк увидел собственное растерянное лицо, отразившееся в ее распахнутых глянцевых глазах.

– Я тоже была мотыльком, – сказала она. – В свое время.

У Дрейка пересохло во рту. Аккуратное круглое отверстие, пробуренное в крышке контейнера, было справа от него, примерно метрах в полутора. Он прикинул, можно ли преодолеть это расстояние одним прыжком, не попав под выстрел. Йенна хотела дожидаться его. Она верила, что он придет сюда, и хотела дать ему время.

– Почему он повесил второй пульсометр на тебя? – спросил Дрейк, незаметно перенося вес на левую толчковую ногу.

Йенна улыбнулась – как всегда улыбалась из-за барной стойки, добродушно и немного мимо, словно ее улыбка была предназначена кому-то другому.

– Потому что я его любила.

Она приставила пистолет к виску и быстрым уверенным движением нажала на спуск.

Дрейк вдавил кнопку на пульте лебедки на долю секунды позже. Пространство вокруг него с оглушительным треском вывернулось наизнанку, и он перестал видеть и слышать.

Мощный взрыв сделал из вскрытого контейнера вулкан. Ударная волна разворотила отверстие, вышвырнув наверх ошметки тел и обугленные куски пластика, но экстренный подъемный механизм лебедки сработал, выдернув Дрейка из пекла за мгновение до того, как всё содержимое контейнера превратилось в раскаленную багровую массу.

Очнувшись, он увидел хлопья черного пепла, плавающие в сером воздухе. Сквозь гул в голове прорывались голоса; Дрейк не сразу понял, что они спрашивали.

– ...видел... Рогана... – смог разобрать он и кивнул, зажмурившись от резкой боли в затылке.

Чьи-то руки отцепили от него оплавленную 3D-камеру и расстегнули ремни лебедки, сдавившие рёбра. Тошнотворный запах гари и паленого мяса ворвался в легкие, и Дрейк понял, что всё это время у него не получалось даже толком вдохнуть.

Ему помогли сесть, прислонив спиной к одной из цистерн. Перед глазами качались грязные белесые пряди. Дрейк пару раз моргнул, чтобы они исчезли, но их стало только больше: Конни присел перед ним на корточки, неловко растопырив колени, и протянул ему что-то на ладони.

Это был запылившийся черный коммуникатор с треснутым экраном, на котором едва мерцало непрочитанное сообщение, рассыпающееся на битые пиксели. «Получено 6 (шесть) мыслеобразов Элизабет Барри. Для просмотра мыслеобразов вам следует явиться...»

– ...нашел под цистерной... – голос Конни доносился до него сквозь оглушительный звон в ушах. – Это твое?

Дрейк уставился на буквы, из которых складывалось женское имя, отдававшее южным солнцем, лавандой и морской солью.

– Нет, – просипел он с натугой, чтобы перекрыть звон в ушах. – Это чужое.

Глава 9. Мия

Волосы опять лезли в глаза, и Мия сердито сдула их с лица. Она хотела записаться на стрижку за неделю до того, как во время совещания по ближайшему финалу у нее закружилась голова и Наранья из отдела рекламы громко сказала, что это, конечно, из-за беременности и не стоит волноваться.

Теперь стричься было как-то бессмысленно. Мия пригладила зеленые пряди, мельком представив их за стеклом в криохранилище, и твердо решила ничего не трогать.

Краем глаза она увидела, как мимо ее кабинета в который раз тенью проشمыгнул парень из нарративного отдела – кажется, его звали Шон. Нарративщики сидели на нижнем уровне Амальгамы и жаловались, что пневмопоезд ходит прямо у них по головам, хотя их разделяло двадцать восемь этажей и самая современная звукоизоляция. Им было запрещено появляться на верхних уровнях, где располагались отделы, занимавшиеся стратегическими расчетами, но они всегда находили предлог, чтобы пробежать по коридору, прислушиваясь к происходящему в прозрачных кабинетах и переговорах, – тем более теперь, когда в отделе политкоррекции были такие изменения.

С того самого совещания, после которого она отправилась в клинику Колфилд, а потом в Центр Сновидений, Мия то и дело ловила на себе взгляды коллег. Она и сама бы дорого дала за кандидата с таким сочетанием жизненных обстоятельств: погибший ребенок, попытка самоубийства и лишение прав на медицинские решения, новая беременность... Мия машинально прикинула в уме коэффициент состоятельности; для белой гетеросексуальной женщины в такой ситуации он выходил неприлично высоким – таким, что тянул на финал месяца. Если бы она была кандидатом, весь отдел носил бы ее на руках.

Сейчас коллеги наблюдали за ней с затаенной завистью. О профессиональной конкуренции в «Кэл-Корпе» ходили легенды. Любого сотрудника, даже на самой высокой должности, могли уволить в любой момент и за любой промах – кроме тех, кто получал номера.

Поправку об их обязательном трудоустройстве приняли двенадцать лет назад под давлением Планетарной Ассоциации Психотерапевтов; отец Эштона входил в рабочую группу, занимавшуюся конкретными формулировками. Номер объявлялся одной из главных социально-психологических ценностей, но его получение было сильнейшим стрессом. Чтобы не допустить суицидального поведения пациентов во время подготовки к Переносу, их надо было занять делом. После получения номера ни один работодатель не имел права не только уволить сотрудника, но даже сократить объем его служебных обязанностей. Для работника «Кэл-Корпа» две недели до Переноса были поистине райским временем: можно было принимать любые решения, не боясь оказаться на улице. Этим, конечно, пользовался топ-менеджмент корпорации: если сотрудника нельзя уволить, из него надлежало выжать весь креатив, на который тот был способен.

Мия вздохнула и потеряла переносицу: перед ней на прозрачном экране светился каталог на тридцать с лишним голографических анкет, и все надо было отсмотреть и обсчитать сегодня до вечера.

Шлем виртуальной реальности лежал тут же на столе, но Мия коснулась экрана, чтобы затемнить стены: она любила отсматривать голограммы в полном размере, выводя их в центр своего кабинета. К тому же это была совершенно легальная возможность хотя бы на время перестать быть экзотическим экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение в прозрачной витрине.

Взяв в руки планшет и крутанувшись в кресле, она оказалась лицом к лицу с толстым красноволосым азиатом. Его рыхлое тело свисало с высокой студийной табуретки, как оплавленный зефир. Азиат быстро зашевелил губами, и Мия поняла, что забыла надеть наушники.

Утренний укол стабилизатора снимал головокружение, но оставлял легкое ощущение нереальности происходящего, словно картинку перед глазами отмыли до блеска и выкрутили цвета на максимум. Даже сенсорные линзы с эффектом живого хрусталика не давали такой резкости. От красоты окружающего мира у Мии захватывало дыхание, так что она забывала о самых простых вещах.

Не отрываясь от блестящих жирных губ азиата, Мия нащупала наушники на столе у себя за спиной. Голос у азиата оказался менее красочным, чем внешность. Это было не очень хорошо: исследования показывали, что 32.8 % мужской аудитории слушали, а не смотрели финалы, параллельно занимаясь домашними делами. Мия сделала пометку в планшете.

– ...для меня стал развод, – промямлил у нее в голове азиат. – Я набрал шестьдесят четыре килограмма, потому что перестал выходить из квартиры... потому что... жена теперь живет с нашей соседкой, и... я боюсь...

Губы у него задрожали. Азиат легко плакал – это было хорошо: 74.9 % женской и внегендерной аудитории смотрели финалы ради сильных эмоций. Мия сделала соответствующую пометку.

– ...боюсь встретить их в лифте... – наконец выдавил из себя азиат и зарыдал в голос.

Следующие пятнадцать минут были наполнены всхлипами, откашливанием и сморканием. Мия нахмурилась и удалила предыдущую пометку: азиат плакал не легко, а постановочно и, вероятно, врал про причину своего ожирения.

Мия промотала запись вперед. В своей анкете каждый кандидат должен был ответить на вопрос, который неизбежно прозвучит на Арене: «Почему вы хотите на Гарторикс?». По статистике, 68.6 % кандидатов с разводом в анамнезе хотели начать новую жизнь там, где ничто не будет напоминать им о прошлых ошибках. Это был честный, но скучный ответ, который радикально снижал коэффициент состоятельности: активное ядро аудитории Лотереи было насмотренным и всегда голосовало за оригинальность.

– ...потому что... я хочу... – азиат вдруг подобрался на табуретке и посмотрел на Мию в упор. В заплавленных глазах мелькнуло нечто, от чего Мия сразу покрылась холодным потом.

С усилием шевеля сведенными челюстями, азиат произнес дрожащим от ненависти голосом:

– Я. Хочу. Новое. Тело.

У бодинегативных кандидатов, выбиравших вес в качестве основной состязательной стратегии, это был один из самых частых ответов. Но градус ненависти, которую испытывал к себе этот человек, поразил Мию. Конечно, он врал. Ему было наплевать на бывшую жену, соседку и всех людей вместе взятых. Он просто не мог больше находиться внутри своей собственной кожи.

Это было знакомое чувство. В клинике Мия расцарапала себе ноги и руки, пытаясь выбраться из себя, – потому что всё, чем она была изнутри и снаружи, каждая мелочь напоминала ей даже не про сына, которого она потеряла, а про то, как она сказала: «Аэротакси опустится пониже», – и все согласились.

На столе мелодично тренькнул интерком, и Мия отвернулась от азиата вместе с креслом. Это был Колин из отдела регистрации номеров. Он просил ее быть на звонке по утилизации.

Поступающие в «Кэл-Корп» номера жестко квотировались. Передавая полученный номер в Лотерею, человек отказывался от Переноса навсегда. В договоре, который он подписывал еще в Центре Сновидений, на всякий случай был пункт о том, что «Кэл-Корп» гарантирует возврат номера, если он не будет использован в финале, но вся тщательно выстроенная система квот, состязательности и дедлайнов была направлена на то, чтобы успеть распределить все полученные номера до того, как по ним подойдет срок Переноса.

Этим занимались несколько огромных конвейеров Шоу-центра, в которых крутились десятки тысяч сотрудников и миллионы людей, жаждавших обрести вечную жизнь.

Отдел рекламы, занимавший целый гигантский корпус Церебра, разрабатывал планетарные кампании по продвижению концепции вечной жизни и повышению привлекательности Гарторикса среди населения. От их усилий зависело количество кандидатов – а значит, и объем номеров, который Лотерея в принципе могла переварить.

Отдел по работе с клиентами в корпусе Клио обрабатывал заявки и отсеивал кандидатов, оставляя только тех, чей коэффициент состоятельности был выше среднего. Дальше эти кандидаты попадали в Амальгаму, в каталог отдела политкоррекции, где их шансы на выигрыш обсчитывались по сложной формуле с учетом всех вводных: гендера, цвета кожи, семейного наследия, социального положения, выбранной состязательной стратегии, физических и психических особенностей и т. п.

Параллельно в корпусе Эвтерна регистрировались поступившие номера и рассчитывались квоты и расписание финалов – так, чтобы их хватило на весь активный номерной фонд. Там же, в Эвтерне, следили за соотношением поступивших и использованных номеров и назначали экстренную утилизацию, когда это соотношение грозило нарушиться.

Экстренная утилизация означала внеурочную работу всех отделов: выпуск финала надо было подготовить за несколько дней, хотя обычно на это уходило не меньше двух недель.

Мия взглянула на экран: до звонка оставалось одиннадцать минут.

Утилизацией занимались начальники отделов: назначение внеурочных финалов было связано с пересчетом квот и перераспределением номерного фонда между разными отделами. Мия как старший политкорректор отвечала за подбор кандидатов для праймовых финалов с учетом максимально возможных коэффициентов состоятельности. Статистикой отдела политкоррекции занимался Айра, ее начальник. У Мии не было даже доступа к этим цифрам.

Она коснулась рукой экрана, и азиат за ее спиной растворился в воздухе. Найдя во внутреннем каталоге Айру, Мия нажала на вызов. Нежные электронные трезвучия повисли в темноте кабинета и почти сразу сменились сигналом отмены: Айра был недоступен.

В стеклянную дверь постучали. Мия поспешно коснулась экрана, убирая затемнение стен, – но это был всего лишь Гатто с двумя стаканчиками из кофейни на 42 этаже.

Гатто уже много лет занимался технической поддержкой работы отдела, а недавно его сделали первым кандидатом на должность старшего политкорректора – после ухода Мии. По этому поводу он, кажется, испытывал иррациональное чувство вины. С того дня, как она получила номер, он окружил ее липкой паутиной офисных знаков внимания, которые можно было бы счесть преследованием, если бы они не были нарочито безобидными.

Мия улыбнулась и слегка покачала головой. Гатто вздохнул и картинно развел руками. Правый стаканчик врезался в прозрачную стенку кабинета, и коричневая жидкость выплеснулась, стекая вниз мутноватыми ручейками. В этот момент раздался электронный сигнал вызова, и Мия с облегчением коснулась экрана, чтобы затемнить стены.

На звонке было восемь человек, из которых Мия знала только троих: Колина, Тооме из отдела планирования финалов и Глорию, руководившую нарративщиками. Айры предсказуемо не было.

– ...покрыть недостачу из квот на следующий месяц, – услышала она, когда восемь голограмм расселись вокруг нее по кабинету.

– Мия Дювали, отдел политкоррекции, – на всякий случай сказала Мия.

– Мы все знаем, кто ты, дорогуша, – протянула обширная тетка с ежиком платиновых волос на очень темной коже. – Глория, сколько времени вам надо, чтобы подготовить дополнительные финалы?

– Дня три... может быть, два, – маленькая хрупкая Глория умоляюще взглянула на тетку. – Четыре финала одновременно – это довольно много работы, Фиона.

– Всё уже распланировано, – подал голос Тооме. – Надо только написать скрипты.

– Восьмидневный срок по этим номерам наступает через три дня, – произнес Колин, втянув голову в плечи. – После этого мы просто не сможем их использовать.

– По квотам они должны быть действительны еще пять дней, – буркнул морщинистый азиат с седыми дредами.

– Значит, эти квоты были рассчитаны неправильно, – терпеливо вздохнула Фиона. – Да, Мия?

Восемь полупрозрачных фигур вперили в нее молчаливые взгляды. Мия растерянно смотрела на них, с каждой секундой всё больше вжимаясь в кресло.

– Я... у меня нет под рукой статистики... – наконец сказала она.

– Никому не интересна ваша внутренняя кухня, дорогуша. – Голос у Фионы нисколько не изменился, но в кабинете повисла ледяная тишина. – Всё, что от тебя требуется, – это согласие.

– С чем? – спросила Мия, чувствуя себя ужасно глупо.

Фиона прикрыла глаза и стала похожа на шоколадное пасхальное яйцо со сверкающим кусочком фольги, прилипшим сверху.

– Колин? – сказала она в пустоту.

– Квоты номеров этой недели по нескольким отделам, в том числе по отделу политкоррекции, были рассчитаны неправильно и требуют пересчета, – суетливо забормотал Колин, не поднимая головы от планшета. – Да, нет? Это для протокола.

Мия взглянула на него, но Колин упорно смотрел в планшет. Фиона по-прежнему сидела с закрытыми глазами. Остальные молча ждали.

Поерзав в кресле, Мия осторожно кивнула.

– Голосом, дорогуша, – спокойно произнесла Фиона. – Система всё записывает.

Мия затравленно оглянулась по сторонам, натываясь на взгляды, направленные сквозь нее: корпоративный голографический интерком оперировал приблизительными расстояниями между объектами.

– Да, – тихо сказала она. – Квоты были рассчитаны неправильно.

Голограммы с облегчением зашевелились, как будто Мия произнесла магическое заклинание. Фиона открыла глаза и повернулась к Колину.

– Для протокола: отдел политкоррекции заверил пересчет номеров, – сказала она. – Всем спасибо. Работаем.

С мелодичным электронным звуком голограммы растворились в воздухе. От напряжения у Мии свело плечи. Массируя окаменевшую шею, она прикоснулась к экрану, чтобы снять затемнение стен, и чуть не подпрыгнула от испуга. Прямо перед ней за стеклом стоял улыбающийся Айра.

– Не хотел тебе мешать на звонке, – сказал он, заходя в кабинет. – Поздравляю с боевым крещением.

– Не уверена, что оно прошло хорошо, – пробормотала Мия. – Я так и не поняла, что сделала.

Айра легкомысленно улыбнулся, тряхнув малиновыми вихрами.

– Не парься, – произнес он. – Всё в порядке, работа идет.

– Я согласилась с пересчетом, – сказала Мия. – Что это значит?

– Не парься, – повторил Айра чуть более настойчиво. – Спасибо, что была на звонке. Это совершенно рядовая ситуация.

– И всё же? – Мия посмотрела на него снизу вверх, впервые заметив, что у корней его роскошные малиновые вихры были совершенно седыми.

– Базу номеров слегка пересчитают. Квоты перераспределят по отделам, – Айра пожал плечами. – При наших объемах этого никто не заметит.

– Это как раз меня и пугает, – сказала Мия. – Вдруг там по квотам изначально всё было правильно? А теперь при пересчете какие-то номера могут просто... потеряться.

Айра прищурился. В желтых глазах засквозило неприятное удивление.

– Ты, я вижу, своего не упустишь, – тихо сказал он. – Даже сейчас. Респект.

– Что ты хочешь... – начала было Мия, но он положил руки на спинку кресла, по обеим сторонам от ее незащитной шеи, и она почему-то сразу же замолчала.

– Вопрос в том, чего хочешь ты, – произнес Айра угрожающе мягким голосом. – Благодарности?

Жесткие волоски на его руках щекотали ей шею. Мия осторожно кивнула. Айра улыбнулся и выпрямился, убрав руки в карманы.

– Для тебя мне ничего не жалко, – сказал он. – Только не здесь. Ты знаешь, где найти меня после работы.

Он поднялся и пошел к двери легкой походкой человека, у которого не было ни одной проблемы. Мия проводила его глазами почти до самого выхода, но в последний момент все-таки не выдержала.

– Что будет, если при пересчете заметят ошибку? – спросила она вслед сутулой спине.

Айра обернулся через плечо, блеснув острозубой улыбкой.

– Служба безопасности разберется, – сказал он. – Но тебя уже всё равно здесь не будет.

После работы Айра часто сидел в баре «КК» на задворках Шоу-центра, хотя жил где-то на другом конце мегалополиса. Выйдя на платформу из сверкающей вечерними огнями Амальгамы, Мия на мгновение остановилась, размышляя, не воспользоваться ли его предложением, но тут подошел пневмопоезд северо-западного направления, и двери вагона открылись прямо перед ней.

Через четыре станции, когда бесполый цифровой голос объявил ее остановку, Мия лишь уютнее устроилась в кресле у окна – и стала смотреть, как огни жилых небоскребов в модном районе набирают скорость и сливаются в длинные лучи, бегущие вслед за поездом.

После получения номера Мия часто подолгу не возвращалась домой с работы, катаясь на пневмопоездах разных направлений и жадно вбирая в себя картинки вечернего мегалополиса. Она хотела запомнить каждую деталь, какая только могла в ней поместиться, – так человек, переезжающий на другой континент, расписывает по чемоданам вещи, которые ему не пригодятся, просто потому, что их жалко оставлять.

Модные небоскребы сменились обшарпанными социальными высотками, несколько многоуровневых аэромобильных эстакад сплелись и расплелись за окном, – но сегодня у Мии не получалось сосредоточиться на знакомых картинках. Липкое ощущение незначительной, и в то же время непоправимой ошибки преследовало ее, как в колледже, когда, уже сдав все экзаменационные задачи, вдруг понимаешь, что правильный ответ к одной из них должен быть совершенно другим.

Мия любила свою работу, хотя давно бросила всякие попытки объяснить, чем именно она занимается в «Кэл-Корпе».

Победитель финала определялся зрительским голосованием в реальном времени: многомиллиардная аудитория Лотереи с помощью специальной электронной системы решала, кто из кандидатов достоин того, чтобы жить вечно. Эта аудитория делилась на бесконечное количество крупных и мелких сегментов по целому ряду признаков, от гендера и уровня доходов до семейного наследия, веса и количества родственников первого порядка на Гарториксе.

Каждый кандидат, которого обсчитывал отдел политкоррекции, представлял собой уникальный набор признаков, адресованных тому или иному сегменту аудитории.

Задача Мии была рассчитать формулы и подобрать пары кандидатов так, чтобы зрительские голоса до последнего распределялись поровну. Лучшие финалы были те, где всё решалось перевесом в пять-шесть тысяч голосов; за такие финалы сотрудники всех отделов получали бонусы, премии и билеты в VIP-ложу Селесты на всю семью. За такие финалы Айра

угощал подчиненных первоклассным греем, от которого прошлое растворялось, как сахар в кофе, делая настоящее уютным и призрачно сладким.

Это было искусство, а не бездушная вычислительная механика. Сегментов аудитории и признаков было так много, что работа политкорректоров превращалась в творчество, основанное на интуиции и озарениях. Внутри отдела на каждый финал устраивали тотализатор – и часто проигрывали даже те, кто подбирал и обсчитывал для него кандидатов. Но не Мия.

Почему-то она всегда знала, кто будет жить вечно, – заранее, еще на этапе просмотра голографических анкет. Иногда это знание пугало ее; оно было сродни божественному всеведению, словно Мия смотрела на этих людей откуда-то из посмертия.

Мия любила изучать анкеты. Ей нравилось разбираться в том, почему люди хотят уйти, сохранив себя – или то, что они упорно считали собой, хотя не могли даже толком сказать, что это было. Подбирая пары, она каждый раз делала свой собственный тайный выбор, и этот выбор раз за разом оказывался правильным, будто подтверждая ее собственный – тот, который она была вынуждена сделать после того, как не стало Ави.

Вопреки всему, что было написано в документах из клиники, Мия хотела жить.

Просто это было невозможно – мир был заполнен густой вязкой ненавистью, так что в нем не оставалось места даже для воздуха. Постепенно она поняла, что источник этой ненависти – она сама. Это была хорошая новость: значит, ненависть можно контролировать. Можно даже сфокусировать ее на чем-то одном, чтобы освободить себе немного пространства для жизни.

Проще всего было бы возненавидеть Эштона. За то, что случилось с их сыном. За то, что у них вообще родился ребенок. За то, что она почувствовала, когда, сидя пьяной на унитазе, наткнулась в зеркале на его жадные глаза.

Но еще в клинике Мия поняла, что не может этого сделать. Эштон смотрел на нее так, словно помнил ее целиком – прошлую, настоящую, такую, какой она очень хотела быть и какой уже никогда не станет, – и это было единственным, что связывало ее с жизнью. Он держал ее за руку, не давая утонуть в ее же собственной ненависти, и хотя – она видела – захлебывался в этом мутном потоке, ни за что не соглашался ее отпустить.

Тогда она выбрала ненавидеть сына. Вернее, ребенка – любого ребенка, который мог бы встать между ними и заставить сделать выбор заново. Она боялась, что в следующий раз Эштон выберет не ее.

В день, когда она ушла на работу, оставив его над остывающей горой сладких вафель, которые он не ел никогда, а тем более на завтрак, она отсмотрела пятьдесят четыре голографические анкеты подряд, не отрываясь и не выходя на обед, только глядя иногда на часы и подгоняя секунды, пока, наконец, не настало тридцать шесть часов с момента получения номера. Тогда она вытащила из сумки коммуникатор, отключила бесшумный режим и, отгоняя пропущенные звонки и сообщения Эштона, как мелкий мусор с поверхности воды, набрала регистрацию Северо-Западной клиники Колфилд.

Когда бесполой цифровой голос повторил дату и время назначенного аборта, Мия почувствовала, что улыбается. Она была совершенно счастлива.

До клиники Колфилд нужно было ехать с одной пересадкой. Мия вышла на Рио-Гранде и вдохнула полные легкие влажного после дождя осеннего воздуха. Закатное солнце заливало перрон, отражаясь в прозрачном куполе и окутывая редких пассажиров золотистой дымкой. В небе медленно кружила большая птица с длинными острыми крыльями, что-то высматривая в парке неподалеку.

Мия удивилась. В центральной части мегалополиса птиц почти не было, и даже на озере им с Эштоном за всё время удалось увидеть разве что пару уток.

Солнце село за небоскребы. Подошедший пневмопоезд спугнул птицу, и та взлетела повыше, растворившись в темнеющем небе. Мия привычно устроилась у окна, чтобы смот-

реть на вечерние огни мегалополиса. Но как только пневмопоезд набрал скорость, она вдруг закрыла глаза и снова увидела птицу, парившую над осенним парком.

На ресепшн ее встретил молоденький администратор в белоснежной хрустящей рубашке.

– Добро пожаловать в Северо-Западную клинику Колфилд, – произнес он, слегка поведя шеей, чтобы высвободить кадык из-под слишком жесткого воротничка. – Вы уже являетесь нашим клиентом?

Мия кивнула и сочувственно улыбнулась, прикладывая палец к углублению на стойке. Интересно, сколько часов в день парень вынужден проводить в этой рубашке, которая наверняка ощущается как удавка, но транслирует спокойствие и уверенность, так необходимые всем пациентам.

Администратор взглянул на экран и поднял на Мию приветливую ученическую улыбку.

– К какому специалисту вы хотели бы записаться, госпожа Дювали?

– Вы не поняли, – мягко сказала Мия. – Я уже записана. 7:30, процедура прерывания беременности.

Улыбка администратора стала еще приветливее, хотя в глазах промелькнула растерянность.

– Давайте посмотрим, – произнес он, перелистывая окошки у себя на экране. – Ваша запись действительно есть, но... я вижу, что вчера вечером ее отменили.

– Послушайте, – сказала Мия, теряя терпение, – это невозможно. Прерывание беременности – обязательная процедура при получении номера в первом триместре. Странно, что я должна объяснять вам такие вещи.

Администратор умоляюще улыбнулся и дернул шеей, чтобы высвободить кадык.

– В том-то и дело, – сказал он. – При *получении номера*.

Мия вздохнула.

– Посмотрите по базе, – сказала она, оглядываясь по сторонам в поисках более вменяемого сотрудника. – Мой номер зарегистрирован Центром Сновидений Северо-Западного округа.

– Давайте посмотрим, – повторил администратор и перелистнул туда-сюда одно и то же окошко. – Регистрация номера, действительно, была, но... вчера вечером ваш номер был передан вторичному получателю.

Мия почувствовала, как блестящий мраморный пол у нее под ногами дрогнул и заходил волнами.

– Кому? – переспросила она неожиданно севшим голосом. Администратор с готовностью прищурился.

– Господину Эштону Герингеру, – прочитал он с экрана и на всякий случай улыбнулся еще старательнее.

С другого конца приемной к ним бежала медсестра в белоснежном костюме. Лицо у нее было отчаянное, как будто она куда-то безнадежно опаздывала. Мия улыбнулась и даже открыла рот, чтобы сказать ей, что никакая работа не стоит таких переживаний, но в тот же момент медсестра исчезла, и весь остальной мир исчез вместе с ней.

Глава 10. Эштон

Несмотря на холодный медицинский свет с потолка, в комнате было довольно тепло. Эштон снял ботинки и поставил на нижнюю полку небольшого пластикового контейнера. Носки он аккуратно свернул и положил сверху, а потом подумал и затолкал в ботинки, чтобы не создавать ощущения домашнего беспорядка. Мия собирала его носки по всей квартире, ворча, что они размножаются быстрее, чем вирусы в организме носителя.

Сняв рубашку, Эштон повесил ее на плечики в основном отделении контейнера и застегнул, как показывала инструкция на экране. Перед тем как повесить брюки, Эштон тщательно разгладил их, следя за тем, чтобы стрелки на обеих штанинах легли точно одна на другую.

Верхняя полка предназначалась для белья и мелких предметов, которых у него не было. Выходя из квартиры, он выложил всё из карманов, а карту-ключ опустил в почтовый ящик, мельком подумав, не забыл ли сполоснуть чашку. Высыхая, кофейная гуща оставляла на белом фарфоре коричневые разводы, из-за чего две почти новые чашки уже пришлось выкинуть.

Поежившись, Эштон взял с кресла аккуратно сложенные штаны и свободную рубашку без пуговиц. Мягкая невесомая ткань нейтрального цвета едва прикасалась к коже: Эштон ничего не почувствовал, словно так и остался голым. Немного помедлив, он закрыл дверцу контейнера до щелчка и приложил палец к углублению в центре. Контейнер с одеждой будет храниться вместе с телом до тех пор, пока родственники не изъявят желания забрать его.

Он сказал родителям о Переносе, как только вернулся из Центра Сновидений. Укол стабилизатора бодрил, делая всё вокруг таким ясным, что сомневаться в своем решении было даже смешно. Эштон передал самых трудных пациентов отцу, а остальных перенаправил к Леннарту и какой-то специалистке по околопереносным переживаниям, которую порекомендовала ему Дарин. С матери он взял слово, что до самого Переноса та ничего не скажет Мие.

Мия была единственным человеком, которого эти приготовления никак не коснулись. С каждым днем она возвращалась домой всё позже, как будто заранее готовилась к Переносу, оставляя его одного постепенно, шаг за шагом, как в детском саду, когда родители приходят всё позже и позже, а потом и вовсе перестают появляться, присылая вместо себя помощника по хозяйству. Ночью, когда она замирала, вжавшись в него голой спиной, он чувствовал, что они всё еще вместе, и прикидывал, сможет ли вспомнить это ощущение в каком-нибудь другом теле. Эштон знал все ее сны, словно они были его, мог по шороху ее ресниц на подушке определить, улыбается она или испугана, – но не мог заставить себя признаться ей в том, что она и так скоро узнает.

После обморока в клинике Колфилд Мию положили на сохранение. Эштон приходил к ней пару раз, но она всё время спала – ей давали большие дозы успокоительного, чтобы нейтрализовать эффект стабилизатора.

В последний раз он пришел накануне вечером. Мия, как обычно, спала. Осторожно убрав с ее лица ярко-зеленые пряди, зацепившиеся за ресницы, Эштон ощутил на тыльной стороне ладони теплое дыхание – и почему-то вспомнил, как Мия смеется: так, словно внутри у нее перекатывается щекотный упругий мячик. Невыносимо захотелось услышать этот ее смех еще раз, чтобы уж точно запомнить, но Мия спала, и он так и не смог придумать ничего смешного, чтобы ее разбудить.

– Если вы не возражаете, господин Герингер, – мягко сказал беспольный цифровой голос, – наш сотрудник проводит вас в зал подготовки.

Бесшумная дверь отъехала в сторону, и на пороге показался молодой человек с исключительно приятной улыбкой. Эштон машинально прикрыл руками мошонку: он всё еще чувствовал себя голым.

Комбинезон молодого человека почти сливался со стенами комнаты.

– Это совсем недалеко, – приветливо сказал он, делая жест в сторону коридора. – Не беспокойтесь, пол тут везде стерильный.

Эштон шагнул босиком через порог. Температура пола в коридоре синхронизировалась с температурой его тела, и он сразу же перестал чувствовать собственные ноги – как восемь дней назад, когда вышел с работы и, вместо того чтобы сесть в пневмопоезд и поехать домой, вызвал аэротакси и поехал в Центр Сновидений.

Розовощекий толстяк, принимавший их с Мией, встретил его профессиональной добродушной улыбкой.

– Насколько я понимаю, как лицо, принимающее медицинские решения относительно вашей супруги, вы решили передать ее номер, – сказал он. – До Переноса осталось восемь дней, поэтому вам доступна только адресная передача номера.

Эштон кивнул.

– Не в Лотерею, а кому-то конкретному, – уточнил толстяк.

Эштон снова кивнул, не совсем понимая, какой реакции тот добивается. Толстяк вздохнул.

– Для адресной передачи номера необходимо личное присутствие вторичного получателя, – терпеливо произнес он. – Иначе мы не сможем провести процедуру.

– Я знаю, – сказал Эштон. – Поэтому я приехал.

Толстяк нервно улыбнулся и потрогал свою блестящую лысину, словно проверяя, на месте ли она.

– Вы хотите сказать, что... – осторожно начал он и замолчал, недоверчиво глядя на Эштона. – Ваша супруга... – произнес он наконец.

– Работает, – сказал Эштон. – Но у вас же есть все ее данные. Мне сказали, что для адресной передачи номера ее присутствие необязательно.

Розовые щеки толстяка стали пунцовыми, и Эштон подумал, что он похож на младенца, который никак не может понять, что делать с новой развивающей игрушкой, которую ему подсовывают родители.

– Я хочу, чтобы вы понимали, – настойчиво произнес толстяк. – Вторичный получатель не может передать номер дальше. Вы будете вынуждены его использовать.

Эштон кивнул. Толстяк поднял брови и вернул на лицо добродушную профессиональную улыбку.

– Это ваше окончательное решение? – громко спросил он, обращаясь не столько к Эштону, сколько к системе записи консультаций. – Вы ознакомлены с процедурой передачи номера и понимаете все последствия?

Эштон был ознакомлен и понимал.

Они с толстяком обсудили организацию прощания с близкими, Перенос и условия содержания тела в криохранилище с круглосуточным доступом для ограниченного круга родственников и друзей. Единственным адресатом своих мыслеобразов Эштон назначил Мию. Он не хотел, чтобы родители с профессиональным любопытством исследователей копались в его подсознании, пусть даже их разделяло несколько световых лет. Мия должна была приехать в Центр Сновидений, чтобы подписать согласие на получение и хранение мыслеобразов.

– Без этого полученные мыслеобразы будут сразу удалены, – предупредил толстяк. – Но вы всё равно не будете знать, получает она их или нет.

Эштон кивнул. Он даже не знал, придет ли она попрощаться.

В зале подготовки никого не было. Сквозь окно в стене было видно соседнюю комнату, в центре которой на постаменте, опутанном проводами, лежала пластиковая капсула нейтраль-

ного цвета, похожая на продолговатый массивный кокон. Молодой человек подвел Эштона к одному из двух полукруглых кресел, повернутых друг к другу.

– Можете располагаться, – сказал он. – Наш сотрудник проводит ваших гостей сюда, как только они появятся. Перед началом Переноса я отведу вас в соседнюю комнату. При желании ваши гости смогут наблюдать всю процедуру отсюда.

Стена бесшумно разъехалась, выпуская молодого человека в просторный боковой коридор.

Эштон сел в кресло, глядя на пустое место напротив. В списке его гостей значилась только Мия. Эштон специально попросил родителей не приходить на прощание, потому что знал: при них им с Мией не удастся толком поговорить. Всю оставшуюся неделю до Переноса он репетировал этот разговор, оттачивая формулировки, продумывая варианты ее ответов и свои возможные реакции. Утром перед выходом из дома весь разговор уже отскакивал у него от зубов, так что он не сомневался, что ему удастся объяснить ей, почему для них это самый лучший выход. И для нее – тоже. Особенно для нее.

Но теперь время шло, и с каждой минутой Эштон чувствовал, как все правильные слова, которые он подобрал для Мии, растворяются в тишине, оставляя его пустым и беспомощным перед тем, что должно было случиться.

Он вдруг понял, что ничего толком не знает про Гарторикс.

Как все психологи, аккредитованные Центром Сновидений, он, конечно, проходил тренинг, в рамках которого нужно было не менее 25 часов провести в виртуальной среде с измененной проприоцепцией, проживая опыт сознания, помещенного в чужеродное тело. Это было забавно: они с коллегами строили разные предположения о предназначении четырех фиолетовых щупалец, которые выросли между ног у Дарин, и пульсирующих ресниц, прикрывавших что-то багровое и мягкое в центре груди у Леннарта. Но Эштон в любой момент мог нажать кнопку контроллера – и снова оказаться в собственном теле, в скучноватой комнате с мягким потолочным светом, в окружении сотрудников Центра Сновидений. В глубине души он знал, что всегда остается человеком.

Попытавшись представить себя без контроллера в руке, Эштон почувствовал, как у него закружилась голова, словно он стоял у самого края верхней террасы офисного небоскреба. Ему захотелось заорать; вместо этого он положил ноги на сиденье кресла напротив, откинулся назад и прикрыл глаза.

Доктор Элизеус Герингер был одним из ученых, сформулировавших теорию относительности сознания, которая легла в основу современной психологии Переноса. В условиях экстремальной телесной диссоциации всё, что воспринимается индивидуальным сознанием, может быть определено как существующее в реальности этого сознания. Эштон считал эту теорию иезуитской; она не оставляла надежды тем, кто, как и он, не мог представить себя вне своего тела. Значит ли это, что после Переноса его индивидуальное сознание просто перестанет существовать?

Легкое дыхание сквозняка коснулось его лица. Эштон дернулся в кресле и обернулся. Одна из боковых стен бесшумно разъехалась, но в помещение вошла не Мия, а всё тот же молодой человек в нейтральном комбинезоне.

– К сожалению, время вышло, – сказал он, и его исключительно приятная улыбка стала немного грустной. – Я должен проводить вас в соседнюю комнату.

Пальцы Эштона вцепились в мягкие подлокотники. Вы же убьете меня, хотел заорать он, вы же меня просто убьете! Но слова застряли в горле вместе с дыханием, и он только беспомощно смотрел, как молодой человек подходит к нему, кладет ладони на его запястья и, надавив на какие-то точки, легко разжимает ему пальцы, потом берется за плечи и одним плавным отточенным движением поднимает из кресла. Руки у молодого человека оказались неожиданно

сильными. Перехватив Эштона под локоть, он повел его в коридор, а оттуда – в соседнюю комнату с приглушенным голубоватым светом.

Рядом с постаментом стояли два сотрудника службы Переноса. Они синхронно улынулись Эштону; один придвинул к постаменту пластиковые ступеньки, другой взялся за ручку и широким жестом фокусника поднял крышку капсулы.

Внутри была мягкая пористая обивка. Не в силах отвернуться, Эштон смотрел, как она приближается к нему, переливаясь в голубоватом свете. Он даже не почувствовал, как поднялся на постамент.

Один из сотрудников передал молодому человеку, сопровождающему Эштона, круглую металлическую пластину, покрытую тонкими переплетающимися линиями.

– Это ретранслятор сигнала с вашим уникальным номером, – сказал молодой человек, хотя Эштон даже не смотрел в его сторону. – Вы можете почувствовать легкий дискомфорт, но через пару секунд всё пройдет.

Он аккуратно, но уверенно наклонил голову Эштона и приложил датчик к ямке в основании черепа.

Тело пронзил внезапный холод. В затылке словно открылось прозрачное ледяное окошко, сквозь которое холод проникал в самую глубину, туда, где уже ничего не было, вообще ничего. Эштон услышал, как ласковый бесполой голос уговаривает кого-то лечь поудобнее, и почувствовал, как мягкая пористая обивка расступается под его весом и обнимает ноги и ягодицы, готовясь забрать его себе без остатка.

Что-то заставило его обернуться – и он увидел Мию.

Ее лицо и ладони были прижаты к стеклу, разделявшему комнаты; она смотрела на него не мигая. Ухватившись за бортики капсулы, Эштон забился, пытаясь выбраться из мягкой пористой трясины, которая цепко обнимала его, с каждым движением проглатывая чуть глубже.

– Успокойтесь, господин Герингер, – склонился над ним молодой человек. – Материал должен принять форму вашего тела и зафиксироваться...

– Пустите ее, – задыхаясь, пробормотал Эштон. – Пожалуйста.

– Это невозможно, – молодой человек разжал ему пальцы и надавил на плечи, погружая в рыхлую глубину, словно в густую болотную жижу. – Перенос начнется через две с половиной минуты, иначе вы рискуете...

– Пустите ее! – заорал Эштон, извиваясь всем телом.

Двое сотрудников держали его за руки и за ноги, пока молодой человек безуспешно пытался утопить в обивке его голову. Пористый материал шипел, расступаясь и образуя вокруг Эштона некое подобие гротескного снежного ангела.

– ...полторы минуты!.. – услышал он чей-то отчаянный голос, что есть силы мотая головой и отплевываясь от шипящей пены.

– ...чтобы он умер в капсуле?! – выкрикнул другой, не менее отчаянный голос, и Эштон почувствовал, что его руки и ноги свободны. Подняв глаза, он увидел над бортиком капсулы Мию.

От неожиданности он замер. Пористая субстанция немедленно обняла его тело и голову, зафиксировав их, словно он был детской игрушкой-роботом в скрипящей подарочной упаковке. Не в силах пошевелиться, Эштон смотрел, как Мия перегибается через бортик и наклоняется так низко, что скрученная в пружину зеленая прядь падает ему на лоб.

– Я всё равно убью его, – прошептала она чуть слышно, и ее ресницы затрепетали от жаркого дыхания. – Спрыгну с эстакады – и он умрет вместе со мной.

Глава 11. Мия

Парень в комбинезоне захлопнул крышку капсулы, едва не прищемив ей пальцы. Мия отдернула руки и сделала шаг назад, промахнувшись мимо приставных ступенек, но ее поймали и аккуратно сняли с постамента. Обернувшись, она увидела нервную улыбку и вспотевший лоб над защитными очками – это был техник, отвечающий за своевременное начало процедуры.

– Заберите ее, – прошипел он, передавая Мию кому-то, словно она была неудобно упакованным свертком.

Ее подтащили к разъехавшейся стене и вытолкнули в пустой коридор. Мия слышала странный электронный гул, нарастающий за спиной, но тут стена закрылась и вокруг наступила полная тишина.

Потолок светился ровным нейтральным светом. Мия пошла вперед, покачиваясь на неудобных офисных каблуках, в которых приехала из клиники Колфилд, но не слышала даже стука собственных шагов: матовое покрытие пола и стен поглощало любые звуки. Мия скинула туфли и вдруг закричала – не от отчаяния, а просто чтобы хоть что-то услышать. Ее голос глухо ворочался внутри головы, как будто она кричала под водой. Прислонившись к стене, которая немедленно приняла температуру ее тела, Мия сползла на пол и уткнулась лицом в коленки. Она ничего не чувствовала.

Ее вытащили из служебного коридора уже под вечер. Центр Сновидений Северо-Западного округа официально извинился перед ней, признав, что действия сотрудников, проводивших процедуру Переноса для Эштона, были противоправными и нарушали сразу несколько внутренних инструкций и протоколов. Они вообще не должны были пускать вас к капсуле, сказала ей руководительница Технического Департамента, протягивая электронную форму с отказом от всех претензий и судебных исков.

Мия спросила, что будет, если она ничего не подпишет.

– Не знаю, – улыбнулась руководительница, обнажив влажные розовые десны. – Такого еще ни разу не было.

На улице было холодно. Станция находилась сразу за углом, но Мия пошла вперед, туда, где над последними этажами офисного комплекса выгибались тонкие линии скоростной эстакады.

На верхний уровень можно было попасть из пневмолифта центрального небоскреба. Прозрачная кабина с мелодичным звуком распахнула двери. Несколько человек шагнули внутрь и тут же уткнулись в коммуникаторы. Помедлив, Мия вошла следом: очередного лифта наверх надо было ждать еще минут десять.

Глядя на плывущие за стеклом одинаковые этажи, Мия думала про свое обещание. Она не успела понять, услышал ли Эштон ее слова, но сама успокоилась, как только произнесла их вслух. После Переноса право принимать медицинские решения за нее переходило к матери Эштона, так что это было единственное, что Мия могла сделать с собой сама. Ее личный билет на волю.

Резкий электронный звук раздался прямо над ухом. Мия вздрогнула и посмотрела на табло: до верхнего уровня оставалось еще этажей десять. Высокий мужчина в толстом сером пальто перехватил ее взгляд и развернул к ней экран своего коммуникатора.

– Аэротакси, – сказал он и слегка улыбнулся. – Советую заказать прямо сейчас: там наверху открытая площадка и очень ветрено.

По светящемуся экрану коммуникатора медленно ползла красно-белая точка.

Несколько человек подняли головы на голос мужчины в пальто и с вежливым любопытством посмотрели на Мию, в руках у которой ничего не было.

Спohватившись, она достала из сумки коммуникатор и открыла приложение.

– Берите комфорт-плюс, – дружелюбно произнесла толстая женщина с копной курчавых фиолетовых волос. – Они приезжают быстрее.

Чувствуя на себе ободряющие взгляды, Мия выбрала первый адрес из списка – их домашний – и нажала вызов. Красно-белая точка появилась под ее пальцем и быстро поползла к центру экрана.

– Видите, – весело сказал мужчина в пальто, – теперь вы спасены.

Мия вежливо улыбнулась ему и опустила глаза в коммуникатор. Минутой позже кабина плавно остановилась. В распахнувшиеся двери ворвался ледяной ветер. Кутаясь в пальто и поднимая воротники, пассажиры вышли из лифта и побежали к краю площадки, вдоль которого уже выстроились красно-белые аэротакси с электронными номерами на крыше.

Мия вышла вместе со всеми. Подойдя к самому краю площадки, она посмотрела вниз. Далеко внизу текла целая река стремительных разноцветных огней; Мия представила, как делает шаг вперед – и ее тело растворяется в потоке света...

В этот момент коммуникатор у нее в руке завибрировал, и прямо перед ней у края площадки появился красно-белый борт, закрыв от нее сверкающую реку.

– Это ваш? – чей-то голос заставил ее обернуться.

Высокий мужчина, на ветру казавшийся очень сутулым, кивнул на аэротакси, которое уже поднимало пассажирскую дверь перед Мией.

– Повезло, – сказал он и помахал коммуникатором. – Мое всё еще в пути. Пробка на нижнем уровне...

Под его завистливым взглядом Мия залезла в теплый салон и приложила палец к углублению. Дверь опустилась, электронные замки защелкнулись, и аэромобиль нырнул в сверкающий поток верхнего уровня.

Ничего, подумала Мия. Это можно сделать в любой момент.

В квартире было так тихо, что Мия вздрогнула, вставив карту-ключ в магнитный держатель, – щелчок получился слишком резким. Сразу зажегся свет; прикоснувшись к стене, Мия приглушила его и пошла в гостиную.

Везде было прибрано. В их квартире никогда не было такого порядка: на полу всегда что-то валялось, на диване лежала забытая одежда, в углу пылились гостевые тапочки, зачем-то принесенные из коридора. И носки – вечные носки Эштона, которые Мия доставала из-под дивана, из-за шкафа и даже из-под ковра в спальне, – теперь лежали аккуратными одинаковыми свертками в комод.

По зеркальной поверхности соседнего небоскреба осколками рассыпалась полная луна. Мия вспомнила, как они спорили с Эштоном про окна. В жилых районах выше 30 этажа фрамуги устанавливали только с разрешения страховой компании и за дополнительную плату. Поэтому они посмотрели еще несколько квартир в этом доме – одна из них была на 11 этаже, с огромными французскими окнами, выходящими на средний уровень парка, – но в итоге решили, что вид на небоскребы им важнее, чем шагнуть в парк прямо через окно.

На кухне было так же тихо и чисто. Даже холодильник был пуст. Мия вставила чайную капсулу в машину и нажала на кнопку. Пить не хотелось – хотелось почувствовать в стерильном воздухе квартиры хоть один живой запах. Когда последние капли упали в чашку, Мия вытащила ее из машины и, немного подумав, вылила всё в раковину. Машинально сполоснув чашку под краном, чтобы чайные разводы не впитались в белый фарфор, она открыла дверцу посудомойки – и замерла. На верхней полке стояла точно такая же фарфоровая чашка.

У Мии задрожали руки.

Высохший бурый налет покрывал чашку изнутри, собираясь на тонких стенках змеиными язычками. Остатки кофейной гущи присохли ко дну, превратившись в мелкие черные

катышки. Возле самого ободка, там, где губы Эштона прикасались к чашке, застыла потрескавшаяся половина коричневого поцелуя.

Шум воды наложился на звук разбившегося об пол фарфора. Мия едва успела наклониться, и ее вырвало прямо в раковину.

С рассветом она уже стояла на перроне. Пневмопоезд до Шоу-центра подошел на несколько минут раньше расписания. Мия вошла в вагон и села по ходу движения, с облегчением чувствуя, как пустая кухня с осколками чашки, которые она так и не смогла убрать с пола, остается позади и даже как будто в прошлом. Вернуться туда после работы было невыносимо. Щурясь на встающее из-за небоскребов солнце, Мия представляла, как выходит из поезда на 29 этаже Амальгамы, подходит к самому краю платформы и смотрит вниз...

Пассажиров было немного: до утреннего часа пик оставалось еще минут сорок.

Выйдя на перрон, Мия остановилась перед сверкающей стеклянной спиралью, уходящей в небо. Пневмопоезд за ее спиной с тихим шипением тронулся и, быстро набирая скорость, умчался дальше.

Досчитав до трех, Мия повернулась и сделала шаг...

– Что-то забыла? – раздался сзади веселый хриловатый голос, и Мия, вздрогнув, обернулась.

На перроне стоял Гатто с неизменным одноразовым стаканчиком в руке. Между пальцами, постепенно сползая вниз, блестел сгусток бежевой пенки.

– Я думал, родственникам после Переноса положен недельный отпуск, – сказал он, глядя на нее с неожиданным любопытством. – Тем более что все дополнительные финалы уже прошли.

– Работа же на этом не кончилась, – Мия зябко поежилась: взгляд у Гатто был слишком внимательным для светского трепа коллег на перроне.

– Да уж, – согласился он, всё еще глядя на нее. – В каком-то смысле ее стало даже больше.

Мия пожала плечами и растерянно улыбнулась. Порыв ветра от приближающегося пневмопоезда бросил волосы ей в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.